МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО
И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Управление преподавания общественных наук

М. Н. АЛЕКСЕЕВ

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»
Москва — 1960

В последние десятилетия вопросы диалектической логики привлекают к себе внимание широкого круга философов-марксистов. В нашей стране и в странах народной демократии появилось значительное количество работ по диалектической логике, проведены дискуссии о предмете этой науки и ее отношении к логике формальной.

Возросший интерес к диалектической логике со стороны марксистов — явление не случайное. Он связан с общим подъемом философской науки в нашей стране и в странах народной демократии, начавшимся особенно после XX съезда КПСС.

Необходимость разработки диалектической логики обусловлена, с одной стороны, большим значением этой отрасли философской науки, с другой, — недостаточностью логики формальной, не обеспечивающей полностью выполнения всех условий достижения истины.

Проблема диалектической логики слишком велика, чтобы ее можно было разобрать в одном небольшом труде. Для ее всестороннего освещения требуется не одна монография. В данной работе мы рассмотрим лишь наиболее важные, на наш взгляд, вопросы: предмет диалектической логики, конкретность понятий в диалектическом мышлении, восхождение от абстрактного к конкретному, единство логического и исторического, анализ и синтез, индукция и дедукция.

ГЛАВА I

Предмет диалектической логики

Известно, что кроме диалектической логики существует другая логика — логика формальная, отличающаяся от логики диалектической. Многие даже не знают, имеется ли вообще диалектическая логика, зато они ясно отдают себе отчет в том, что существует недиалектическая, формальная логика.

В нашу задачу не входит рассматривать содержание формальной логики. Заметим лишь, что она является недиалектической не потому, как иногда считают, что для нее не обязателен диалектический метод, а вследствие специфичности предмета, который она изучает. Ведь все науки, в том числе и науки о мышлении, отличаются друг от друга не своим общефилософским методом исследования (этот метод у них один и тот же), а предметом исследования и вытекающими из этого предмета частными методиками. Только при неправильном употреблении выражения «диалектическая логика» возникает ложное мнение, будто имеется логика, которая не должна пользоваться диалектическим методом. Следовательно, пользование диалектическим методом не есть специфическая черта диалектической логики.

Это первое, что надо иметь в виду, когда речь идет о диалектической логике.

Второе, что не следует забывать, касается самого содержания выражения «диалектическая логика». Как известно, термин «логика» может означать или объективную закономерную последовательность (например, в высказывании «неумолимая логика вещей»), или последовательность самого мышления (в выражении «сила логики в речах Ленина»), или науку о мышлении. Точно так же и словосочетание «диалектическая логика» может употребляться (в зависимости от контекста) в этих трех значениях. В дальнейшем всюду, где это специально не оговорено, под диалектической логикой мы будем понимать науку о мышлении.

Правда, в последнее время возник вопрос о том, является ли и вообще может ли быть логика наукой о мышлении? Вопрос этот ставится не только представителями математической логики, под влиянием развития которой он как раз возник, но и некоторыми представителями логики диалектической (хотя ос-

нования постановки такого вопроса у тех и других совершенно различны). Раньше, примерно до середины XIX в., такой вопрос не возникал, все считали логику наукой о мышлении, а не о чем-либо другом. Но затем, с развитием таких наук, как математическая логика, психология, а также диалектика, данный вопрос стал одним из наиболее острых.

Под влиянием неоспоримых достижений математической логики некоторые философы, неправильно оценивая ее результаты, стали утверждать, будто логика имеет дело не с мышлением, а с действительностью, с вещами. Такого взгляда, в частности, придерживается немецкий логик П. Линке, который в своей статье «Что такое логика» писал: «Эти самые всеобщие законы сущего называем мы логическими законами. Их и отношения, на которых они строятся, называем мы в их общности логическим. И наука, которая имеет своей задачей обстоятельное обоснование его, есть логика»[1].

Мы не будем обсуждать здесь вопрос о предмете логики вообще, это увело бы нас далеко от поставленной задачи — раскрыть предмет и содержание именно диалектической логики. Заметим только, что как бы его не решали, все равно должна быть наука о мышлении, которая изучала бы понятия, суждения, умозаключения как необходимые условия и формы достижения истины. При этом нужно также учитывать, что признание мышления в качестве предмета логики само по себе еще не гарантирует правильности понимания логики, ибо надо еще выяснить, что представляет собой это мышление, должно ли оно рассматриваться в плане истинности или браться лишь как психический акт, к чему склоняются некоторые психологи.

Во всяком случае мы исходим из того, что предметом исследования логики является мышление как необходимое условие и средство достижения истины. Логика изучает мышление именно с этой его стороны.

Но если логика есть наука о мышлении, то ясно, что и диалектическая логика, являясь наукой о мышлении, должна изучать какую-то сторону мышления. Нельзя признавать диалектическую логику именно как логику и вместе с тем утверждать, что она не есть наука о мышлении. Поэтому те, кто считает диалектическую логику наукой об объективных вещах, допускает, с нашей точки зрения, «contradictio in adjecto», логикой они называют то, что ею совсем не является.

1. Различные понимания диалектической логики

До недавнего времени отдельные наши философы не признавали диалектическую логику. Они считали, что есть только одна наука о мышлении — формальная логика. В настоящее время,

[1] P. Linke. Was ist Logik. Zeitschrift für philosophische Forschung, Bd. VI Heft, 3, 1952, S. 398.

особенно после прошедших дискуссий по вопросам логики, таких философов у нас уже почти нет. Большинство признает, что диалектическая логика существует, и обсуждение ее предмета имеет под собой реальную почву.

Что же касается врагов диалектического материализма — буржуазных философов и ревизионистов, — то сейчас, так же как и раньше, они не признают диалектической логики. Для них диалектическая логика—это пустой звук, а задачу ее разработки они считают иллюзорной.

Враждебное отношение к диалектической логике со стороны врагов марксизма толкает их к тому, что они прилагают все усилия, чтобы ее опорочить. Противники марксистской философии считают, что диалектическая логика и вообще диалектика есть не что иное как софистика, нужная марксистам якобы для того, чтобы оправдать свои положения, неподдающиеся логическому обоснованию. Канадский профессор Мейо пишет: «Как инструмент анализа диалектика полна неясностей и поэтому она хорошо приспособлена для удовлетворения нужд любого диалектика. Она особенно двусмысленна, когда ее употребляют для объяснения исторических изменений, она дает различные результаты в различных руках...»[1]. Вот уж действительно, как говорится, с больной головы на здоровую. Буржуазные философы и ревизионисты сами постоянно прибегают к софистике, никакого иного метода рассуждения не признают, а обвиняют в этих грехах марксистов. Таков вообще излюбленный прием «критики» марксизма со стороны буржуазных философов и ревизионистов.

Поскольку буржуазные философы и ревизионисты никаких аргументов против диалектической логики не приводят, а просто отвергают ее, мы не будем на них больше останавливаться, тем более, что наша главная задача — раскрытие положительного содержания диалектической логики, а не анализ различных нападок на нее.

Среди советских философов и среди марксистов-философов других стран нет единого мнения о сущности, содержании и целях диалектической логики, а также об ее отношении к другим областям философской науки. Одни советские философы считают, что диалектическая логика имеет свой специальный предмет исследования, другие, напротив, не признают за ней этого. Есть и такие философы, которые считают, что говорить о предмете диалектической логики вообще нет смысла, ибо она не наука, не теория, но всего лишь метод, орудие исследования.

Так как последняя точка зрения высказывается главным образом в устных выступлениях, причем без должной аргументации, мы не будем на ней останавливаться. Рассмотрим только те ошибочные, на наш взгляд, представления, которые продол-

[1] H. B. Mayo. Democracy and marxism. N. J. 1955, p. 15.

жают пропагандироваться на страницах наших книг и журналов и которые разделяются довольно большой группой философов.

Если изучить материалы дискуссии, организованной журналом «Вопросы философии» несколько лет тому назад[1], а также статьи, книги и стенограммы заседаний ученых советов, на которых обсуждались вопросы соотношения формальной и диалектической логики, то можно установить, что в интересующем нас вопросе боролись и продолжают бороться в основном следующие две точки зрения.

1) Диалектическая логика существует, однако она представляет собой вовсе не логику, не учение о мышлении, его законах и формах, а лишь теорию познания, гносеологию.

2) Диалектическая логика есть именно логика, ибо она изучает законы и формы мышления; поэтому диалектическую логику нельзя сводить к теории познания.

Рассмотрим подробно эти точки зрения и те аргументы, которые в их защиту приводятся.

Сторонники первой точки зрения исходят из того, что диалектическая логика есть не что иное, как диалектика, однако лишь в той части, где последняя касается мышления. В диалектике, по их мнению, имеется три части: учение о природе — диалектический материализм, учение об обществе — исторический материализм и учение о мышлении, представляющее собой диалектическую логику.

Один из представителей этой точки зрения К. С. Бакрадзе, касаясь вопроса соотношения формальной логики и диалектики, писал: «Диалектика — наука о наиболее общих законах движения и развития действительности: природы, общества и мышления. Но в данном вопросе речь может идти не о всей диалектике в целом, а только о диалектике как теории познания. Конечно, мы не ставим вопроса о взаимоотношении логики и диалектики природы или логики и диалектики общества (исторического материализма). Тут мы имеем в виду только одну сторону диалектики — именно диалектику как науку о мышлении»[2]. Вывод К. С. Бакрадзе таков: диалектика как наука о познании, теория познания, и есть то, что обычно называют диалектической логикой.

Этот исходный пункт рассматриваемой точки зрения значительно яснее сформулировал В. П. Рожин. В статье «О материалистической диалектике как логике и теории познания» В. П. Рожин писал: «Диалектика как наука о всеобщих законах развития природы выступает как диалектика природы. Марксистско-ленинская диалектика как наука о наиболее общих законах и движущих силах развития общества выступает как диалектика

[1] См. «Вопросы философии» за 1950 и 1951 гг.

[2] К. Бакрадзе. Логика. Тбилиси, 1951, стр. 72; см. также его статью «К вопросу о соотношении логики и диалектики», опубликованную в «Вопросах философии», № 2, 1950, стр. 201.

общества, как исторический материализм. Диалектика как наука о мышлении, его законах и формах выступает как диалектическая логика»[1]. Правда, в отличие от К. С. Бакрадзе, В. П. Рожин, кроме диалектической логики, выделяет в диалектике как учении о мышлении еще одну часть — теорию познания. Но это не меняет существа дела.

Уже здесь, в самом своем исходном пункте первая точка зрения содержит грубую ошибку. Эта ошибка состоит, во-первых, в совершенно неоправданном расчленении науки диалектики на диалектику природы, диалектику общества и диалектику мышления, а во-вторых, в незаконном отождествлении этих искусственно выделенных «частей» с диалектическим материализмом, историческим материализмом, диалектической логикой. На самом деле диалектика как учение о развитии есть единая философская наука, и, будучи таковой, она формулирует для природы, общества, мышления не разные, а одинаковые законы. Задача диалектики — установить не частные, а всеобщие закономерности, которым в одинаковой мере подчинены мышление, природа и общество. Именно это придает диалектике философский характер. Если бы диалектика формулировала для каждой из этих трех сфер специфические законы развития, она не была бы философской наукой. Специфические законы развития изучаются конкретными областями знания. Например, законы развития феодализма изучаются историей и политической экономией, законы развития языка — языкознанием и т. д.

Следовательно, неправомерно считать, будто частями диалектики являются специфические законы развития природы, общества, мышления, ибо тогда потребовалась бы еще одна наука, которая изучала бы общие законы этих трех областей. Подлинными «частями» диалектики могли бы быть, например, учение о законе единства и борьбы противоположностей, учение о законе отрицания отрицания, учение о сущности и явлении и т. п.

Еще более грубой ошибкой является отождествление этих искусственно выделенных из диалектики «частей» с диалектическим материализмом, историческим материализмом, диалектической логикой.

Как известно, диалектический материализм есть учение о материальности мира и диалектическом характере его развития. В этом своем значении он выступает как мировоззрение. Соответственно двум указанным сторонам диалектический материализм включает в себя материализм и диалектику, а потому шире по объему, чем эта последняя. Диалектика есть часть, момент, сторона диалектического материализма, но не весь диалектический материализм в целом. Будет, следовательно, ошибкой, если мы сведем диалектический материализм только к диа-

[1] См. «Вестник Ленинградского университета», № 5, 1956, стр. 36.

лектике, а тем более к диалектике природы, как это делают представители критикуемой точки зрения, в том числе К. С. Бакрадзе и В. П. Рожин.

По тем же мотивам нельзя сводить исторический материализм лишь к диалектике общества, ибо при этом выпадает материалистическое объяснение общественных явлений. Исторический материализм есть приложение к изучению общества не только диалектики, но и материализма, т. е. всего диалектического материализма в целом.

Если, как видим, недопустимо сводить диалектический материализм к диалектике природы, а исторический материализм — к диалектике общества, то еще меньше оснований сводить диалектическую логику к диалектике мышления. Но об этом мы скажем подробно ниже.

Оставим, однако, ошибочный исходный пункт критикуемой точки зрения и рассмотрим главный вопрос: как в ней понимается диалектическая логика.

В своей статье, на которую мы уже ссылались, К. С. Бакрадзе пишет: «Классики марксизма-ленинизма, говоря о диалектической логике, отождествляют ее с диалектикой, диалектическим материализмом. Диалектический материализм как мировоззрение марксистско-ленинской партии является... теорией познания» [1]. Следовательно, диалектическая логика в представлении К. С. Бакрадзе (а отнюдь не классиков марксизма-ленинизма) есть лишь теория познания. Чтобы у читателя не осталось на этот счет ни малейшего сомнения, К. С. Бакрадзе далее перечисляет те вопросы, которыми должна заниматься диалектическая логика. «Диалектика как теория познания ставит и решает вопросы о том, возможно ли познание, что такое познание, что такое истина, какова истина, вопрос о взаимоотношении восприятий и мышления в процессе познания, вопрос о практике как критерии истины и др.» [2]. Сказано совершенно ясно: диалектическая логика есть вовсе не логика, а теория познания. Ну, а что же такое логика? Для К. С. Бакрадзе и тех, кто разделяет его взгляд, логика — это только формальная логика. Для него логические закономерности мышления — это те закономерности, которые устанавливает в мышлении формальная логика. С этим, однако, согласиться невозможно. В действительности формальная логика не исчерпывает всех имеющихся в мышлении закономерностей. В мышлении есть такие законы (их открытие представляет завоевание XIX столетия), которые не входят в ком-

---

[1] «Вопросы философии», № 2, 1950, стр. 201. В недавно вышедшей книге К. Бакрадзе «Система и метод философии Гегеля» (Тбилиси, 1958, стр. 340) мы читаем: «Под понятием диалектической логики нужно понимать именно учение диалектического материализма о познании».

[2] Там же.

петенцию формальной логики, — это законы диалектические. Формальная логика изучает мышление, его формы, приемы и операции только под одним углом зрения: как действуют в них принципы тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания. Все правила формальной логики (правила определения, деления, обращения, правила силлогизма и т. д.) есть лишь выражение требований указанных принципов. На большее формальная логика не претендует и законы развития мышления она не изучает.

Под влиянием развернувшейся критики часть сторонников рассматриваемой точки зрения вынуждена была несколько иначе определять предмет диалектической логики. Они перестали в категорической форме утверждать, что диалектическая логика занимается познанием, а формальная — мышлением и начали склоняться к мнению, что обе логики, и формальная и диалектическая, изучают мышление, только первая берет его со стороны формы, вторая — со стороны содержания[1].

Однако такое разделение функций двух наук о мышлении по принципу «форма — содержание» не улучшило положение данной точки зрения, не сделало ее истинной, ибо, как увидим в дальнейшем, сами формы мышления (понятие, суждение, умозаключение) изучаются не только формальной логикой, но и не в меньшей мере логикой диалектической. Не меняет дела и признание в качестве предмета диалектической логики «процессов развития конкретных (определенных по своему содержанию) понятий, суждений, умозаключений»[2], потому что данные понятия, суждения, умозаключения опять-таки берутся со стороны содержания.

Таким образом, на данном пути решения проблемы диалектической логики, при котором она всецело сводится к теории познания или к учению об одном лишь содержании мышления, невозможно дать правильный ответ на вопрос: что собой представляет диалектическая логика.

Перед тем как разбирать вторую точку зрения, правильную, как мы уже отметили, в своей основе, мы должны выяснить исходный пункт этой точки зрения, тот принцип, на который она опирается (точно так же, как это мы делали в отношении первой точки зрения). Этим принципом является ленинское положение о единстве (тождестве) диалектики, логики и теории познания. Рассмотрим коротко данный принцип в плане решения нашей основной задачи.

---

[1] Немецкий философ Г. Клаус, разделяющий, по существу, эту точку зрения, вместо формы и содержания мышления говорит об экстенсиональных и интенсиональных отношениях мышления. См. G. Klaus. Einführung in die Fermale Logik. Berlin, 1958.

[2] «Вопросы логики», М., 1955, стр. 19.

2. Единство диалектики, теории познания и логики как основа решения вопроса о предмете диалектической логики

В домарксистской философии было принято выделять следующие основные части философского знания: онтологию, гносеологию и логику. Онтология рассматривалась при этом как учение о бытии и его сущности; гносеология — как учение о процессе познания, а логика — как теория мышления. Эти три части философии обособились друг от друга, так что законы онтологии никакого отношения не имели к гносеологии и логике, законы гносеологии — к онтологии и логике, а законы логики — к онтологии и гносеологии. Каждая из указанных областей рассматривалась самостоятельно, изолированно от двух других.

Этот метафизический взгляд, отделявший мышление от познания, а мышление и познание, в свою очередь, от бытия, продержался вплоть до Гегеля. Гегель нанес решительный удар по данному метафизическому взгляду, и нанес он его с помощью им же развитой диалектики.

До Гегеля на диалектику смотрели лишь как на искусство спора, полемики, при котором спорящие стороны, сталкивая противоположные мнения, приходят к истине. Такое представление о диалектике, исходившее от древних греков, Гегель справедливо отверг как узкое и одностороннее. Он показал, что не только полемика осуществляется через столкновение противоположных сил, но и вся действительность существует и развивается благодаря борьбе противоположностей. В основе всякого развития, говорит Гегель, лежит взаимопроникновение противоположностей. Эта идея Гегеля о борьбе противоположностей как источнике всякого изменения была впоследствии развита им в цельное и стройное учение, получившее название диалектики.

Установив диалектический характер развития всего универсума, показав, что последний развивается по законам отрицания отрицания, единства и борьбы противоположностей и др., Гегель пришел к выводу, что философия должна быть не чем иным, как учением об этом развитии, должна быть диалектикой. А так как познание есть всего лишь самопознание абсолютного духа, лежащего в основе универсума, то теория познания также должна иметь диалектический характер, должна быть диалектикой. Столь же диалектической должна быть и логика, поскольку она есть квинтэссенция, сущность познания. В этом состояла здоровая мысль Гегеля о единстве диалектики, логики и теории познания. Исходя из этой предпосылки, Гегель разработал новую, диалектическую логику, назвав ее логикой разума, в противовес формальной логике, которую он квалифицировал как логику рассудка.

Гегелевская диалектическая логика состоит из двух частей: так называемой объективной логики и логики субъективной. В

объективную логику включается учение о бытии и учение о сущности. В ней разбираются такие категории, как бытие, качество, количество, мера, тождество, различие, противоречие, сущность, явление, форма, содержание, возможность, действительность и др. Субъективную логику составляет учение о понятии, суждении, умозаключении, а также учение об объекте (механизм, химизм, телеология)[1].

Особенностью гегелевской логики является то, что в ней категории развиваются одна из другой, а не ставятся друг возле друга (как в формальной логике), они субординируются, а не координируются. Гегель развивает, выводит категорию количества из категории качества, категорию меры из категории количества и т. д. Он выводит умозаключение из суждения, суждение из понятия. Вторая отличительная черта гегелевской логики — ее связь, тождество с теорией познания. Собственно, по Гегелю, диалектическая логика — это и есть теория познания, взятая в ее чистом, свободном от эмпирической формы виде. Этапы развития данной диалектической логики соответствуют основным этапам исторического развития познания.

Однако, несмотря на то, что Гегель сформулировал основные черты диалектической логики, опираясь на принцип тождества логики, диалектики и теории познания, его логику еще нельзя считать научной; во-первых, потому, что в ней извращается действительное отношение вещей. По Гегелю логический процесс является первичным, исходным, определяющим процессом, тогда как природа и человеческое общество служат лишь его бледным отблеском. В действительности же, как известно, дело обстоит наоборот: логика, мышление есть лишь обусловленное практикой отражение природы и общества, развивающихся независимо от мышления. Ненаучность логики Гегеля состоит, во-вторых, в искусственности переходов от одной категории к другой, что также связано с идеалистическим исходным пунктом этой логики. Переход от одной категории к другой совершается у Гегеля либо посредством какого-либо остроумного замечания, либо с помощью простой игры слов (как это, например, имеет место при переходе к категории основания).

Следовательно, идеалистически понимая мышление и природу, Гегель не разработал действительно научной диалектической логики.

Только диалектический материализм смог научно обосновать и провести последовательно до конца принцип совпадения диалектики, логики и теории познания и тем самым заложить основы подлинно научной диалектической логики.

Диалектический материализм учит, что природа, все окружающие нас вещи и явления подчиняются законам диалектики, они изменяются и развиваются, заключают в себе внутренние про-

[1] См. Гегель. Соч., т. I. М., 1930.

тиворечия, переходы от одного качественного состояния к другому. Природа во всех своих разнообразных формах диалектична. Процессы познания и мышления, будучи субъективными процессами, всецело зависят от материальной природы. Они отражают эту природу, вещи и процессы. Познание и мышление формируются не иначе, как под влиянием материальной природы, в результате практического изменения ее человеком.

Такая зависимость познания и мышления от природы, обусловленность их природой связана с тем, что они возникают не иначе, как подчиняющиеся законам диалектики, в них отражается объективная диалектика вещей. «Так называемая *объективная* диалектика, — пишет Ф. Энгельс, — царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей...» [1]. Иначе говоря, в процессах познания и мышления господствует та же самая диалектика, которой подчиняются все вещи и явления объективной материальной действительности.

Следовательно, диалектический характер развития материального мира и зависимость от него процессов познания, мышления необходимо обусловливают диалектический характер самих этих процессов познания и мышления. Ф. Энгельс говорит: «Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собой»[2].

Таким образом, законам диалектики в одинаковой мере подчиняются как объективные процессы природы, так и субъективные процессы познания и мышления. Отсюда следует важный вывод для всей марксистской философии. Вывод этот состоит в следующем. Если диалектикой мы назовем учение о наиболее общих законах развития действительности, теорией познания — учение о развитии процесса познания, а логикой — теорию мышления, то окажется, что по своим наиболее общим законам эти три стороны марксистской философии совпадают между собой. Законы развития природы являются в то же время наиболее общими законами развития познания и мышления.

Это совпадение законов развития в трех отмеченных областях хорошо выразил В. И. Ленин: «Диалектика *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах»[3]. И в другом месте: «В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма [не надо 3-х слов: это одно и то

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1955, стр. 166.
[2] Там же, стр. 213.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 360.

же], взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед»[1].

Положение В. И. Ленина о тождестве в марксистской философии диалектики, логики и теории познания вызвало и вызывает много различных толкований. Одни считают его чуть ли не случайным замечанием, брошенным В. И. Лениным под влиянием чтения Гегеля. Другие утверждают, что это положение не следует брать в буквальном смысле, ибо никакого тождества между диалектикой, логикой и теорией познания на самом деле не существует. Третьи заявляют, что ленинские слова нужно понимать буквально, поскольку-де разницы между диалектикой, логикой и теорией познания и в самом деле не существует.

Чтобы разобраться в этом вопросе, надо выяснить, в каком смысле В. И. Ленин употребляет выражение «одно и то же». Разумеется, для этого надо обратиться к контексту и вообще привлечь всю сумму высказываний В. И. Ленина по данному вопросу.

Бесспорно, выражение «одно и то же» означает тождество. Но о тождестве можно говорить как в абстрактном, абсолютном смысле, так и в смысле конкретном, относительном. Абстрактное тождество — это такое тождество, которое резко отделено от различия, не содержит его в себе. Оно никак не связано с различием. Совершенно очевидно, что такого абстрактного тождества нигде в природе не существует, оно может быть лишь в сфере мышления, представления, притом метафизического. В противоположность абстрактному тождеству тождество конкретное всегда связано с различием и, в определенном смысле, включает его в себя. О таком тождестве нельзя говорить, не апеллируя к различию. Это конкретное тождество существует как в явлениях природы и общества, так и в процессах мышления. Тот, кто признает конкретное тождество, мыслит (при выполнении прочих требований диалектики) диалектически.

Само собою разумеется, что, говоря о тождестве диалектики, логики и теории познания, Ленин, будучи диалектиком, под тождеством мог понимать только конкретное тождество, а отнюдь не абстрактное. Он видел в указанных трех сторонах марксистской философии не только черты сходства, но и различия. Это видно из самого контекста. В самом деле, какова основная мысль В. И. Ленина, высказанная им в приведенных выше словах? Мысль о том, что процесс развития познания и мышления полностью подчиняется законам диалектики, как им подчиняется развитие природы и общества. Именно в этом весь пафос ленинских слов о тождестве диалектики, логики и теории познания. Поэтому теорию познания и логики нельзя отрывать от диалектики, наоборот, диалектику надо включить в теорию познания и логику. В статье «Карл Маркс» В. И. Ле-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 315.

ния специально указывает на это как на важное историческое завоевание. «А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от *не*знания к познанию» [1].

Таким образом, смысл ленинского положения о тождестве диалектики, логики и теории познания состоит не в абсолютном приравнивании друг к другу этих различных сторон марксистской философии, а в подчеркивании одинаковости наиболее общих законов, которые их пронизывают от начала до конца, именно законов диалектики. Следовательно, это тождество нельзя понимать в том смысле, в каком говорят о тождестве, когда, например, утверждают, что диалектический и исторический материализм, марксистско-ленинская философия и мировоззрение марксистско-ленинской партии — это одно и то же. Тут действительно три различных выражения для обозначения одного и того же. Скажем ли мы: диалектический и исторический материализм, марксистско-ленинская философия или мировоззрение марксистско-ленинской партии—мы будем иметь в виду одно и то же содержание. Этого, однако, нельзя сказать о диалектике, теории познания и логике, которые хотя и имеют между собой много общего, тем не менее не могут заменить друг друга. Мышление, познание нельзя полностью отождествить (даже по объему) между собой, как нельзя полностью отождествить их вместе взятые с диалектическим процессом, который имеет место также вне познания и мышления. А поскольку мышление, познание и диалектический процесс не сводимы друг к другу, постольку не сводимы друг к другу и соответствующие им разделы марксистской философии — логика, теория познания и диалектика.

Правильное, основанное на диалектическом подходе понимание тезиса Ленина о тождестве диалектики, логики и теории познания открывает широкий путь для решения вопроса о предмете диалектической логики и ее содержании.

3. Диалектические закономерности мышления как предмет диалектической логики

В противоположность первой точке зрения вторая точка зрения на диалектическую логику исходит из того, что диалектическая логика есть именно логика, поскольку она изучает не познание вообще, а мышление с его разнообразными формами, приемами, операциями. Эта точка зрения в ее общем виде является правильной. Однако она должна быть нами подробно рассмотрена, тем более, что за ее общей формулой нередко скрываются ошибочные представления.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 38.

Одно из таких ошибочных представлений полностью отождествляет диалектическую логику с диалектическим материализмом, не видит между этими понятиями никакого различия[1].

По мнению философов, разделяющих это представление, диалектическая логика занимается теми же самыми вопросами, что и диалектический материализм, она изучает и материальные, и духовные явления, т. е. и вещи, и мысли о них. Содержание и структура диалектической логики оказываются тождественными содержанию и структуре диалектического материализма. Остается только спросить, зачем нужна такая диалектическая логика, если ее вполне заменяет диалектический материализм, с которым она во всем совпадает?

Абсолютное отождествление диалектической логики с диалектическим материализмом, при котором полностью теряются их оттенки, является крайне бесплодным, ибо оно не ориентирует исследователей на разработку специфических проблем диалектической логики. Ведь совершенно очевидно, что если диалектическая логика есть диалектический материализм, то разработка проблем диалектического материализма должна быть разработкой проблем диалектической логики. Однако, как свидетельствует многолетний опыт, разработка нашими философами диалектического материализма еще не приводила сама по себе к разработке диалектической логики. Не случайно поэтому, что в этой области нами почти ничего не сделано. И это неудивительно, ибо сколько бы мы ни говорили, что диалектическая логика есть диалектический материализм, от этого решение проблемы специфического содержания диалектической логики не продвигается ни на шаг. Да и как оно может быть продвинуто, если здесь все дело сводится к замене одного названия другим. Раньше называли философию диалектическим материализмом, теперь предлагают назвать ее диалектической логикой. Но суть дела остается прежней: диалектическая логика как наука, как распространение положений диалектического материализма на процессы мышления не разрабатывается. А это распространение не достигается автоматическим путем, его надо уметь осуществить. Тут одного знания общих положений диалектического материализма совершенно недостаточно.

Часто ссылаются на В. И. Ленина, на его замечание в «Философских тетрадях» о том, что «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира»[2]. Ссылаясь на это высказывание Ленина, говорят, что диалектическая логика это и есть диалек-

---

[1] См., например, вводную статью В. И. Черкесова в кн. Б. Бьярнасона «Философские этюды», М., 1955. стр. 6.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 80—81.

тический материализм. Но, во-первых, следует учитывать контекст, в связи с которым В. И. Ленин сделал это свое замечание. Как известно, данное замечание В. И. Ленин сделал, читая «Науку логики» Гегеля. В. И. Ленин обратил внимание на то, что великий диалектик вопреки господствовавшему в его время мнению защищает правильную идею единства законов мышления и законов бытия. В связи с этим В. И. Ленин и делает указанное замечание. Однако В. И. Ленин не ставил перед собой цели (это видно из того же контекста) дать точное определение предмета диалектической логики. Если уж искать в «Философских тетрадях» определение предмета диалектической логики, то надо обратиться к другому месту, где В. И. Ленин действительно раскрывает предмет этой науки, именно к тому, в котором указывается, что «отношения (= переходы = противоречия) понятий = главное содержание логики...»[1]. Во-вторых, совершенно неправильно делать заключение о предмете диалектической логики на основании лишь одного высказывания В. И. Ленина. Надо брать всю сумму ленинских идей о диалектической логике, а их в «Философских тетрадях» действительно много. Но самое главное состоит в том, что при решении вопроса о диалектической логике (как равно и любого другого вопроса) следует исходить из фактов науки, а не из цитат. Только в фактах науки и можно найти ответ на вопрос о предмете этой науки, о праве ее на самостоятельное существование. К сожалению, эти факты некоторые философы не учитывают.

К тому же не следует забывать, что в приведенном высказывании В. И. Ленин употребляет термин «логика» в широком смысле, а не в значении науки о мышлении. Но такой широкий смысл «логики» означает для нас не что иное, как философию диалектического материализма. Диалектический и исторический материализм как философия марксизма — это и есть учение о законах развития всего конкретного содержания мира и познания его. Однако имеется понятие логики и в специальном смысле — как учение о мышлении.

Рассмотрим еще одно, опять-таки, по существу, неправильное, но скрывающееся под той же правильной общей формулой («диалектическая логика есть наука о законах и формах мышления») представление о диалектической логике. Речь идет о взгляде, который изображает диалектическую логику как обработанное с помощью диалектического метода учение о понятии, суждении, умозаключении. Это представление подробно развивает и обосновывает в своей книге «Логика» венгерский философ Б. Фогараши.

В названной книге Б. Фогараши пишет: «Подобно тому как Маркс применяет всеобщий метод диалектики в отдельной науке, политической экономии, как советская наука сознательно при-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 188.

меняет диалектику в различных областях естествознания, так мы должны применять основные положения, принципы, метод диалектики в изложении логики»[1]. Применение к изложению учения о формах и законах мышления диалектического метода создает, по мнению Б. Фогараши, диалектическую логику. Эту диалектическую логику он определяет как «обработанную посредством диалектического метода науку о законах и формах мышления».

Такое понимание диалектической логики как результата применения диалектического метода к изложению учения о формах мышления само по себе еще ни о чем не говорит. Оно может означать как включение исследовательских проблем диалектики в науку формальной логики, так и создание, выделение в ряде теоретических дисциплин самостоятельного учения о диалектике логических форм.

Но с включением вопросов диалектики в формальную логику нельзя согласиться, ибо это ведет к смешению предметов двух разных наук — формальной логики и логики диалектической. Что же касается создания самостоятельного учения о диалектике форм мышления (понятия, суждения, умозаключения), то против него в принципе возражать не приходится, если только к этому учению не сводят все богатство содержания диалектической логики. Диалектическая логика включает в себя то, что называют диалектикой форм мышления, но она не сводится к ней, как ошибочно считают некоторые авторы[2], а содержит в себе и многие другие моменты.

Диалектическая логика есть философская наука, имеющая свой особый предмет исследования. Поэтому ее нельзя полностью приравнять ни к диалектическому материализму в целом, ни к его отдельной части—диалектике, ни даже к диалектическому методу в обычном его понимании. Во-первых, диалектическая логика изучает не природу, а мышление (его формы, законы, методы); во-вторых, мышление она рассматривает не со всех сторон, а только с той, которая характеризует действие в нем законов диалектики.

Как мы отметили выше, диалектические законы господствуют всюду: и во внешнем материальном мире и в его идеальном отражении, в мышлении. Мышление подчиняется всем законам диалектики: отрицанию отрицания, переходу количественных изменений в качественные, единству и борьбе противоположностей. В нем действуют закономерности, выражаемые диалектическими категориями, такими, как сущность и явление, случайность и необходимость, форма и содержание и т. п. Эти диалектические закономерности и изучает диалектическая логика. Поэтому ее

---

[1] B. Fogarasi. Logik Berlin, 1955, s. 25.

[2] См. статью В. К. Астафьева «О двух ступенях в развитии логики», «Вопросы философии», № 4, 1951, стр. 231.

называют диалектической, в отличие от формальной логики, ограничивающейся законами тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания. Диалектическая логика называется так не потому, что изучает одно содержание мышления без формы, а в связи с тем, что, изучая содержание мышления в единстве с его формой, она вскрывает в них диалектические закономерности.

Поскольку диалектическая логика изучает диалектические закономерности мышления, ее можно определить как науку о диалектике мышления или, более определенно, о диалектическом мышлении. Диалектика мышления и диалектическое мышление — вот из чего складывается предмет диалектической логики.

Это требует от нас выяснить, что такое диалектика мышления и что такое диалектическое мышление, и в каких формах они существуют.

4. Диалéктика мышления и диалектическое мышление

Диалектические закономерности проявляются в мышлении двояким образом: объективно и субъективно.

Объективно законы диалектики проявляются в той стороне мышления, которая не зависит от воли и сознания людей. Люди могут не предполагать этих законов в мышлении, могут даже не желать их и тем не менее они будут в нем действовать. Примером такой объективной диалектики служит само диалектическое развитие мышления, движение его от неполного и неточного знания к знанию более полному и точному. Непрерывное развитие мышления также не зависит от того, осознают данное развитие люди или не осознают, хотят с ним считаться или не хотят. Другим примером объективной диалектики мышления является внутреннее, присущее всякому суждению противоречие между субъектом и предикатом, также не зависящее от нашего желания.

Напротив, субъективная диалектика в мышлении связана с той его стороной, которая всецело находится в ведении сознания человека и подчиняется его воле (хотя и обусловлена внешним миром). В мышлении она может быть, а может и не быть, в зависимости от того, считает ли нужным допускать ее человек или не считает. Так, например, при исследовании предмета я могу посчитаться с его диалектикой, а могу и не посчитаться с ней — в этом никакой неизбежности нет, никто меня к этому принудить не может. Также нет неизбежной необходимости в том, чтобы я соблюдал диалектический метод с его различными чертами и приемами. Как известно, тот, кто не желает пользоваться диалектическим методом, весьма успешно достигает этого (правда, ценою превращения в метафизика).

Объективная диалектика в мышлении и есть как раз то, что

выше названо диалектикой мышления (в отличие от диалектического мышления, представляющего собой субъективную диалектику). Когда мы говорим «диалектика мышления», мы хотим выделить именно это, присущее любому мышлению объективное проявление в нем диалектических законов. Ничего большего выражение «диалектика мышления» не означает.

Объективная диалектика мышления многообразна, она охватывает собой различные его моменты: форму и содержание, приемы мышления, самое способность мышления и т. д. Возьмем понятие, эту исходную логическую форму. Понятие по своей природе диалектично, ибо заключает в себе органически связанные между собой единичные, особенные и всеобщие признаки. Каждое конкретное понятие (например, понятие о капитализме) содержит в себе признаки, свойственные только данному предмету (капитализму), признаки, свойственные некоторым предметам (входящим в класс антагонистических формаций), наконец, признаки, свойственные всем предметам (составляющим класс формаций). В понятии имеются противоположные по своей природе характеристики — объем и содержание, с ним связываются основанные на этих характеристиках противоположные операции — определение и деление и т. д. Столь же диалектично суждение, уже в самой форме своей имеющее все основные элементы диалектики: единичное и общее, тождество и различие. Субъект и предикат, взаимно отрицая, вместе с тем предполагают друг друга. В умозаключении объективная диалектика обнаруживается во взаимоотношении трех его терминов (не случайно Маркс при характеристике диалектики производства, обмена и потребления, а также товарооборота Т—Д—Т пользуется схемой силлогизма[1]), в наличии в нем противоположных движений: от общего к частному — дедукции, и от частного к общему — индукции, в имеющейся в нем непосредственной и опосредствованной связи и т. д.

Опираясь на указанную объективную диалектику форм мышления, диалектическая логика разрабатывает их диалектическую классификацию, которая, будучи построена на принципе субординации, коренным образом отличается от всех других формально-логических классификаций.

Диалектическое развитие содержания мышления (например, содержания понятия «материя», содержания суждения «трение превращается в теплоту») также происходит объективно, помимо воли и сознания людей. Люди осознанно ставят перед собой лишь одну цель: как можно точнее отобразить познаваемый ими предмет, но при этом неосознанно и помимо их воли происходит развитие содержания мышления. Объективно-диа-

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 79—80, 179.

лектически развивается и сама способность мышления, которая все время усовершенствуется, обогащаясь новыми приемами и средствами исследования. Можно выделить и такую, отмеченную Ф. Энгельсом[1], объективную диалектику мышления, как бесконечную его познавательную возможность и конечную реализацию этой возможности в каждый данный момент.

Охарактеризованная здесь в общих чертах объективная диалектика мышления, будучи отражением диалектики материальных вещей (опирающимся на практику), присуща всякому мышлению без какого-либо исключения. Она есть в мышлении научном и ненаучном, в мышлении взрослого и ребенка, материалиста и идеалиста, словом, у всех людей, поскольку они осуществляют процесс познания. Данная диалектика, обусловленная самими вещами, является необходимой и всеобщей. Вот почему ее целесообразно назвать «диалектикой мышления» подобно тому, как мы говорим о диалектике живого организма, диалектике ассимиляции и диссимиляции и т. п. Разница будет состоять только в том, что первая диалектика существует в мышлении, вторая — в материальных предметах.

Итак, объективная, всеобщая и необходимая диалектика мышления составляет одну из частей предмета исследования диалектической логики.

Однако, хотя отмеченная диалектика мышления присуща любому мышлению, это совсем еще не значит, будто всякое мышление является диалектическим, а всякий человек диалектиком. Всем хорошо известно, что в действительности не любое мышление диалектично и не каждый человек диалектик. Если бы дело обстояло иначе, тогда все люди со дня формирования у них мышления становились бы диалектиками и никаких метафизиков на свете не существовало бы.

Надо иметь в виду, что диалектическое мышление — это не то же самое, что диалектика мышления. Диалектическое мышление есть в подлинном значении слова субъективная диалектика, причем не только в том смысле, что она существует в голове субъекта (в голове субъекта существует и объективная диалектика мышления), но и в смысле прохождения его, диалектического мышления, через сферу познания. Диалектическое мышление есть познание, осознание диалектики внешнего мира. Однако это требует пояснений, несмотря на кажущуюся здесь очевидность.

Мышление есть отражение действительности во всех своих сторонах: как в форме, так и в содержании. Формы мышления: понятие, суждение, умозаключение отражают наиболее общие черты материальной действительности. Например, форма суждения, имеющая структуру «субъект—предикат», отражает в реальной действительности факт раздвоения вещей на предмет

[1] См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1955, стр. 81, 82.

и признак, на единичное и общее; форма умозаключения отражает объективную закономерность наличия в вещах моментов единичного, особенного, всеобщего и т. д. Для всякого материалиста очевидно, что формы мышления отражают действительность. Еще более очевидным является факт отражения действительности в содержании мышления. Суждение «Волга — река» отражает то, что Волга действительно является рекой, умозаключение «роза — цветок, цветок — растение, следовательно, роза — растение» отражает реальные связи принадлежности розы к цветам и растениям.

Между этими двумя видами отражения действительности (формой и содержанием мышления), несмотря на то, что они осуществляются всегда вместе и неотделимы друг от друга, имеется существенное различие.

Если в содержании мышления отображаются признаки вещей, то в форме — закон отношения этих признаков. То, что отражается в формах мышления, имеет более общий характер, чем то, что отражается в содержании мышления. Так, фиксируемая в форме суждения «сосна — дерево» раздвоенность вещей (единичное — общее) имеет место не только в таком отдельном предмете, как «сосна» (сосна как сосна есть единичное, сосна как дерево есть общее), но и в предмете «дом» (дом как дом есть единичное, дом как здание есть общее), в предмете «книга», вообще во всех предметах. Она, следовательно, охватывает предельно большие классы отношений вещей. Этого о содержании сказать нельзя, содержание мышления всегда связывается с каким-то определенным, конкретным предметом, или классом предметов. Вот почему все суждения по своему содержанию не одинаковы.

Но главное различие в другом. Отражение в формах мышления закона отношения признаков не есть еще познание самого этого закона, отражение же в содержании мышления признаков необходимо есть познание их. Когда у людей складываются логические формы (понятие, суждение, умозаключение), они еще не познают реальные прообразы этих форм, хотя неосознанно и отражают их. Люди познают материальные прообразы только с появлением логики, да и то на той ступени ее развития, когда встает задача объяснить, как возникли понятия, суждения, умозаключения, под действием чего они сложились. Не случайно поэтому человек начинает мыслить в формах понятия, суждения, умозаключения задолго до того, как узнает, что они собой представляют и какая сторона объективной действительности их обусловила. Напротив, вырабатывая то или иное содержание мышления, формируя конкретное представление о признаках вещей, люди обязательно познают эти признаки (ведь нельзя, например, образовать суждение «снег бел», не зная, что такое «снег» и что такое «бел», и что значит, что второе присуще первому).

Следовательно, в мышлении имеется два вида отражения. Одно отражение не является в собственном смысле познанием (например, отражение действительности в самих формах мышления), другое отражение обязательно есть познание (отражение действительности в содержании мышления). Этот второй вид отражения, роль которого в мышлении безусловно ведущая, можно назвать гносеологическим. Гносеологическое отражение в отличие от отражения негносеологического всегда есть отражение осознаваемое, т. е. оно непременно предполагает осознание того предмета, который отражается.

Установив два вида отражения, можно теперь легко раскрыть особенность диалектического мышления в его отличии от диалектики мышления. Она состоит в том, что диалектическое мышление есть не просто отражение диалектики предмета (каким является диалектика мышления), но и познание ее. Диалектическое мышление именно познает диалектику предмета, на который оно направлено, отдавая в том себе отчет. Если мышление познает диалектику предмета, осознает ее, оно будет диалектическим, если не познает, не воспроизводит ее, его нельзя назвать диалектическим. Высказывание «всякое развитие есть противоречие» будет диалектическим, поскольку в нем раскрывается (хотя и неполностью) диалектика процесса развития. Наоборот, высказывание «товар есть вещь, предназначенная для продажи» не есть диалектическое, ибо оно не раскрывает диалектики товара. В этом смысле все положения науки диалектики являются примером диалектического мышления, хотя не только ее одной [1].

Говоря о том, что диалектическое мышление есть осознание, познание диалектики, мы при этом имеем в виду осознание диалектики именно предмета, а не самого диалектического мышления (хотя и это последнее нуждается в осознании). Когда Гераклит высказал свое диалектическое суждение «Панта рей» (все течет), он осознал универсальное движение именно действительности, а не самого этого суждения (чего он еще не в состоянии был постичь). Допущение обратного (что диалектическое мышление есть познание, осознание самого себя как диалектического) будет неправильно, ибо оно, во-первых, противоречит механизму процесса познания как осознания не чего-либо иного, а именно познаваемого предмета, во-вторых, исключает из диалектического мышления такую важную его форму, как стихийная диалектика.

Диалектическое мышление, составляющее главный предмет

---

[1] Диалектическое мышление проявляется в диалектических по своему содержанию понятиях, суждениях и т. д. Поэтому тот, кто не признает этих понятий и суждений, кто борется против них, выступает фактически против диалектического мышления.

диалектической логики, существует в двух формах: *стихийной* и *сознательной*.

Стихийное диалектическое мышление — это такое мышление, которое не осознает самого себя. Оно раскрывает диалектические закономерности, не опираясь на науку диалектики, а побуждаясь к этому только силою объективной диалектики самого предмета. Стихийный диалектик не знает, что такое наука диалектика, поэтому он не может воспользоваться ею как инструментом, орудием познания. Не имея возможности руководствоваться теоретическими положениями науки диалектики (ибо они ему неизвестны), стихийный диалектик действует вслепую, так, как ему подсказывает непосредственный опыт. Поэтому результаты стихийно-диалектического мышления невелики, ибо не выходят за рамки фиксирования разрозненных моментов диалектики предмета. Кроме того, стихийно-диалектическое мышление отличается крайней несистематичностью, оно не может воспроизвести диалектику предмета целостно, в виде системы. Таковы недостатки стихийно-диалектического мышления, требующие от исследователя необходимости переходить к мышлению сознательно-диалектическому. Но главный недостаток состоит в том, что стихийно-диалектическое мышление является непоследовательным и нередко изменяет самому себе (ибо невозможно чисто эмпирическим путем предвидеть различные формы диалектики). Примером тому служит мышление Аристотеля, которое было стихийно-диалектическим, но, допуская первый толчок, сползало на позиции метафизики.

Недостатки стихийно-диалектического мышления не должны порождать у нас только отрицательное отношение к нему. Дело в том, что стихийно-диалектическое мышление есть все же *диалектическое* мышление и поэтому оно никак не может сравниться с обычным, так называемым здравым человеческим мышлением, которое ни о какой диалектике не знает и даже не предполагает о ее существовании. Значение стихийно-диалектического мышления состоит в том, что оно накапливает факты, на основе которых возникает впоследствии наука диалектика. Без стихийно-диалектического мышления не было бы и науки диалектики, а, следовательно, и опирающегося на нее сознательно-диалектического мышления. Исторически стихийно-диалектическое мышление предшествует сознательно-диалектическому мышлению, выступая подготовительной его ступенью.

В отличие от стихийно-диалектического мышления мышление сознательно-диалектическое раскрывает диалектику предмета на основе науки диалектики, оно отдает себе отчет в том, что является диалектическим. Поэтому его существование связано с существованием науки диалектики.

Сознательное диалектическое мышление, приступая к воспроизведению диалектики предмета, уже знает (поскольку оно опирается на теорию диалектики), что этому предмету свойст-

венна диалектика. Но какова она конкретно, в каких формах существует и как проявляется — это еще должно быть установлено в результате исследования самого предмета. Наука диалектика указывает лишь направление исследования, но она не подменяет это исследование.

Вследствие того, что сознательно-диалектическое мышление пользуется наукой диалектикой, оно осуществляется строго методическим путем и по результатам своего исследования более эффективно по сравнению с несознательным, стихийно-диалектическим мышлением. Поэтому для науки диалектической логики, изучающей диалектическое мышление (наряду с диалектикой мышления), оно представляет наибольший интерес[1].

Главная цель сознательно-диалектического мышления — воспроизвести объективную диалектику предмета. Диалектическое мышление должно изобразить предмет как сложное органическое целое в системе его связей и отношений, как предмет, изменяющийся и развивающийся в совокупности всех его внутренних противоречий. Исследуемый предмет должен быть изображен в диалектическом мышлении как единство противоположностей, сущности и явления, формы и содержания, возможности и действительности и т. д. Только таким путем можно создать о предмете научную диалектическую теорию.

Но как это сделать? Какими формами и приемами диалектического мышления надо пользоваться, чтобы воспроизвести диалектику предмета? Каким образом применять понятия, в какие отношения друг к другу их необходимо ставить?

Ответить на все эти вопросы—значит указать, что такое диалектический метод. Диалектический метод в его познавательном значении это и есть совокупность определенных диалектических приемов и способов, с помощью которых мышление воспроизводит диалектику предмета. Он есть не что иное, как применение в теоретическом познании и практическом действии положений науки диалектики: закона единства и борьбы противоположностей, закона отрицания отрицания и др. Основные черты этого диалектического метода, а, следовательно, и диалектической логики, исследующей его, сформулированы В. И. Лениным в следующих словах: «Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая

---

[1] Следует отличать диалектическую логику как науку о диалектическом мышлении и диалектическую логику как само это диалектическое мышление в совокупности всех его форм и приемов исследования (во втором смысле диалектическая логика по существу тождественна диалектическому методу). Оба эти значения термина одинаково законны, важно только не смешивать их.

логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении... В 3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В 4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна...» [1].

Как мы уже отметили, диалектическая логика включает в себя, наряду с исследованием объективной диалектики мышления, также субъективную диалектику. Объективная диалектика мышления (т. е. диалектика самих логических форм) изложена автором в другом труде [2]. Что касается субъективной диалектики, т. е. диалектического мышления, то ей посвящаются все последующие главы.

Чтобы еще более четко показать специфику предмета диалектической логики, остановимся в заключении на определенном отличии ее, с одной стороны, от диалектики, с другой, от диалектического метода.

5. Диалектика, диалектический метод и диалектическая логика

В философском преподавании и исследовании категории «диалектика», «диалектический метод» и «диалектическая логика» часто употребляются как синонимы, т. е. в одном и том же значении. Это абсолютное отождествление данных категорий, при котором теряется всякое их своеобразие, во многом затрудняет разработку некоторых теоретических проблем, в частности, проблемы единства диалектики, логики и теории познания, мешает раскрытию многообразного содержания нашей философии. Поэтому разобраться в данных категориях чрезвычайно важно.

Для того чтобы безошибочно установить взаимоотношение диалектики, диалектического метода и диалектической логики, надо подойти к ним диалектически, т. е. выяснить как черты их органического сходства, или тождества, так и черты различия, обусловленные спецификой каждой из этих сторон марксистской философии. Нельзя подходить к ним однобоко, беря один момент и забывая другой.

Общей чертой диалектики, диалектического метода и диалектической логики является, как это нетрудно видеть, то, что все они связаны с диалектическими закономерностями (откуда происходит и их соответствующее название). В основе каждой из них лежат наиболее общие законы развития: отрицание от-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 72.

[2] М. Н. Алексеев. Диалектика форм мышления. Изд. Московского гос. ун-та, 1959.

рицания, переход количественных изменений в качественные, единство и борьба противоположностей и др. Возьмем ли мы диалектику как учение о развитии, диалектический метод как применение положений диалектики к процессу мышления или самое диалектическую логику как науку об этом методе, мы всюду будем иметь дело, по существу, с указанными диалектическими закономерностями. Без этих закономерностей и вне их нет и не может быть ни диалектики, ни диалектического метода, ни диалектической логики. Это более чем очевидно. Те философы, которые придерживаются точки зрения абстрактного, абсолютного тождества на диалектику, диалектический метод и диалектическую логику, ограничиваются исключительно указанными общими моментами и игнорируют черты различия, имеющие в данном аспекте рассмотрения не меньшее, если не большее, значение. Эти философы допускают тем самым серьезную ошибку. Чтобы избежать односторонности, надо, учит диалектический материализм, всегда считаться как с тождеством явлений, так и с их различием. Особенно это важно при рассмотрении явлений, различия которых едва уловимы для непосредственного представления.

В дальнейшем мы еще остановимся на тождестве диалектики, диалектического метода, диалектической логики; сейчас же, ограничиваясь сказанным, перейдем к главному для нас — раскрытию их различия, тем более, что тождество в нашей философии этих сторон диалектического материализма никем из советских философов как будто не оспаривается.

Итак, чем отличаются диалектика, диалектический метод, диалектическая логика? Каково, пусть даже непринципиальное, различие между диалектикой и диалектическим методом, диалектическим методом и диалектической логикой, диалектической логикой и диалектикой?

Согласно взглядам основоположников марксизма-ленинизма, диалектика есть учение, наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Как и любая другая наука, диалектика представляет собой систему определенных взглядов, понятий, имеет свой определенный предмет и метод изучения этого предмета. Диалектика открывает в изучаемых явлениях законы развития, которые и составляют предмет ее исследования. Однако диалектика — особенная наука, отличная от всех прочих, нефилософских наук, получивших по традиции наименование положительных, или специальных. Особенность диалектики в том, что она изучает не всякие законы развития, а лишь наиболее общие. Диалектика не может исследовать законы развития, специфически присущие какой-нибудь отдельной области, тем более отдельному предмету этой области. Она не может, например, заниматься тем, как конкретно развивается тот или иной организм, то или иное общество,— это дело конкретного знания. Данное обстоятельство и делает

ее философской наукой и придает ей мировоззренческий характер. При этом под наиболее общими законами развития имеются в виду не только законы диалектики в обычном смысле (отрицание отрицания, единство и борьба противоположностей и др.), но и так называемые диалектические «категории»: сущность и явление, форма и содержание, возможность и действительность, которые лишь по ошибочно утвердившейся традиции не называются законами. Диалектика придает изучению диалектических «категорий» такое же важное значение, как и диалектическим законам в собственном смысле слова.

Необходимость исследования общих диалектических законов именно всех трех областей — природы, общества, мышления — вызывается одинаковостью для них этих законов, тем, что все указанные области развиваются от простого к сложному, от низшего к высшему, через борьбу противоположностей, отрицание отрицания и т. д. Значение этого исследования обусловлено той огромной ролью, которую играют данные законы как в самих вещах, так и в их практическом использовании людьми, Наиболее общие законы развития выступают для людей важнейшим методологическим орудием познания и действия. Поэтому диалектика есть мировоззренческая наука. Совершенно ошибочной и потому неприемлемой является точка зрения, высказываемая иногда отдельными философами, будто материалистическая диалектика есть наука не о природе, обществе и мышлении в целом, но лишь об одном мышлении. Подобное сужение предмета диалектики, сведение ее к одной гносеологии основано также на недооценке того факта, что диалектика может быть учением о мышлении, его методологической стороне только потому, что она выступает прежде всего учением о природе и обществе. Если бы диалектика не учила о наиболее общих законах всякого развития, она не была бы и методологией знания.

Специфика предмета диалектики как науки о наиболее общих законах развития обусловливает и специфику способа и характера ее исследования. Поскольку общие законы проявляют себя лишь в отдельном, через отдельное, постольку и диалектика может изучать их только в связи с этим отдельным, конкретным их проявлением. Отсюда зависимость диалектики от конкретных наук, результатами которых она пользуется. Без конкретных наук, вне обобщения итогов их развития диалектика как философская наука не может ни развиваться, ни существовать. Обобщая в своем учении о развитии достижения физики, химии, биологии и других отраслей знания, диалектика находит в них общее, тождественное и делает его своим законом. Ее законы есть итог, обобщение данных конкретных наук. С другой стороны, после того как возникла диалектика, устанавливается и необходимая зависимость от нее этих различных отраслей знания. Зависимость эта вызывается тем, что

диалектика открывает в мире такие важные для положительных наук законы, которые они не в состоянии сами установить и без овладения которыми эти науки не могут существовать. Таким образом, опираясь на конкретные науки, обобщая их факты исследования, диалектика как философия дает этим наукам общую методологию — диалектический метод. В такой органической связи диалектики и конкретных наук происходит взаимное их обогащение.

Рассмотрим теперь, что такое диалектический метод и в чем его особенность.

Под диалектическим методом обычно принято понимать определенный способ подхода к вещам объективного мира — природы и общества, состоящий в признании в последних развития, всеобщей связи, перехода количественных изменений в качественные, единства и борьбы противоположностей и т. д. Такое понимание диалектического метода, заключая в себе положительные моменты, отличается вместе с тем крайней абстрактностью и неопределенностью. Оно поэтому нуждается в уточнении и конкретизации.

Верно, конечно, что известные законы диалектики имеют всеобщее методологическое значение. Совершенно очевидно (и для признания этого не нужно иметь особой мудрости), что если все в природе связано и взаимообусловлено, если вещи изменяются и развиваются путем перехода количества в качество и на основе борьбы противоположностей, то и в нашем мышлении — для правильного отражения их — мы должны брать их как связанные, изменяющиеся, противоречивые. Нельзя быть диалектиком, не учитывая этих законов объективной действительности. Однако, во-первых, диалектика и основанный на ней диалектический метод на самом деле богаче, чем указанные законы. Как справедливо указывает в «Философских тетрадях» В. И. Ленин, диалектика включает в себя и другие закономерности, обычно называемые «категориями»: форму и содержание, причину и действие, явление и сущность и т. д. В. И. Ленин включает в метод диалектики 16 элементов [1] (правда, и они не исчерпывают его).

Подобно законам, названные «категории» также имеют значение метода познания. Если, например, случайность диалектически связана с необходимостью, то и в нашем мышлении, познании мы должны брать их как диалектически связанные. И так обстоит дело с любой категорией. Все, абсолютно все диалектические категории имеют методологическое значение. Следовательно, содержание диалектического метода несравненно богаче, чем то, как оно обычно изображается, ибо охватывает собой и «категории».

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 214—215.

Во-вторых, нельзя сужать сферу приложения диалектического метода одной областью явлений природы и общества (без мышления), потому что в действительности диалектический метод есть метод исследования также и процессов мышления, форм и законов его. Изучая различные формы, законы и способы мышления, исследователь (логик) должен подходить и к ним диалектически, т. е. должен брать их как изменяющиеся и развивающиеся. Этот факт (что законы диалектики господствуют и в самом процессе мышления) служит хорошим аргументом против общепринятых, но узких в своем содержании формулировок, вроде следующих: «всеобщая связь в природе и обществе», «движение и развитие в природе и обществе» и т. п., в которых совершенно необоснованно замалчивается мышление.

Но более важный недостаток распространенного понимания диалектического метода касается сущности этого метода, того, что он собой представляет. Некоторые философы, абстрактно отождествляющие диалектический метод с диалектикой, полагают, будто достаточно знать общие выводы диалектики, чтобы тем самым быть уже диалектиком. К сожалению, этот ошибочный взгляд довольно широко распространен, особенно среди тех, кто смотрит на философию как на «отмычку» при решении конкретных вопросов знания. Но это глубокое заблуждение. В связи с этим возникает законный вопрос: в чем дело, почему так получается, что можно хорошо знать положения диалектики и тем не менее в конкретном исследовании стать метафизиком, превратиться в метафизика? Ответить на этот вопрос не так уж трудно: потому что диалектический метод, которым пользуется в своем исследовании диалектик, и диалектика как наука — не совсем одно и то же. Поэтому знание последней далеко еще не означает знание, тем более практическое владение, оперирование первым.

Диалектический метод, как мы уже заметили выше, есть применение положений диалектики в том или ином конкретном исследовании. А применение это — дело довольно трудное и не всем доступное. Во всяком случае не каждому удается правильно применить общие положения и выводы диалектики в процессе исследования. Вот почему положения и обобщения науки диалектики не дают еще сами по себе диалектического метода. Чтобы его получить, надо проделать огромную работу, учитывая не только диалектику предмета, но и специфику ее отражения в мышлении, т. е. надо иметь диалектическое мышление. Нижеследующий пример должен пояснить, что, собственно, здесь имеется в виду.

Как известно, одним из конкретных выражений закона единства и борьбы противоположностей служат категории сущности и явления. Сущность и явление — противоположности, которые одновременно и исключают, и взаимно предполагают одна другую. Но в объективной действительности, в познавае-

мом предмете сущность и явление даны одновременно. Нельзя сказать, что сущность вещей по времени предшествует их явлению или, наоборот, явление предшествует сущности. Что же касается мышления, то в силу того, что оно само есть временной процесс, в нем явление и сущность воспроизводятся не сразу, а в известной последовательности, временной очередности. Что это за очередность — хорошо видно из анализа К. Марксом в его «Капитале» сущности и явления буржуазного общества, в частности, анализа стоимости. Исследование предмета начинается с анализа его явления, т. е. с тех самых форм, в которых он обнаруживает себя на поверхности. Установив явление, Маркс переходит к раскрытию за внешними явлениями внутренней сущности. Это очень трудный, но подлинно научный путь познания истины, поскольку цель науки — раскрыть за явлениями именно сущность, глубоко лежащие зависимости. Однако дело не заканчивается на этом, вопреки распространенному мнению. После того как в явлениях вскрыта сущность, надо снова возвратиться к явлению, но уже затем, чтобы вывести его из самой сущности, объяснить условия, которые его порождают. Таков диалектический путь познания явления и сущности (подробнее об этом скажем ниже).

Разобранный пример убедительно показывает, что мало знать диалектическую зависимость явления от сущности, мало признавать общие положения диалектики, надо еще уметь диалектически изобразить их в самом мышлении. Диалектическое изображение, воспроизведение в мышлении сущности и явления вместе с применяемыми при этом логическими приемами (скажем, той же последовательностью рассмотрения) и составляет один из элементов диалектического метода в данном конкретном его приложении.

Сказанное о сущности и явлении полностью относится к любой другой диалектической «категории»: форме и содержанию, причине и действию, возможности и действительности и т. п. И не только к «категориям», но и к наиболее всеобщим законам, таким, как единство и борьба противоположностей, переход количества в качество, отрицание отрицания. Все эти «категории» и законы нуждаются при их воспроизведении диалектическим мышлением в определенных для каждого случая логических приемах и способах исследования. В отношении «движения» на необходимость таких приемов специально указал В. И. Ленин, говоря по поводу апорий Зенона, что «вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий»[1]. В духе данного замечания В. И. Ленина с полным правом можно сказать, что когда речь идет о диалектическом мышлении, о диалектике понятий, то главная проблема состоит не в том, чтобы допускать или признавать существование раз-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 252.

вития, борьбу противоположностей, отрицание отрицания, переход количественных изменений в качественные, не в том, чтобы утверждать наличие в предмете сущности и явления, возможности и действительности и т. п., а в том, чтобы диалектически изобразить их в мышлении. Главное после установления, признания объективной диалектики в вещах — это сами диалектические приемы процесса ее отражения.

К сожалению, вопрос о приемах и способах воспроизведения в мышлении диалектики предметов, в частности приемах, уже примененных Марксом в «Капитале», еще не получил в нашей философской литературе своего надлежащего освещения. А между тем работа эта очень важная и благодарная.

Итак, диалектический метод как применение положений диалектики к отражающему диалектические закономерности мышлению есть совокупность определенных, обусловленных, в первую очередь, изучаемым предметом, а затем и спецификой мышления, логических приемов и способов исследования. Значит, он есть нечто большее, чем просто наука диалектика, ее теоретические положения. Поэтому, как говорилось выше, диалектиком должен называться не тот, кто лишь признает общие положения науки диалектики, но кто, сверх того, умеет применять эти положения в процессе познания и действия, кто владеет приемами и способами воспроизведения в мышлении диалектики изучаемого предмета и использования ее в практике.

Мы видим, что диалектический метод и диалектика — не совсем одно и то же, хотя в сущности своей они совпадают. Диалектический метод есть применение положений диалектики к познающему мышлению и действию, есть диалектика в ее особой функции орудия познания и действия.

Теперь мы должны выяснить, что собой представляет диалектическая логика и каково ее отношение, с одной стороны, к диалектическому методу, с другой, — к диалектике. Собственно, содержание диалектической логики мы уже выявили раньше — это наука, изучающая диалектическое мышление во всех его формах, приемах, методах и операциях. Остается ответить на второй вопрос — об отношении диалектической логики к диалектическому методу и к диалектике.

Из сказанного видно, что диалектический метод представляет собой совокупность определенных форм и способов диалектического мышления. Он есть субъективная диалектика, взятая притом с сознательной, конкретно прилагаемой ее стороны. Диалектическая же логика есть наука, теория этого диалектического метода мышления, есть учение о специфическом действии в мышлении законов диалектики. В этом отношении диалектический метод выступает как предмет диалектической логики, диалектическая логика — как наука об этом предмете (хотя не только о нем одном, так как помимо способов и приемов исследования она, как отмечено, изучает и объективную

диалектику мышления, и стихийное диалектическое мышление, не составляющее еще диалектического метода). Отношение диалектической логики и диалектического метода есть, следовательно, отношение науки и того предмета, который она изучает. Вот почему диалектическая логика в собственном смысле слова (т. е. как учение о диалектическом мышлении) может существовать только тогда, когда уже сложился диалектический метод, диалектическое мышление. Как подтверждает история философии, пока не существовало диалектического метода, не могло быть и диалектической логики как науки о нем. Итак, диалектическая логика и диалектический метод, несмотря на их органическую внутреннюю связь и во многих отношениях тождество, представляют собой не полностью одно и то же. Это разные аспекты, разные уровни отражения в мышлении диалектических закономерностей.

На основе сказанного о сущности и содержании диалектической логики нетрудно решить вопрос и об ее отношении к диалектике как науке о наиболее общих законах всякого развития.

Общее, что объединяет диалектическую логику и диалектику, — это, во-первых, единые диалектические закономерности, которые они изучают (отрицание отрицания, единство и борьба противоположностей и др.). Во-вторых, общим для диалектики и диалектической логики является принадлежность их к философским наукам, поскольку каждая из них имеет дело с наиболее общими законами развития. В-третьих, и та и другая науки пользуются при исследовании своего предмета диалектическим методом: диалектика—изучая природу, общество, мышление; диалектическая логика—исследуя мышление. Наконец, в-четвертых, и диалектика и диалектическая логика могут развиваться и существовать только в связи и на основе конкретных наук, достижения которых они обобщают. Первая обобщает открываемые в науках диалектические закономерности развития предметов, вторая — самые диалектические приемы и способы исследования этих наук.

Последнее обстоятельство указывает одновременно и на отличие диалектики от диалектической логики. Диалектика и диалектическая логика обобщают в конкретных науках не одно и то же. Диалектика интересуется в них объективными закономерностями развития предметов, диалектическая логика — различного рода логическими формами и способами раскрытия этих закономерностей, поскольку данные науки пользуются диалектическим мышлением. Отсюда и определенное различие предметов исследования диалектики и диалектической логики, о чем мы уже говорили.

Можно указать еще на одно обстоятельство, характеризующее специфику (и вместе с тем связь) диалектики и диалектической логики. Диалектика как наука о наиболее общих зако-

нах развития всего существующего выступает основой для диалектической логики (как, в равной мере, и для диалектического метода, хотя несколько и в другом смысле). Без знания общих, открываемых диалектикой законов развития невозможно иметь и диалектическую логику. Диалектическая же логика не может быть в этом смысле основой для диалектики.

Таким образом, диалектика и диалектическая логика, объединяемые единством диалектических законов, отличаются некоторыми определенными чертами одна от другой, относясь друг к другу как наука об общем (диалектика изучает общие диалектические закономерности всякого бытия) к науке об особенном (диалектическая логика изучает особенное проявление диалектических законов в мышлении).

Итак, отдельные стороны нашей философии — марксистская диалектика, диалектический метод и диалектическая логика — будучи тождественны в одних пунктах, различаются в других, т. е. имеют каждая свою специфику.

Признание специфики диалектики, диалектического метода и диалектической логики (как равно и других частей марксистской философии, рассмотрение которых, однако, выходит за пределы настоящей работы) имеет чрезвычайно важное научное значение. Указанные части или, вернее, моменты диалектического материализма свидетельствуют о богатстве, многообразии нашей философии, их учет расширяет область применения материалистической диалектики, которая, как это мы пытались показать, является одновременно и наукой о наиболее общих законах развития всего существующего, и методом познания, мышления и действия, и опирающейся на данный метод теорией его — диалектической логикой. Вообще следует сказать, что чем более дифференцированно выступает наука, чем многообразнее раскрывает она свои стороны, аспекты, тем, при прочих равных условиях, на более высокой ступени развития она находится. И, наоборот, недифференцированность науки, неразличенность ее отдельных сторон и аспектов говорит о ее неразвитости. Развитую науку нельзя поэтому брать «сплошняком», индифферентно, сваливая в одну кучу, не различая отдельные ее стороны и части. Многообразие и дифференцированность содержания науки — это не недостаток ее, а, наоборот, достоинство. И чем больше этих сторон, частей в ней обнаружено, тем многокрасочнее она выступает, тем в больших аспектах и направлениях может быть реализовано ее приложение. Применительно к предмету нашего рассуждения это означает, что надо не затушевывать специфику диалектики, диалектического метода и диалектической логики, а выявлять ее и, выявив, использовать дальше для разработки вытекающих отсюда проблем нашей философской науки.

ГЛАВА II.

КОНКРЕТНОСТЬ ПОНЯТИЙ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ

Характеризуя значение «Капитала» К. Маркса для разработки проблем диалектической логики, В. И. Ленин говорит: «Если Маркс не оставил *«Логики»* (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу»[1]. По Ленину, анализ «Капитала» Маркса с точки зрения выявления применяемых в нем форм и способов диалектического мышления имеет огромное теоретическое и научно-практическое значение.

Учитывая такое большое значение «Капитала», мы в дальнейшем при рассмотрении проблем диалектической логики, в частности, проблемы конкретности понятий, будем использовать преимущественно материал этого гениального труда Маркса[2].

Проблема конкретности понятий и конкретности мышления имеет в диалектической логике огромное значение. От решения этой проблемы зависит освещение многих других вопросов диалектической логики (вопрос о диалектике понятий, об их развитии, об истинности понятий и т. д.).

Диалектическая логика учит, что во всяком диалектическом мышлении понятия должны воспроизводить не одну какую-то сторону вещи, предмета, а все их стороны (разумеется, в пределах достигнутого уровня знания). Только в этом случае может идти речь о всестороннем отражении в понятиях диалектики объективно существующих вещей. Диалектические понятия— это и есть, в сущности, понятия конкретные, не конкретные понятия не могут быть диалектическими.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 315.

[2] Значению «Капитала» Маркса в деле разработки проблем диалектической логики посвящен труд М. Розенталя. «Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса». М., 1957.

1. Абстрактные и конкретные понятия

В определенном смысле абстрактным является любое понятие. Понятие абстрактно в том смысле, что оно возникает в результате отвлечения от предметов тех или иных признаков. В отличие от чувственного познания (ощущения, восприятия, представления), которое отображает многообразие единичных признаков, понятие свободно от этого многообразия. Оно лишено момента чувственности, свойственного ощущениям, восприятиям, представлениям.

В этом смысле абстракциями можно назвать все понятия. Конкретным будет чувственное познание, поскольку оно содержит в себе многообразие единичных признаков. Понятие как таковое не может отображать все частности предметов, их многообразие. Попытка включить в понятие все частности предметов ведет к эклектике, к отрицанию понятий, к смешению понятия с представлением. В. И. Ленин беспощадно высмеивал тех горе-теоретиков, которые под видом «полноты охвата предмета» пытаются включить в понятие все эмпирическое многообразие признаков. Ленин писал: «И как характерна эта, столь модная в настоящее время, quasi-реалистическая, а на самом деле эклектическая погоня за полным перечнем всех отдельных признаков и отдельных «факторов». В результате, конечно, эта бессмысленная попытка внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений, или, наоборот, «избегнуть столкновения с крайним разнообразием явлений», — попытка, свидетельствующая просто об элементарном непонимании того, что́ такое наука, — приводит «теоретика» к тому, что за деревьями он не видит леса»[1].

Когда диалектическая логика выставляет требование конкретности понятий, она под конкретностью понимает не эмпирическую, чувственно воспринимаемую конкретность, а логическую конкретность, полученную в итоге большой работы мышления. Диалектическая конкретность понятий свидетельствует не просто о многообразии признаков, но о таком многообразии их, которое вместе с тем образует единство, которое выражает сущность, закон предметов.

Равным образом, диалектическую конкретность понятий следует отличать от формально-логической конкретности, которая берется совсем в другом смысле. В формальной логике конкретным называется понятие, которое отображает целый предмет, вещь или их совокупность, в противоположность абстрактным понятиям, фиксирующим лишь отдельные свойства этих предметов, вещей. С точки зрения формальной логики «цветок» будет конкретным понятием, а «краснота» — абстрактным.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 130. Понятно, что это отнюдь не противоречит диалектическому требованию учитывать в предметах все существенные связи и опосредствования.

Деление формальной логикой понятий на конкретные и абстрактные имеет вполне определенное значение и играет немаловажную роль, особенно в части, касающейся нахождения языковых средств выражения тех и других понятий. Однако такое деление никак не следует смешивать с делением понятий на конкретные и абстрактные в диалектической логике, имеющим совсем другой смысл. То, что формальная логика называет конкретным понятием, является с точки зрения диалектической логики абстрактным. И не потому, что формальная логика говорит ложь, а диалектическая — истину, а вследствие различных аспектов рассмотрения понятий. Конкретность и абстрактность понятий берется в диалектической логике в ином смысле, чем в логике формальной (и в этом заключается одно из их различий). Разделяя понятия на конкретные и абстрактные, диалектическая логика имеет в виду полноту отображаемых понятием признаков, т. е. то, выражает ли оно только общие признаки или наряду с ними особенные и единичные. Рассмотрим это деление понятий на конкретные и абстрактные. Начнем с абстрактных понятий, как наиболее простых.

Абстрактные понятия, или, точнее, абстрактная сторона понятий, *изучением которых в основном занимается формальная логика*, характеризуются прежде всего тем, что в них фиксируются только общие признаки предмета. Особые и единичные признаки просто отбрасываются как несущественные и случайные. Примером абстрактного понятия может служить понятие производства вообще. Производство вообще включает в себя только то, что является общим для всех форм производства, — рабства, феодализма, капитализма и т. д. В этом понятии содержится лишь знание следующих признаков: никакое производство невозможно без человека, субъекта производства; для осуществления всякого производства должны быть орудия производства; нет производства без определенных навыков к труду и т. п. Но в данном понятии не подчеркивается, что, кроме общих признаков, у рабовладельческого, феодального и других видов производства есть и особенные черты, которые отличают рабство от феодализма, капитализма, социализма; социализм от рабства, капитализма, феодализма и т. д.

Несмотря на то, что абстрактные понятия фиксируют в предметах лишь одни общие признаки, роль их в познании велика. История науки, практики, история человеческого мышления показывает, что абстрактные понятия имеют для познания огромное значение, а подчас, когда еще не сложилось конкретное понятие, они являются единственным средством познания. Абстрактные понятия — начальный этап в развитии знания. В абстрактных понятиях выделяются общие свойства предметов, что избавляет нас от повторений, от необходимости перечислять в каждом отдельном случае все те признаки, которые фиксируются в данных понятиях. В самом деле, вместо того чтобы, на-

пример, при характеристике человека говорить «разумное существо», «говорящее существо», «существо, способное трудиться», мы просто определяем его как «человек», включая в это общее понятие все человеческие признаки. Употребление абстрактных понятий, выражающих общие признаки, сокращает путь нашего мышления, а, следовательно, и познания. Говоря о значении абстрактного понятия «производство вообще», К. Маркс отмечает: «*Производство вообще*, это — абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно подчеркивает общее, фиксирует его и избавляет нас таким образом от повторений»[1].

Необходимость в абстрактно-общих понятиях обусловлена, кроме того, важностью выделения признаков различия, с которыми связано образование абстрактно-общих понятий. Выделение общего должно производиться с таким учетом, чтобы не упустить из вида существенные различия, которые присущи вещам и которые особенно важны для науки, поскольку в них как раз выражается развитие предметов. Так в различении рабства, феодализма, капитализма выявляется развитие человеческого общества, различные ступени его поступательного движения.

Методологический порок классиков буржуазной политической экономии при оценке ими капиталистического способа производства как раз в том и состоит, что они не сумели отделить в капитализме общих признаков от особенных, в том, что они особенное, свойственное только капитализму, выдали за общее, «всечеловеческое».

Наряду с достоинствами абстрактные понятия имеют и недостатки. Первый недостаток абстрактных понятий связан с тем, что в них берутся только одни общие признаки и отбрасываются признаки особенные и единичные. Уже одно это говорит о том, что абстрактные понятия отображают предметы односторонне. С их помощью нельзя понять ни одного конкретно существующего явления. Отмечая этот недостаток абстрактных понятий на примере понятия «производство вообще», К. Маркс говорит: «...есть определения, общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие; однако так называемые *всеобщие условия* всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых ни одной действительной исторической ступени производства понять нельзя» [2].

Кроме того, общие признаки бывают как существенные, так и несущественные и, следовательно, нет никакой гарантии в том, что абстрактное понятие свободно от несущественных признаков. Несущественные же признаки часто выдаются за существенные, что ведет к серьезным ошибкам.

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1952, стр. 195.

[2] Там же, стр. 199.

Показательно в этом отношении употребление абстрактного понятия общества русским либеральным народником Михайловским. Михайловский вслед за Спенсером рассуждал об обществе вообще, вместо того чтобы конкретно анализировать ту или иную общественно-экономическую формацию, в частности, капиталистическую, которой он фактически занимался.

Марксизм учит, что нет общества вообще, есть общество на определенной ступени развития — рабовладельческой, феодальной, капиталистической и т. д.; нет ступени развития общества вообще, есть ступень в развитии в той или иной конкретной стране, в тех или иных конкретных исторических условиях. Общество есть продукт взаимодействия определенных, действующих в конкретной обстановке людей.

Другой существенный недостаток абстрактных понятий состоит в том, что в осознаваемой части их признаков не выражается диалектическая противоречивость вещей. Например, имеющаяся в предметах противоположность старого и нового, отмирающего и нарождающегося, бытия и небытия не фиксируется в абстрактных понятиях. В абстрактных понятиях берется только одна противоположность: старое без нового, количество без качества, сущность без явления и т. п. Например, в абстрактном философском понятии свободы, которым оперировали французские материалисты XVIII в., не указывается ее связь с необходимостью, так же как в абстрактном понятии необходимости не усматривается связь со свободой. В этих понятиях не фиксируется, что свобода есть осознанная необходимость, а необходимость — неосознанная свобода, т. е. здесь не вскрывается единство (а в известных пределах — тождество) этих двух противоположностей. Эту черту абстрактного понятия выявил еще Гегель, показав, что в таком понятии противоположности берутся изолировано друг от друга[1].

2. Конкретное понятие как понятие диалектическое

Конкретные понятия составляют прямую противоположность понятиям абстрактным, они представляют собой единство многообразия, выступая как нечто тотальное, целокупное. В кон-

[1] Односторонность абстрактного понятия Гегель высмеял на примере мышления торговки, так поносившей покупательницу. «Эй, старая, ты торгуешь тухлыми яйцами?» — сказала покупательница торговке «Что? — вспылила та, — мои яйца тухлые?! Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты? У которой отца вши заели, а мамаша якшалась с французами? Ты, у которой бабка померла в богадельне? Ишь, целую простыню на свой платок извела! Известно, небось, откуда у тебя все эти шляпки да тряпки! Если бы не офицеры, такие, как ты, не щеголяли бы в нарядах! Порядочные-то женщины больше за домом смотрят, а таким, как ты, самое место в каталажке! Заштопай лучше дырки-то на чулках!» Гегель так оценивает абстрактное мышление базарной торговки: «оча не может допустить в покупательнице ничего хорошего». (См. «Вопросы философии», № 6, 1956, стр. 140).

кретных понятиях наряду с общими фиксируются также особенные и единичные признаки. Возьмем конкретное понятие материи, выработанное диалектическим материализмом. Материя есть объективная реальность, существующая вне нас и независимо от нас и познаваемая нами через посредство органов чувств. Хотя в самом определении материи непосредственно не указывается конкретное многообразие форм, в которых существует материя, тем не менее, в понятии непременно предполагается наряду с общим ее субстанциальным свойством—быть объективной реальностью, независимой от человека — особенное свойство, скажем, органическая форма материи, неорганическая, механическая, химическая, световая и т. д., и единичное—материя в виде какого-либо данного конкретного вещества или явления. Марксист всегда исходит из того, что материя существует в каких-то конкретных формах.

Или возьмем марксистское политико-экономическое понятие производства. Это конкретное понятие включает в себя общие признаки производства, свойственные всем общественно-экономическим формациям, особенные признаки производства, присущие отдельным, например антагонистическим, формациям и единичные признаки, характеризующие определенную формацию на данном этапе ее развития и в данной конкретной стране.

Имея в виду такие конкретные диалектические понятия и отмечая их достоинства по сравнению с понятиями абстрактными, В. И. Ленин писал: «Прекрасная формула: «Не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного...»[1].

Подчеркнем еще раз следующее. Когда диалектическая логика говорит о наличии в конкретно-общих понятиях особенных и единичных признаков, она под ними понимает не эмпирические чувственно воспринимаемые признаки, но признаки логические, прошедшие через сферу мышления. Эмпирических единичных и особенных признаков, как мы об этом уже говорили, в понятиях быть не может.

Положение диалектической логики о включении в конкретное понятие единичных, особенных и общих признаков (с которым фактически считаются все логики — хотя и в другом плане, — поскольку они признают операции определения и деления понятий) вызывает у врагов диалектического материализма резкие возражения. Так, неотомист Г. Веттер заявляет, что это положение основано на недоразумении, на смешении общих и собирательных понятий[2]. На самом деле никакого смешения здесь нет. В диалектической логике четко различаются общие понятия (например, субъект следующего суждения: «рабочие подвергаются эксплуатации со стороны капиталистов») и соби-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 87.

[2] G. Wetter. Der dialektische Materialismus, S. 561,

рательные (субъект суждения: «рабочие непобедимы»). Возражение же Г. Веттера и ему подобных имеет своим теоретическим основанием совсем другое — его неумение диалектически подойти к категориям единичного и общего. Г. Веттер не понимает, что между единичным и общим не существует и не может существовать абсолютной противоположности, что при определенных условиях общее может переходить в единичное, и наоборот.

Экзистенциалисты (например Габриэль Марсель) утверждают, что понятие, и вообще мышление, не может быть конкретным. Конкретна только действительность, природа. Вследствие этого мышление не в состоянии дать адекватную картину действительности, это можно сделать лишь посредством художественного образа. В данном утверждении экзистенциалистов также выявляется метафизический подход к конкретному и абстрактному, неумение отличить эмпирически конкретное от конкретного в теоретическом мышлении. Экзистенциалисты не понимают, что «*бесконечная* сумма общих понятий, законов... дает *конкретное* в его полноте» [1].

Диалектическая логика учит, что успешно осуществлять разностороннюю практическую деятельность можно лишь при помощи конкретных понятий, ибо только они в состоянии отобразить диалектическую сложность жизни. Абстрактные понятия не могут служить подлинным руководством к действию, так как в них фиксируется только общее, а непосредственная действительность, с которой человек имеет дело в практике, носит конкретный характер. Вообще отобразить диалектическую сложность жизни с ее многообразными отношениями посредством грубых, негибких понятий, не выражающих переливы, оттенки, переходы, совершенно невозможно. Любая попытка ограничиться абстрактными понятиями при решении сложных вопросов практики обречена на провал, она ведет к отрыву от действительности, от общественной деятельности, от конкретной революционной борьбы, к превращению революционера в абстрактного мечтателя.

Примером оперирования абстрактными понятиями может служить плехановский проект программы РСДРП, составленный накануне II съезда РСДРП и подвергнутый резкой критике Лениным. Плеханов в своем проекте дает абстрактную характеристику капитализма, он говорит о капитализме вообще, а не о русском капитализме, с которым имела дело русская социал-демократия. Ленин указывал в связи с этим, что программа Плеханова — это не программа практически борющейся партии, ибо она не дает руководства к действию. Плеханов забыл, что сутью марксизма, главным отличительным признаком его является конкретность анализа обстановки. Конкретный анализ конкрет-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 275.

ной ситуации, писал В. И. Ленин, вот в чем суть, живая душа марксизма[1].

Другая отличительная черта конкретных понятий состоит в том, что они существуют лишь в своих противоположностях.

Противоположность конкретных понятий видна уже из того, что они включают в себя единичные, особенные и всеобщие признаки. Единичное противоположно общему: первое присуще одному предмету, второе — всем предметам данного класса. Особенное также противоположно единичному и общему, а общее — особенному и единичному. Любое понятие, заключающее в себе противоположные признаки, диалектически противоречиво.

Однако противоположность конкретных понятий не исчерпывается этим, она включает в себя и сферу отношений между понятиями. Одно конкретное понятие соотносится с другим конкретным понятием, другое с третьим и т. д. Возьмем марксистское понятие причинности. Понятие причины не существует без своей противоположности—понятия действия. И наоборот, нет понятия действия без понятия причины. Для того чтобы знать, что такое причина, надо иметь представление о действии, в котором эта причина себя обнаруживает. Причина есть то, что проявляется в действии. Равным образом для знания действия надо иметь понятие о причине. Действие всегда есть действие не чего-либо, а именно причины. Понятия о причине и действии проникают друг в друга, сходятся, приводят к новому, более высокому понятию, взаимодействию, в котором они снимаются как односторонние. Или возьмем понятия «начала» и «конца». Эти понятия имеют значение как таковые лишь в применении к данному отдельному случаю. Например, такой-то индивид имеет начало и конец своей жизни, или такая-то длина имеет начало и конец своей протяженности. Однако, если мы будем рассматривать каждый такой отдельный случай в его общей связи с мировым целым, то это полярное различие начала и конца исчезает. Понятия начала и конца сходятся, переплетаются в представлении универсальной связи. Начало и конец меняются местами: то, что теперь или здесь является началом, становится тогда или там концом, и наоборот. Не случайно ко всей вселенной в целом, к материи как таковой неприменимы эти противоположности начала и конца. В отношении вселенной в целом мы говорим, что она не имеет начала и конца ни во времени, ни в пространстве.

Диалектическая логика показывает, каким образом одно понятие, развиваясь, приводит к другому, противоположному ему понятию и объединяется с ним в синтезе высшего понятия, например, понятие «бытие» приводит к понятию «количество», «качество» и объединяется в синтезе понятия «мера», понятие «форма» приводит к понятию «содержание» и синтезируется в

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 143.

понятии «содержательная форма» и т. д. В конкретных диалектических понятиях, выражающих самую суть вещей, осуществляется движение, переход в противоположность. «Конечный? — говорит В. И. Ленин. — Значит, *двигающийся* к концу! Нечто? — значит, *не то*, что другое. Бытие вообще? — значит, такая неопределенность, что бытие = небытию. Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть» [1].

Однако переход конкретных понятий друг в друга, переход «конечного» в «бесконечное», «нечто» в «другое» и т. д. вовсе не означает стирания между ними всякого различия. Различие при этом переходе, безусловно, остается, и оно всегда дает о себе знать. Всякая попытка отрицать различие противоположных понятий на том основании, что они могут переходить друг в друга, означает софистику, субъективную гибкость понятий, а не гибкость объективную.

Софистика представляет собой определенный метод мышления, состоящий в намеренной подмене одного понятия другим, в отождествлении неотождествимых понятий, в различении понятий, которые не являются различными, одним словом, в одностороннем использовании абстрактных понятий. Софистика — сознательная подмена понятий, преднамеренное нарушение правил и требований логики. Нарушение правил логики, подмена понятий могут быть и не софистическими, если «нарушитель» не ведает то, что он делает, если ему неизвестно, что он отступает от логики. Но если отступление от логики вполне сознательно, преднамерено, то такая логическая ошибка называется софистической.

Совершенно очевидно, что поскольку софистика есть тенденциозное нарушение требований логики, она ничего общего с истиной не имеет. Цель софистики — борьба с истиной, с истинными положениями науки. Естественно поэтому, что к софистике прибегают все те, кто не заинтересован в истине, кто отстаивает отжившие, реакционные взгляды и учреждения, кто борется против прогресса и революции. К софистическим уловкам и ухищрениям постоянно прибегает современная буржуазия и ее лакеи — предатели рабочего класса. Софистикой не пренебрегают и современные ревизионисты.

Софистика есть нечто противоположное формальной логике. Если формальная логика требует, чтобы наше мышление было стройным, упорядоченным, чтобы оно отличалось определенностью, последовательностью, обоснованностью, то софистика, напротив, считает возможным нарушать требования законов тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 98—99.

Но софистика противоположна и диалектической логике, диалектике, хотя она нередко и цепляется за них, пытается показать свое родство с ними. Диалектика не имеет ничего общего с софистикой, она в корне противоположна ей. Если диалектика учит, что изменчивость понятий, переход их друг в друга, их гибкость и конкретность носит объективный характер и должна браться объективно, то софистика берет их субъективно, произвольно. Если диалектика считает, что при переходе понятий друг в друга они не теряют своей определенности, но остаются в своем тождестве различными, то софистика отрицает всякое различие понятий и признает текучесть, полную расплывчатость. В противоположность диалектике, требующей учета всей конкретной обстановки событий, софистика выхватывает внешнее сходство случаев вне всякой связи событий. В. И. Ленин беспощадно разоблачал всякую попытку подменить революционное орудие диалектики софистикой, в частности, он клеймил оппортунистов II Интернационала за то, что они на основании возможности превращения национальной войны в империалистическую, и наоборот, стали, апеллируя к диалектике, софистически отрицать существенное различие между этими двумя видами войн.

Несовместимость диалектической логики с софистикой следует особо подчеркнуть в связи с тем, что современные враги марксизма, отрицая диалектическую логику, клеветнически заявляют, будто диалектическая логика родственна софистике, якобы, она, как и софистика, отличается своей двусмысленностью. Мы уже приводили высказывание Г. Б. Мейо, который считал, что диалектика как инструмент анализа полна неясностей и отличается двусмысленностью. Эта характеристика Г. Б. Мейо диалектики свидетельствует о том, что он ровно ничего в ней не понял. Говоря о том, что она полна неясностей и двусмысленна, Г. Б. Мейо тем самым показывает свое софистическое извращение ее, подменяет научное понятие диалектики софистическим.

3. Развитие конкретных понятий и их значение в процессе познания

Диалектическая логика самое конкретность понятий берет диалектически, в движении. Для нее конкретность понятий тоже есть нечто подвижное и изменяющееся. Понятие одной степени конкретности превращается с обогащением знания в понятие другой степени конкретности, менее конкретное понятие становится более конкретным и более глубоким. Иначе говоря, конкретность понятий носит относительный, а не абсолютный характер. Наглядным примером такой конкретизации понятий служит развитие марксистского понятия диктатуры пролетариата.

Марксистское понятие о диктатуре пролетариата впервые выработано Марксом и Энгельсом в конце 50-х годов прошлого

столетия (см. «Манифест Коммунистической партии»). Тогда оно определялось просто как организованное классовое господство пролетариата. На опыте революции 1848—52 гг. Маркс и Энгельс развили дальше понятие диктатура пролетариата, конкретизировали его. Они показали, что диктатура пролетариата есть неизбежное следствие классовой борьбы, что она есть средство к уничтожению этой борьбы, путь к бесклассовому обществу. Вместе с тем в понятие диктатуры пролетариата был включен такой важный признак, как возникновение ее в результате слома буржуазной государственной машины. Опыт Парижской Коммуны 1871 г. привел Маркса к открытию формы диктатуры пролетариата. Доказывая, что диктатура пролетариата должна быть государством типа Парижской Коммуны, Маркс конкретизировал понятие диктатуры пролетариата еще больше. Но и в нашу эпоху выработанное Марксом конкретное понятие о диктатуре пролетариата также продолжает развиваться, конкретизироваться в трудах учеников Маркса. Ленин, обобщая новый опыт революционного движения, раскрыл высший принцип диктатуры — союз рабочего класса и крестьянства при руководящей роли рабочего класса, развил положение о воспитательной роли диктатуры пролетариата, показал преимущество социалистической демократии перед буржуазной, открыл советскую власть как государственную форму диктатуры пролетариата. После второй мировой войны марксисты еще более конкретизировали понятие диктатуры пролетариата, они нашли новую форму ее — народную демократию и показали, что в изменившихся условиях (наличие мощного социалистического лагеря, движения за мир) переход к диктатуре пролетариата возможен без вооруженного восстания, с использованием парламентских форм борьбы.

Таким образом, выработанное Марксом более ста лет тому назад конкретное понятие о диктатуре пролетариата все время конкретизировалось, получая новое, более богатое содержание.

Нетрудно видеть, что конкретные понятия являются по своему существу понятиями диалектическими. Диалектическими не только в смысле их обычно понимаемой формы, со стороны имеющейся в них объективной диалектики (эта диалектика присуща всем понятиям), но и со стороны содержания.

Объективно каждое понятие, поскольку оно правильно отражает действительность, подчиняется законам диалектики. Оно диалектически связано с предметом, который в нем отображается, бесконечно к нему приближаясь. Будучи познавательной формой мышления, понятие непрерывно движется, изменяется, развивается. Изменяется его содержание, обогащаясь новыми признаками, изменяются определения понятий. При этом понятие развивается не только в историческом плане (что мы видели на примере конкретизации понятия диктатуры пролетариата), но и в плане логическом, в каждом отдельном познавательном акте.

Понятия развиваются (уточняются и конкретизируются) в одном и том же исследовании. Так, например, в начале настоящей книги мы дали понятие о диалектической логике. Это понятие с переходом от одного раздела к другому, от одной главы к другой все время будет развиваться, пополняясь новым содержанием, новыми признаками. Далее следует отметить, что понятия находятся в связи между собой, заключают в себе противоречия и т. д.

Словом, нет такого закона диалектики, который бы объективно, насильственно и стихийно (поскольку он не осознается) не действовал бы в понятиях, в том числе и в абстрактных.

Однако не эта стихийно действующая в понятиях диалектика отличает конкретные понятия от неконкретных, не она определяет их как диалектические понятия. Диалектические понятия (и в этом их отличие) — это понятия, отображающие диалектику вещей в самом своем гносеологическом содержании, а не только в форме. В диалектических понятиях выражается диалектическое мышление, о котором мы говорили выше. Поэтому ясно, что их может выработать только диалектик. У недиалектиков не может быть диалектических понятий. Иначе говоря, диалектические понятия — это те понятия, которыми пользуются в диалектическом исследовании. Возьмем понятие стоимости, как оно выработано в марксистской политической экономии. Это понятие диалектично (в гносеологическом смысле слова), поскольку в нем выражена диалектика тех действительных экономических отношений, обобщением которых оно является. Стоимость в марксистском понимании — это не вечная, но преходящая категория, связанная с определенным этапом развития общества, когда человеческий труд выявляет свой общественный характер не непосредственно, а лишь через приравнивание различных конкретных видов труда к одному, абстрактному труду, к труду как затрате физиологической силы. Стоимость рассматривается марксизмом в ее противоречивом отношении (стоимость и меновая стоимость), в развитии (смена форм стоимости, начиная с простой и кончая денежной) и т. д. В противоположность марксистскому диалектическому понятию стоимости, понятие стоимости, развивавшееся буржуазными экономистами, не было диалектическим. Буржуазные экономисты исходили из того, что стоимостные отношения являются вечными и неизменными отношениями, никогда не возникающими и не исчезающими. Буржуазные экономисты, будучи метафизиками, не могли показать генезис, преходящий характер отношений стоимости. Их понятие, следовательно, не было диалектическим, оно было метафизическим.

В обыденной жизни, в домашнем обиходе, как говорит Энгельс, люди обыкновенно довольствуются недиалектическими понятиями. В узких пределах своей обычной практической деятельности люди не испытывают нужды в диалектических понятиях, а ограничиваются простыми, приблизительными понятия-

ми. Но как только они выходят за узкие рамки домашнего обихода, сталкиваются со сложными отношениями и взаимными влияниями, где нужна особая точность, очевидной становится недостаточность недиалектических понятий и необходимость выработки понятий диалектических. Приведем пример. В обыкновенной жизни можно с уверенностью сказать, живет данный организм или нет. Но при более точном исследовании нетрудно убедиться, что иногда это весьма сложная задача (например, при определении того, когда умерщвление ребенка в утробе матери следует считать убийством или когда мы имеем состояние клинической смерти), ибо невозможно точно установить момент полной смерти и жизни организма. Смерть и жизнь есть не внезапный мгновенный акт, а относительно длительный процесс, при котором одни органы или клетки еще существуют, другие уже умерли.

Для того чтобы выработать диалектическое понятие, надо знать природу самих понятий как определенных мыслительных образований, необходимо иметь правильное представление об их сущности. Не зная сущности понятий, свойств, какими они обладают, их познавательной роли, мы не в состоянии выработать диалектического понятия. Как справедливо указывает Энгельс, диалектическое мышление имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий, т. е. раскрытие и установление того, что понятия, логические категории так же, как и вещи, связаны между собой, изменяются, развиваются, переходят друг в друга и т. д.

Значение конкретных понятий вытекает из самой их диалектической природы. Поскольку конкретные понятия заключают в своем содержании единичные, особенные и всеобщие признаки, они отражают предметы полнее, чем соответствующие им абстрактные понятия. А так как в конкретных понятиях фиксируется движение и развитие предметов, переход их друг в друга, внутренняя противоречивость и т. д., то они являются более адекватными понятиями, отражающими объективную действительность глубже и полнее.

Конкретные понятия охватывают предмет со всех сторон, они предполагают учет в предмете различных связей и отношений. Конкретные понятия не допускают никакого догматизма, шаблона, схематизма, ибо требуют от того, кто ими пользуется, учитывать обстоятельства, место и время. Именно эту сторону конкретных понятий (наряду с наличием в них единого многообразия признаков) имел в виду Н. Г. Чернышевский, когда он писал: «Конкретно понятие о предмете тогда, когда он представляется со всеми качествами и особенностями и в той обстановке, среди которой существует, а не в отвлечении от этой обстановки и живых своих особенностей»[1].

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Избр. философ. соч. М., 1938, стр. 454.

Требование конкретности понятий вытекает из марксистского учения о конкретности истины. Поскольку истина конкретна, зависит от условий места и времени, то и понятия, в которых она выражается, должны быть конкретными, они должны быть связаны с определенными условиями места и времени, с определенными предметами и явлениями, они должны представить предмет как единство многообразия.

Что касается оперирования конкретными понятиями, то нетрудно догадаться, что оно куда более сложное дело, чем оперирование абстрактными понятиями. Это оперирование требует особого диалектического искусства, о котором Энгельс говорил, что оно не является врожденным и не дается обыденным сознанием, но вырабатывается долгим трудом в процессе практики, в результате изучения и освоения истории развития мышления.

ГЛАВА III

ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

Мы выяснили, что такое конкретные понятия, которыми оперирует диалектическая логика, и какое значение имеют они в познании, мышлении. Теперь надо установить, как образуются эти конкретные понятия, каков тот путь, который к ним ведет. При этом нас будет интересовать не стихийно совершающийся процесс образования конкретных понятий, как он фактически имеет место до возникновения диалектического метода, а процесс сознательный и притом систематический, когда исследователь специально ставит перед собой задачу выработать конкретное понятие и затем осуществляет ее.

Сознательное и систематическое образование конкретных понятий осуществляется в форме особого способа — способа восхождения от абстрактного к конкретному. Этот способ мы и рассмотрим в настоящей главе.

Всесторонне разработанная теория способа восхождения от абстрактного к конкретному еще не написана. Зато имеется блестящий, никем не превзойденный образец применения способа восхождения от абстрактного к конкретному в определенной науке — политической экономии. Мы имеем в виду «Капитал» и «К критике политической экономии» К. Маркса. Изучение этих работ позволило вывести некоторые основные общие закономерности способа восхождения, независимые от его конкретного проявления в тех или иных областях знания. Но это как раз и нужно сделать, прежде чем применять способ восхождения к исследованию той или иной области.

Поскольку способ восхождения связан с категориями абстрактного и конкретного, то необходимо предварительно установить, что они собой представляют (подробности будут ясны из текста всей главы). Иначе будет неясно о чем, собственно, идет речь.

Категории абстрактного и конкретного употребляются в философской литературе в самых различных значениях, частью

правильных, но односторонних, частью же совсем неправильных. Отметим некоторые из них.

Иногда абстрактное определяется как то, что существует лишь в представлении, конкретное — как то, что дано в действительности. При этом «действительность» понимается идеалистически. Такого взгляда придерживается, например, кантианец А. Риль [1]. Некоторые философы [2] абстрактное стождествляют с несозерцаемым, а конкретное — с созерцаемым. То, что можно созерцать, говорят они, есть конкретное, то же, что созерцанием не осваивается, есть абстрактное. Другие философы категории абстрактного и конкретного сводят к общему и единичному. Таковы Локк, Беркли, Юм [3]. Есть и такие философы и логики, которые под абстрактным понимают аттрибут, свойства, обособленные от их носителя, под конкретным — самый носитель этого аттрибута, свойств, т. е. вещи со всеми их определениями [4]. Ни одно из этих значений указанных терминов к способу восхождения от абстрактного к конкретному не подходит.

Надо сказать, что и в марксистской литературе термины «абстрактное» и «конкретное» неоднозначны. Иногда их употребляют в смысле чувственного и рационального познания, рассматривая первое как рациональное, второе — как чувственное, иногда — в значении одностороннего и многостороннего. Однако здесь это не недостаток, а скорее достоинство, поскольку свидетельствует об учете многообразия сторон данных категорий. Например, когда В. И. Ленин пишет: «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности» [5] или: «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное.. от* истины, а подходит к ней» [6],— он имеет в виду первое значение указанных категорий. Говоря же о том, что «природа *и* конкретна *и* абстрактна» [7], В. И. Ленин употребляет термины «конкретное» и «абстрактное» во втором значении, ближе всего стоящем к способу восхождения (хотя самый способ восхождения В. И. Ленин здесь не имеет в виду).

Всестороннюю разработку категорий абстрактного и конкретного в связи с разработкой всего способа восхождения от первого ко второму дал К. Маркс в известном предисловии «К критике политической экономии».

Маркс учит: абстрактное и конкретное являются самыми универсальными категориями, приложимыми как к природе

---

[1] A. Riehl. Beiträge zur Logik. 2 Aufl. S. 6.
[2] Например В. Вундт.
[3] См. там же M. Drobisch. Neue Darstellung der Logik, § 19.
[4] Дж. Ст. Милль. Система логики, кн. I, гл. 2, § 4.
[5] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 161.
[6] Там же.
[7] Там же, стр. 199.

и обществу, так и к человеческому мышлению. В этом отношении они ничем не отличаются от категорий сущности и явления, формы и содержания, случайности и необходимости и др. Разумеется, сначала абстрактное и конкретное существуют в природе как закономерность и только потом — как отражение в сознании, мышлении.

Конкретное — это сочетание многочисленных определений, оно — единство многообразия. Например, «капитализм», «человек», «СССР» и т. д. есть нечто конкретное. Абстрактное, напротив, есть отдельная сторона этого конкретного. Соответственно приведенным примерам абстрактным будет «меновая стоимость» (для капитализма), «способность мыслить» (для человека), «иметь большую территорию» (для СССР).

Конкретное и абстрактное образуют диалектическое единство. Отрицая друг друга, т. е. находясь в отношении противоположности, они в то же время предполагают друг друга. Нет конкретного без абстрактного, как нет и абстрактного без конкретного. Именно в этом смысл ленинского замечания о природе, как единстве конкретного и абстрактного.

Поскольку природа, все вещи суть единство абстрактного и конкретного, постольку человек, познавая их, оперирует как с тем, так и с другим. Познавая предмет, человек начинает с конкретного и анализирует его, выделяя отдельные стороны. Выделив эти стороны, он снова возвращается к конкретному, но уже как к богатому и закономерно расчлененному целому. Весь процесс познания, если взять его в полном объеме, состоит, таким образом, из двух этапов: движения от конкретного к абстрактному и обратного движения — от абстрактного к конкретному. При этом происходит воссоздание конкретного и абстрактного в самом мышлении. Реально существующие конкретное и абстрактное получают свое отражение в идеально конкретном и абстрактном.

Следовательно, мы имеем дело с двумя видами конкретного и абстрактного. Одно конкретное и абстрактное существует в реальной действительности, другое — в нашем мышлении, причем второе есть лишь отражение первого. Конкретное в реальности — это исходный пункт, с него начинается познание истины. Конкретное в мышлении — конечный пункт, им познание истины завершается (далее идет уже практическое приложение истины). В целом процесс познания, взятый в чистом виде, выглядит, следовательно, так:

«Конкретное в реальной действительности — абстрактное — конкретное в мышлении».

Способ восхождения касается второй половины данного процесса: «абстрактное — конкретное». Поэтому он и называется восхождением от абстрактного к конкретному («восхождением» потому, что при этом мышление возвышается от одной, низшей категории, к другой, высшей).

Установив предварительное понятие абстрактного и конкретного и разъяснив общий смысл «восхождения», перейдем к рассмотрению самого способа восхождения. Материал, на основе которого будет развиваться теория способа восхождения, — это, как отмечено, «Капитал» и «К критике политической экономии» Маркса.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному, как всякий научный способ, имеет определенную логическую структуру, выражающуюся отчасти в составляющих его развитие последовательных этапах, отчасти в используемых в нем различных средствах и приемах исследования. Что касается первых элементов структуры, подлежащих ближайшему рассмотрению, то они таковы: 1) исходный пункт, или «начало» восхождения; 2) основные «этапы» восхождения, или процесс его осуществления; 3) результат «восхождения». Средствами и приемами способа восхождения, которые будут рассмотрены дальше, являются: анализ противоречий предмета, обнаружение закона в формах его проявления, исследование явлений в чистом виде и др.

Кроме рассмотрения логической структуры, теория способа восхождения включает в себя, очевидно, решение и таких общих вопросов, как условия осуществления способа восхождения, возможность применения его в различных областях знания, отношение данного способа исследования к другим научным способам, значение способа восхождения.

1. Исходный пункт восхождения от абстрактного к конкретному и его признаки

Речь идет в данном случае не о начале способа восхождения в его историческом развитии, а о начале процесса исследования (изложения) науки способом восхождения. Следовательно, это начало, с которого исследуется самый предмет.

Всякое исследование должно с чего-то начинаться — это общеизвестная истина. Физическое исследование начинается обыкновенно с определения тела; математическое исследование—с определения числа, психологическое—с определения психики и т. д.

С чего должно начинаться исследование способом восхождения от абстрактного к конкретному?

При такой общей постановке вопроса и ответ может быть только общий: так как способ восхождения есть способ движения от абстрактного к конкретному, то, естественно, начинать в нем надо с абстрактного. Однако такой общий ответ вряд ли кого может удовлетворить, он мало что дает исследователю, желающему пользоваться данным способом. Ведь абстрактных моментов (как и конкретных) в предмете очень много. Есть менее абстрактное, есть более абстрактное, есть формально-абстрактное, есть содержательно-абстрактное. Кроме того,

абстрактное в одном отношении может стать конкретным в другом отношении и т. д. Поэтому необходимо уточнить, о каком абстрактном (с которого начинается восхождение) идет речь, и что оно собою представляет.

Началом «восхождения» должна быть наиболее абстрактная из всех имеющихся в предмете категорий. Ибо, если таковым взять не самую абстрактную категорию, многое в процессе восхождения останется неясным. Чтобы устранить эту неясность, мы вынуждены будем пойти обратным путем — от конкретного к абстрактному. А это приведет к нарушению осуществления процесса восхождения. Проиллюстрируем это одним примером.

Если взять систему буржуазного производства в целом, то такие его отдельные характеристики, как товар, деньги, прибыль, земельная рента, будут в известном смысле абстрактными категориями[1]. Каждая из них выражает буржуазное производство неполно, лишь с одной стороны. Из данных категорий самой абстрактной является товар. Поэтому с него и надо начинать. Если мы начнем с другой категории, скажем, с «денег», мы много не поймем в капитализме. Нам будет неясно, откуда берутся деньги, почему возникает прибыль, земельная рента и т. п. Чтобы все это выяснить, мы должны найти источник денег, т. е. от денег нисходящим путем вернуться к товару. А это осложнит работу и вообще не составит уже процесса восхождения.

Итак, быть наиболее абстрактной категорией — таков первый признак исходного пункта процесса «восхождения».

Начало, будучи самым абстрактным, должно быть вместе с тем и непосредственным. Непосредственным, вообще говоря, называется то, что ничем не опосредствуется, чему ничто другое не предшествует. Например, ощущение есть непосредственный образ внешнего мира, поскольку оно связано с этим миром прямо, без какого бы то ни было промежуточного звена. Таким непосредственным должно быть и начало для способа восхождения. В системе буржуазного общества, исследуемого Марксом способом восхождения, непосредственным будет товар. Товар есть нечто непосредственное, не обусловленное никаким другим отношением: ни отношением денег, ни отношением эксплуатации, ни отношением земельной ренты и т. д. Скорее наоборот, эти последние категории обусловлены, опосредствованы отношением товара. При этом надо иметь в виду, что, говоря о начале как о чем-то непосредственном, мы берем его, разумеется, в данной системе, а не в какой-либо другой и не в самой связи этой системы с другой системой. Товар есть нечто непосредственное в системе буржуазного производства. Но если мы возьмем простое товарное хозяйство, то тут он таким непосредст-

[1] В другом отношении эти категории являются конкретными. О товаре Маркс сам говорит, что это простейшая конкретность.

венным уже не будет. В простом товарном хозяйстве товар есть нечто многократно опосредствованное и конкретное.

Начало исследования способом восхождения должно быть не только самым абстрактным и самым непосредственным, но и самым всеобщим, массовидным. «Начало,—пишет В. И. Ленин, — самое простое, обычное, массовидное, непосредственное «бытие»: отдельный товар («Sein» в политической экономии). Анализ его, как отношения социального. Анализ *двоякий,* дедуктивный и индуктивный, — логический и исторический (формы стоимости)» [1].

Но что такое всеобщее?

В формальной логике всеобщим называется главным образом род, родовой признак. Признак, который имеется у всех видов и индивидов данного рода, будет всеобщим. Например, быть деревом есть всеобщий признак для клена, липы, сосны и т. п., так как без этого признака клен, липа, сосна не существуют. Совсем иной характер носит всеобщее способа восхождения. В способе восхождения всеобщее—это то, что хотя и присутствует во всех других категориях, но не в качестве рода. Всеобщее способа восхождения — это основа, из которой развивается все остальное. Оно есть всеобщее, ведущее к конкретному, т. е. конкретно-всеобщее. Для буржуазного общества таким всеобщим будет товар. Маркс пишет: «...форма товара есть самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного производства»[2]. Почему? — Потому, что товар пронизывает все отношения буржуазного общества: отношение продажи и купли, кредитора и должника, отношения капиталиста и рабочего, землевладельца и ростовщика и т. д. Все отношения буржуазного общества — товарные отношения. При капитализме в товар превращается все: вещи, мораль, совесть, честь и т. п. «Все делается предметом купли-продажи» [3], — говорит Маркс.

Следующая существенная черта «начала» восхождения заключается в том, что оно есть самое простое и самое обычное, миллиарды раз встречающееся и миллиарды раз повторяющееся. В буржуазном обществе в качестве такого начала выступает все тот же товар, выражающий простейшие отношения людей. Действительно, что может быть проще отношения купли-продажи? Один продает, другой покупает. Покупатель и продавец связаны лишь постольку, поскольку они совершают этот акт. Как только данный акт прекратился, связь между ними теряется. Данный процесс повторяется ежедневно, ежечасно, он совершается на каждом шагу.

Однако самое простое еще не означает самое ясное. Товарные отношения — самые простые, но они далеко не самые ясные. Скорее наоборот, это одно из наименее ясных и наиболее

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 316.
[2] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 89.
[3] Там же, стр. 138.

таинственных отношений людей. В самом деле, как обстоит дело на поверхности явлений буржуазного общества, т. е. в акте обмена? Создается впечатление, что не люди — творцы товаров, а, наоборот, товары — творцы судеб людей. Товары заставляют людей идти на рынок, сталкиваться друг с другом, делают их зависимыми друг от друга (продавец зависит от покупателя, покупатель зависит от продавца). У кого больше товаров, тот оказывается богаче и сильнее. Словом, товар выступает причудливой вещью, с массой загадочных свойств. Господствует, как говорит Маркс, товарный фетишизм. Этим, в частности, объясняется, почему так трудно было проникнуть в данное «начало» буржуазного способа производства.

«Начало» не было бы началом процесса восхождения, если бы оно не обладало и таким существенным свойством, как быть «клеточкой», элементарной ячейкой того целого, началом которого оно выступает.

О клеточке или ячейке имеются самые различные представления. Наиболее распространенным из них является представление, согласно которому клеточка есть мельчайшая частица целого (например, молекула есть клеточка вещества). Однако такое представление о клеточке совершенно неприемлемо для способа восхождения, где она имеет совсем иное значение. «Клеточка» способа восхождения — это прежде всего то, из чего может развиться все остальное, вся система органического целого. Она есть зародыш этого целого, т. е. целое, еще не раскрывшееся, целое «в себе», как сказал бы Гегель. Клеточка заключает в потенции все другие категории, она их обусловливает, порождает. В ней заключена возможность того, чем в действительности являются эти последние. Клеточка есть нечто нераскрывшееся. Этим, между прочим, и объясняется, почему начало процесса восхождения является наиболее простым. Оно — самое неразвитое, а потому и самое простое, элементарное.

В буржуазном производстве элементарной «клеточкой» является товар. На это прямо указывает К. Маркс, подчеркивая, что именно поэтому его исследование начинается с товара. «Богатство обществ, — пишет Маркс, — в которых господствует капиталистический способ производства, является «огромным скоплением товаров», а отдельный товар — его элементарной формой. Наше исследование начинается поэтому анализом товара»[1]. Товар есть неразвитые деньги, неразвитый капитал, неразвитая заработная плата, неразвитая земельная рента и т. п. Напротив, деньги есть развитый товар, капитал есть развитые деньги, а тем самым и товар (когда купле-продаже подвергается рабочая сила) и т. д. Таким образом все сводится к товару — этой клеточке буржуазного общества.

Поскольку данная «клеточка» (товар) есть нечто наиболее

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 41.

простое и неразвитое, она является и наиболее низшей среди всех других категорий капиталистического мира. Остальные категории, следующие за клеточкой, будут уже по-своему высшими. Деньги — высшая категория по сравнению с товаром, а капитал в отношении его — еще более высшая категория.

Но, пожалуй, самой главной отличительной чертой «начала» восхождения от абстрактного к конкретному будет то, что оно концентрирует в себе в неразвитом виде все противоречия, которыми чревата исследуемая система целого. На эту черту, ввиду ее особой важности, следует обратить серьезное внимание, тем более, что она обычно остается в тени.

Противоречивый характер «клеточки» коренится в самой ее природе. Ведь она есть нечто объективно существующее. А все объективно существующее противоречиво. Однако дело не только в этом. Главное в том, что «клеточка» есть зародыш всех других противоречий системы. Из нее развиваются все остальные противоречия. Именно это обстоятельство позволяет ставить перед способом восхождения задачу: воспроизвести целостную диалектику предмета. А чтобы при этом диалектика не превращалась в сумму примеров, не сводилась к иллюстрациям, надо начинать с исходного противоречивого отношения, рассматривая, как оно возникает, развивается и превращается в другое. Только таким образом можно воссоздать предмет диалектически.

Обратимся к «Капиталу».

Товар есть первичное отношение буржуазного общества, причем отношение не вещей, а людей. В качестве такого отношения он заключает в себе соотносящиеся стороны. Ими являются потребительная стоимость и меновая стоимость. Потребительная стоимость есть свойство товара удовлетворять ту или иную потребность человека, меновая стоимость — свойство обмениваться на другой товар. Одно свойство существует всегда, другое — лишь в определенную историческую эпоху, когда наличествует частная собственность на орудия и средства производства. Уже в этом заключено противоречие. Однако этим оно далеко не исчерпывается. Потребительная стоимость выражает отношение товара к потребителю, меновая стоимость — отношение товара к продавцу (или к другому товару, что, в сущности, одно и то же). Противоречие между потребительной и меновой стоимостью состоит, далее, в том, что они создаются противоположными видами труда: потребительная стоимость— конкретным трудом, меновая — трудом абстрактным. И, наконец, в потребительной стоимости находит выражение частный труд, в меновой стоимости — его противоположность, труд общественный. Таковы противоречия «клеточки» буржуазного общества — товара.

Необходимость начинать исследование в способе восхождения с противоречия, заключенного в исходной ячейке, обуслов-

лена самой целью и сущностью данного способа как приема, воспроизводящего диалектику предмета. Для осуществления восхождения эта необходимость является в конечном счете решающей. Ведь может быть так, что в качестве начального пункта взято самое абстрактное, самое общее и непосредственное, самое простое и неразвитое, и вместе с тем «восхождения» не получается, не получается потому, что отсутствует главное, — анализ противоречия «клеточки». Всякое действительное восхождение от абстрактного к конкретному необходимо требует «начала», которое было бы зародышем противоречий всего последующего. В «Капитале» таким началом является «товар», в «Логике» Гегеля — «бытие» (Sein)...[1].

Специфика «клеточки» как противоречивого отношения требует и специфического ее определения, дефиниции (хотя дефиниция не имеет здесь решающего значения). Определяя «клеточку», исследователь, пользующийся способом «восхождения», должен стремиться не к тому, чтобы просто указать ее ближайший род и видовое отличие, но чтобы самим определением вскрыть в «клеточке» противоречие. Вернее, он должен указать такое «видовое отличие», которое фиксировало бы в «клеточке» противоположности, как это делает К. Маркс применительно к товару. Товар, указывает К. Маркс в своем определении, есть вещь, которая, во-первых, удовлетворяет какую-либо потребность человека, во-вторых, обменивается на другую вещь[2]. Признаки «удовлетворять какую-либо потребность» и «обмениваться на другую вещь», составляющие видовое отличие, выражают как раз противоречие товара, этой «клеточки» буржуазного общества.

Итак, «начало» (исходный пункт) процесса восхождения от абстрактного к конкретному характеризуется следующими основными признаками: оно — самое абстрактное, самое непосредственное, самое всеобщее и массовидное, самое простое и самое обычное, выступающее в качестве исходной «клеточки» системы заключает в себе в зародыше все противоречия целого.

Эти черты «начала» восхождения являются объективными, они существуют в самом исследуемом предмете. В объективной системе отношений целого «клеточка» сама выступает как нечто

---

[1] Относительно начала гегелевской «Логики» («бытия») следует сказать, что оно есть «клеточка» всего логического содержания. Все логическое характеризуется у Гегеля тем, что оно одновременно и есть и не есть, т. е. и существует и не существует. Это противоречие и обусловливает становление, появление нового. А. Тренделенбург поэтому неправ в своей критике начала «Логики» Гегеля (См. «Логические исследования», ч. I, стр. 41—43). Во-первых, он не учитывает, что у Гегеля речь идет вовсе не об абсолютном тождестве «бытия» и «ничто», а об относительном. Во-вторых, А. Тренделенбург не улавливает подлинный смысл данного тождества, который состоит в следующем: всякая вещь, поскольку она изменяется, есть и «бытие» и «ничто».

[2] См. К. Маркс. Капитал. т. I, гл. I, § I. Аналогичное определение дает в сжатой форме В. И. Ленин. См. В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 43.

абстрактное, непосредственное, всеобщее, простое, противоречивое и т. д. И только потому, что она предстает таковой объективно, ее можно считать самым абстрактным, непосредственным, всеобщим и т. п. и субъективно, — в мышлении, в познании, а, следовательно, и в процессе восхождения.

С точки зрения развивающегося в процессе восхождения знания, мысль о «клеточке» есть самая бедная по сравнению с другими мыслями, с мыслями о других категориях системы. Тот, кто знает о буржуазном обществе только то, что в нем господствуют товары, имеет о нем очень скудное представление. Выделение денежных отношений есть уже шаг вперед в познании буржуазного общества. Еще более глубоким знанием будет установление в буржуазном обществе отношений капитала, прибавочной стоимости и др.

Следовательно, и в логическом процессе восхождения от абстрактного к конкретному мы переходим от более простого к более сложному, от менее глубокого к более глубокому. Поскольку исходный пункт действительного развития предмета становится исходным пунктом его теоретического познания способом восхождения, постольку можно сказать, что законы теоретического мышления совпадают с законами действительности.

Изложенные черты «начала» (исходного пункта) восхождения вскрыты отнюдь не нами. Мы лишь изложили то, что сделал в результате глубокого изучения «Капитала» Маркса и «Логики» Гегеля В. И. Ленин.

В своих «Философских тетрадях» Ленин писал: «У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (...зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ (сумме — *М. А.*) его отдельных частей, от его начала до его конца»[1]. Очертив так удачно, кратко и глубоко метод «Капитала» Маркса, В. И. Ленин тем самым вскрыл суть, специфику способа восхождения от абстрактного к конкретному, а тем самым и признаки, основные черты «начала» восхождения». Правда, В. И. Ленин не употребляет здесь самого выражения «способ восхождения», но дело от этого не меняется. По существу, речь идет именно о нем.

«Клеточка» исследуемой системы является исходным пунктом процесса восхождения. С нее процесс восхождения начинается. Поэтому, чтобы последний мог осуществиться, надо уже иметь вычлененную «клеточку». Но эта «клеточка» является конечным

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 358—359.

пунктом первой из отмеченных выше фаз процесса познания. Она — результат этой фазы, начинающейся с конкретного в действительности и заканчивающейся абстрактным в мышлении.

Как видим, установить признаки «начала» системы даже при наличии блестящего образца восхождения, каким является «Капитал», не так уж легко. Причина этого состоит в следующем. Маркс исходит из «начала» в своей конкретной области исследования, анализирует его, но он не создает специальной, детально разработанной теории этого «начала». Нужен был глубокий ум В. И. Ленина, чтобы на основе одного конкретного примера применения процесса восхождения сформулировать общие положения теории восхождения, в том числе и его «начала».

Но если трудно разработать полную теорию «начала» восхождения, то еще труднее отыскать его в каждом конкретном случае исследования. Труднее, во-первых, потому, что тут надо проявить творчество, как и во всяком деле приложения общих правил к частным явлениям. Во-вторых, для этого необходимо иметь ряд определенных, объективных и субъективных условий, ряд предпосылок.

Что это за условия?

Для того чтобы установить, раскрыть «начало» системы, надо иметь налицо эту систему. Если ее нет, то нечего искать и «начала» — его тоже не будет. В феодальном обществе никто «клеточку» капитализма не ищет, потому что нет самой целостной капиталистической системы, клеточкой которой она является. Это — первое объективное условие установления начала восхождения.

Второе объективное условие относится к исторически развивающимся явлениям. Последние должны достигнуть уровня полной зрелости, чтобы «клеточка» могла раскрыться прежде всего сама объективно, а затем уже познана, обнаружена исследователем Это обусловлено тем, что «клеточка» есть всеобщее свойство всех отношений целого. Товар не может быть «клеточкой» в буржуазном обществе, пока последнее не разовьет все свои силы. В эпоху феодализма, хозяйство которого являлось в основном натуральным, товар не был клеточкой. Не был он клеточкой и тогда, когда капитализм только еще возникал. А в период зрелого капитализма товар становится уже клеточкой, ибо начинает пронизывать *все* отношения людей, в том числе и, прежде всего, отношения капиталиста и рабочего. А это главное. Рабочая сила при капитализме превращается в товар. Лишь с того момента, когда «рабочая сила для самого рабочего принимает форму принадлежащего ему товара... лишь ...с этого момента, товарная форма продуктов труда приобретает всеобщий характер» [1]. Говоря об условиях вычленения категории стоимости, К. Маркс пишет: «...это возможно лишь в та-

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 177.

ком обществе, где товарная форма есть всеобщая форма продукта труда, а следовательно, отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением» [1]. То, что Маркс говорит здесь о вычленении стоимости, целиком и полностью относится к вычленению товара как «клеточки». Ведь нет товара без стоимости. Чтобы выделить товар как «клеточку», надо знать, что ему присуща стоимость. Впрочем на это указывает сам К. Маркс: «...форма товара есть самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного производства, вследствие чего она возникает очень рано, хотя и не является в прежние эпохи такой господствующей, а следовательно характерной, как в наши дни» [2]. Значит, по Марксу, товар является господствующим и характерным отношением лишь «в наши дни», т. е. в эпоху современного Марксу капиталистического производства.

Таким образом, только с того момента, когда «клеточка» объективно доказала, что она есть «клеточка» системы, только с этого момента открывается возможность фиксирования ее в субъективном сознании исследователя. До этого нельзя было даже ставить вопроса об ее отыскании, нельзя было и помышлять о ней. Такова вторая объективная предпосылка установления «клеточки» («начала») восхождения.

Между прочим, то обстоятельство, что субъективному раскрытию клеточки в процессе восхождения предшествует объективное ее раскрытие в самом предмете, подтверждает один весьма важный, не всегда учитываемый исследователями факт. Факт этот состоит в следующем. Маркс берет товар не так, как он дан в системе простого товарного хозяйства, а так, как он выступает в хозяйстве капиталистическом. Иными словами, Маркс начинает исследование буржуазного общества с товара не потому, что товар исторически предшествует капиталу, или что простое товарное хозяйство генетически предшествует хозяйству товарно-капиталистическому (хотя и то и другое действительно имеют здесь место), а в связи с тем, что товар в системе самого буржуазного производства является первичным по отношению к капиталу, деньгам и т. п. Маркс пишет: «...развитие продукта в товар, обращение товаров, а потому и обращение денег в определенных границах, следовательно до известной степени развитая торговля является предпосылкой, исходным пунктом образования капитала и капиталистического производства. Как такую предпосылку рассматриваем мы товар, исходя из него, как из простейшего элемента капиталистического производства» [3].

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 66. См. Капитал, т. 3. Госполитиздат, 1952, стр. 893.

[2] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 89.

[3] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. 3, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 85.

Этот же факт (что товар рассматривается Марксом как элемент буржуазного производства) отмечает и В. И. Ленин. «В капиталистическом обществе господствует производство *товаров*, и анализ Маркса начинается поэтому с анализа товара»[1]. Данное обстоятельство чрезвычайно важно, оно указывает на логический (в отличие от исторического) метод исследования Марксом капиталистического производства. Но об этом мы скажем подробнее ниже.

Итак, если нет объективных предпосылок, если они не созрели в действительности, то невозможно выделить «клеточку» системы, исследуемой способом «восхождения», невозможно установить «начало» восхождения.

Среди субъективных предпосылок нахождения «клеточки» заслуживает быть отмеченным, в первую очередь, уровень научного знания предмета, который собираются исследовать способом «восхождения». Так, для отыскания «клеточки» буржуазного производства надо было проделать большую предварительную работу по анализу этого производства, необходимо было выделить все его основные категории: труд, ренту, капитал, заработную плату и др. До того как К. Маркс применил способ восхождения к исследованию буржуазного производства, последнее было изучено классиками буржуазной политической экономии — А. Смитом и Д. Рикардо, а еще раньше подвергнуто анализу представителями донаучной политической экономии. На это специально указывает К. Маркс в «К критике политической экономии». Экономисты XVII столетия, отмечает К. Маркс, исследовали буржуазное общество в пределах выделения в нем наиболее всеобщих и абстрактных моментов: труда, разделения труда, стоимости и т. п. Они аналитически вычленили эти категории, подготовив тем самым почву для классической политической экономии. А. Смит и Д. Рикардо не могли бы начинать исследование с простого, восходя затем к сложному, если бы до них не проделали соответствующую подготовительную работу их предшественники, экономисты XVII в.

Тем более данная подготовительная работа необходима была для К. Маркса, поскольку он начинает исследование не только с простого, но с такого простого, которое вместе с тем является «клеточкой», зародышем противоречий капитализма. Товар является «клеточкой», т. е. наиболее простой, общей, непосредственной, массовидной формой буржуазного общества только в сравнении с другими категориями. Ясно поэтому, что ее можно вычленить лишь тогда, когда имеются эти последние. Ряд этих категорий был уже установлен в эпоху, предшествующую буржуазной классической политической экономии, другие разработаны классиками буржуазной политической экономии. Об этом прямо пишет Ф. Энгельс, указывая, что Маркс иссле-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 43.

довал все категории предшествовавшей ему политической экономии. Больше того, до Маркса (т. е. до того, как была найдена «клеточка» капитализма) установлены и некоторые простейшие зависимости между категориями (например, зависимость величины стоимости от затраченного труда, зависимость между занятым числом рабочих и величиной капитала и т. п.). Процесс вычленения из целого отдельных его общих категорий и есть тот процесс, который условно можно назвать «нисхождением», как противоположный процессу восхождения и предшествующий ему. Мы отмечали направление этого процесса: от реально конкретного к абстрактному. Отсюда, между прочим, видно, почему необходимо аналитическое познание: оно есть ступень к познанию синтетическому. Анализ предмета, расчленение его на составляющие элементы, выделение наиболее общих и абстрактных моментов необходимы для того, чтобы вычленить «клеточку» и, вычленив ее, двигаться как бы в обратном порядке — от абстрактного к конкретному, т. е. воссоздавать из элементов целое как живую, органически развивающуюся систему. Но об этом мы скажем подробнее в главе V.

Второй субъективной предпосылкой, дающей возможность установить исходный пункт восхождения, является наличие диалектического метода в том его наиболее общем виде, в каком принято о нем обычно говорить. Данная предпосылка связана с одной из главных задач способа восхождения — с мысленным воспроизведением предмета как диалектически развивающегося целого, а также со свойством «клеточки» быть зародышем всех противоречий системы.

Научный диалектический метод необходим для вычленения «клеточки» и вообще осуществления всего способа восхождения потому, что он позволяет, во-первых, диалектически расчленить сложный предмет, выделить из него отдельные категории, установить внутреннюю связь этих категорий между собой и т. д. Во-вторых, он необходим для того, чтобы определить, действительно ли выделяемая в качестве «клеточки» категория является зародышем всех противоречий системы или она таковой не является. И, в-третьих, он нужен, чтобы осуществить переход от одной категории к другой.

Среди субъективных предпосылок, обусловливающих отыскание «начала» восхождения, важную роль играет, конечно, и то, приемлет ли исследователь диалектический метод или нет. Ибо само собою разумеется, если исследователь не хочет считаться с диалектическим методом, то при всем своем огромном желании найти «клеточку» и осуществить «восхождение» он ни чего достигнуть не сможет.

Таковы объективные и субъективные предпосылки отыскания «клеточки» сложного целого, установления «начала» восхождения. После того как эти предпосылки сложились, открытие «клеточки» — дело лишь времени.

Как же и с помощью каких приемов устанавливается «клеточка» системы?

Основным приемом установления «клеточки» является прием сопоставления вычлененных категорий[1]. Скажем, нам удалось с помощью анализа вычленить категории С В Д А. Мы берем две категории (сначала любые), например В и Д, и сопоставляем их друг с другом, сравниваем. Сперва мы устанавливаем у них черты сходства. Затем проникаем в сущность каждой категории, раскрываем их специфические закономерности. Потом идет самое главное — определение того, какая из категорий является «первичной», какая «вторичной», иными словами, какая служит условием существования другой. Иногда из сопоставления двух категорий этого установить не удается, тогда привлекается третья категория, являющаяся, так сказать, посредствующим звеном между первыми двумя категориями (например «С»). После того как установлена первичная категория, для сопоставления привлекаются другие категории, которые анализируются точно таким же образом. Так последовательно сопоставляются все выделяемые категории, из них отбираются первичные, а среди этих — исходная, которая и будет отправным моментом восхождения. При этом надо учитывать, чтобы искомое начало было зародышем всех противоречий системы исследуемого предмета.

Возьмем конкретный пример. Пусть нам даны категории буржуазного общества: деньги, товар, капитал, земельная рента. Сопоставляя между собой первую и последнюю категории, нетрудно заметить, что обе они существуют при капитализме и выражают определенное отношение буржуазного общества. В этом их сходство. Различие состоит в том, что деньги — это всеобщий эквивалент товаров, земельная рента — часть прибавочной стоимости, уплачиваемая земельному собственнику. По сравнению с земельной рентой деньги — более простая и более первичная категория, — их можно понять без земельной ренты, а земельную ренту без денег понять нельзя. Чтобы проникнуть в сущность земельной ренты, надо знать, что такое прибыль, средняя прибыль, что такое прибавочная стоимость. А прибавочную стоимость можно понять, лишь зная стоимость и деньги. Теперь сопоставим деньги, как более простую категорию, с капиталом (надо брать категорию более простую потому, что наша задача — найти «клеточку»). Капитал есть стоимость, приносящая (путем эксплуатации наемных рабочих) прибавочную стоимость. Значит он — категория более сложная, чем деньги, ибо предполагает прибавочную стоимость. Остается сравнить теперь деньги с товаром. Товар — это вещь, кото-

[1] Здесь, как и повсюду далее, под категориями разумеются не понятия, а объективные стороны предмета. Следовательно, в исследовании сопоставляются между собой не мысли и не понятия с вещами, а одна вещь с другой вещью, одна сторона предмета с другой его стороной.

рая отличается двумя свойствами: потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Но деньги также имеют потребительную и меновую стоимость. Деньги — это товар особого рода, товар в его особой функции всеобщего эквивалента. Следовательно, товар более первичен, чем деньги, и его, если не найдется других более простых категорий, надо принимать в качестве исходного пункта восхождения.

Разумеется, мы сильно упростили пример, но сделали это ради того, чтобы яснее показать, каким образом путем сравнения вычлененных в результате анализа категорий происходит выделение самой абстрактной, общей и непосредственной из них — «клеточки». В действительности дело обстоит гораздо сложнее. Во-первых, в исследуемой системе имеется не четыре категории, а несравненно больше. Во-вторых, при сопоставлении категорий не все так гладко получается, как в приведенном примере, ибо мы опираемся на результаты уже проделанного Марксом «восхождения». Сопоставляя категории, исследователь строит гипотезы, совершает попятные движения, впадает в ошибки, исправляемые дальнейшим ходом анализа, и т. д. От всего этого мы отвлекаемся.

Рассмотрев первый элемент логической структуры процесса восхождения — «начало», мы должны теперь проанализировать остальные элементы этой структуры: этапы «восхождения» и его общий результат.

2. Этапы и общий результат процесса восхождения

Вопрос об этапах исследования является самым главным и, пожалуй, самым трудным вопросом всей теории восхождения. Самым главным потому, что он касается воспроизведения в мышлении исследуемой системы во всей ее органически связанной и диалектически расчлененной целостности. Целостность исследуемой системы тем и достигается в мышлении, что мы поэтапно воссоздаем ее различные стороны, моменты, категории Это наиболее трудоемкая часть исследования способом восхождения. Правда, значительную трудность представляет, в чем мы уже убедились, и отыскание «клеточки». Но, во-первых, ее нахождение — только начало, и оно даже не входит в самый процесс восхождения, а предшествует ему. Во-вторых, оно уже — пройденный этап. Во всяком случае, «начало» должно быть найдено перед тем, как исследователь приступит к установлению последовательности категорий способом восхождения.

Установленное «начало» — и в этом его значение — предопределяет и, следовательно, облегчает развитие процесса восхождения. Оно указывает, как надо идти в исследовании предмета, какую цель (ближайшую и конечную) необходимо достигнуть в результате исследования. Начало обусловливает направление исследования, подсказывает очередность рассмотрения категорий и т. д. Перефразируя известное изречение, можно

сказать: правильно установленное начало восхождения есть уже наполовину его осуществление. И здесь никакого преувеличения нет: исходный пункт действительно подсказывает, как и куда надо двигаться в процессе исследования.

Первое, с чего начинается исследование способом восхождения, после того как найдена «клеточка», это научный анализ, «клеточки», изучение различных ее сторон как в их отдельности друг от друга, так и во взаимосвязи Изучая «клеточку», исследователь, установив, что она есть элемент целого, определяет ее сущность, раскрывает ее специфические признаки, вскрывает те противоречия, которые ей присущи. При этом «клеточка» рассматривается сначала в ее проявлении, а потом — в сущности.

К. Маркс, исследуя товар, указывает в самом начале, что товар — это элементарная форма буржуазного производства. Тем самым обосновывается «начало» исследования. В определении товара как вещи, удовлетворяющей какую-либо потребность человека и обмениваемую на другую вещь, Маркс вскрывает сходство и различие товара с другими продуктами труда. Товар сходен с продуктами труда, не являющимися товаром, в том, что он обладает потребительной стоимостью. Его меновая стоимость, способность обмениваться, делает его отличным от этих продуктов. Именно обмен делает продукты труда товарами. Поскольку меновая стоимость является определяющей, ведущей противоположностью товара, она подвергается специальному исследованию. Меновая стоимость выступает первоначально с количественной стороны — как пропорция, в которой один товар обменивается на другой. За этой чисто количественной стороной скрывается сущность — то общее, благодаря чему товары обмениваются друг на друга. Этой сущностью является стоимость как овеществленный труд. Но не как определенный, конкретный труд, каким он выражен в специфической потребительной стоимости товара, а как труд вообще, абстрактный. Итак, за проявлением — меновой стоимостью — Маркс вскрывает ее сущность — стоимость.

В процессе восхождения исследуемый предмет воспроизводится как сложная диалектическая расчлененная система, в которой все части связаны между собой, взаимно обусловлены друг другом, занимают каждая свое строго определенное место. Так как теоретическое мышление представляет собой (подобно другим процессам) временной процесс, то ясно, что в нем отдельные категории исследуемого целого не могут быть даны и проанализированы сразу, они выявляются, обнаруживаются лишь постепенно, последовательно, одна за другой. Тут и начинается основная работа «восхождения».

Задача воспроизведения целого способом восхождения сводится к последовательному развитию категорий, причем как тех, которые уже открыты в предшествующем «восхождению» анализе, так и тех, которые устанавливаются в самом процессе вос-

хождения (а таких немало). Разумеется, те и другие категории выражают реальные отношения исследуемого целого.

Выведение, развитие категорий одной из другой является признаком исследования, специфически характерным для процесса восхождения.

Нужно сказать, что до появления диалектики подлинное выведение категорий было невозможным. Его в сознательной форме никто даже не пытался осуществить. Характерен в этом отношении метод рассмотрения категорий Аристотелем. В своих произведениях («Категориях», «Аналитиках», «Метафизике» и др.) Аристотель рассматривает множество различных философских, логических и других категорий. Однако он их не выводит, а просто анализирует каждую в отдельности и иногда сопоставляет. Например, рассматривая логические категории: **субстанцию, количество, качество, отношение, место, время, действие, страдание** и др., Аристотель просто перечисляет их, фиксируя различие, но на связи этих категорий, тем более на их субординации, логической последовательности, не останавливается. Последовательность категорий при таком методе может быть самая различная, даже обратная той, которая кажется естественной. Можно излагать категории, начиная с **субстанции** и кончая **страданием**, а можно начать с категории **страдания** и кончить **субстанцией**. Никакой строгой закономерности здесь нет.

В исследовании же способом «восхождения» от абстрактного к конкретному, поскольку здесь одна категория выводится из другой, нет подобного недостатка.

Так как восхождение есть процесс движения от абстрактного к конкретному, то естественно, что более абстрактная категория должна при ее рассмотрении предшествовать категории более конкретной Конкретное в снятом виде включает в себя абстрактное, его нельзя понять без этого абстрактного, тогда как последнее возможно раскрыть, не прибегая к конкретному. Этим определяется необходимость того, почему более конкретная категория следует за менее конкретной. Обратимся к «Капиталу», на примере которого убедительнее всего можно показать последовательность категорий, исследуемых способом восхождения Поскольку в нашу задачу не входит специальный экономический анализ всего трехтомного сочинения Маркса, ограничимся для этой цели рассмотрением первой части первого тома.

Даже беглое знакомство с содержанием первой книги «Капитала» показывает порядок рассмотрения категорий Марксом. Начав с анализа товара и вскрыв его двойственность, Маркс переходит к исследованию двоякого характера труда, создающего товар, труда одновременно и конкретного, и абстрактного. Хотя труд есть субстанция стоимости, порождающая товар, а товар — результат этого труда, тем не менее последовательность рассмотрения категорий должна быть именно такой: сначала анализируется товар, затем труд, а не наоборот. «Клеточкой»

является именно товар, а не труд. Это потому, что двойственность труда скрыта в двойственности товара: первая лежит в глубине, вторая на поверхности. Двойственность труда невозможно раскрыть без установления двойственности товара. Двойственность же товара можно раскрыть и не прибегая к двойственности труда. Чтобы понять двойственный характер труда, надо знать, что такое абстрактный труд, т. е. ту специфическую форму, в которой при товарном хозяйстве проявляется общественный характер труда. А чтобы знать, что такое абстрактный труд, надо выявить стоимость, субстанцией которой этот труд является. Стоимость же может быть установлена лишь через ее проявление — меновую стоимость. А последняя есть один из двух противоположных факторов товара (другим фактором является потребительная стоимость). Вот почему Маркс начинает с товара, чтобы, выявив его двойственность, вскрыть в проявлении меновой стоимости ее сущность — стоимость, и затем перейти к абстрактному труду как такому. «...если товар представляет собою нечто двойственное, а именно—потребительную стоимость и стоимость меновую,—говорит К. Маркс, — то и воплощенный в товаре труд должен иметь двойственный характер...» [1]. Этого не видели экономисты до Маркса, а между тем от умения раскрыть двойственный характер труда зависит понимание всех дальнейших экономических категорий капитализма. Буржуазные экономисты, перескочив через двойственный характер труда, перейдя сразу от товара к деньгам, не смогли понять ни денег, ни тем более прибавочной стоимости (вместе с тайной ее производства), а также остальных категорий капитализма.

После раскрытия двойственного характера труда, Маркс переходит к рассмотрению формы стоимости, субстанцию которой он до этого установил в виде абстрактного труда. Это естественно. Форма зависит от содержания, потому понять ее можно только после раскрытия содержания,—стоимости. Формы же стоимости необходимо рассматривать потому, что они позволяют вывести деньги—эту важнейшую категорию, без которой не поддается пониманию ни капитал, ни прибавочная стоимость, ни рента, ни норма прибыли, ни другие отношения внутри капитализма. Нельзя от товара непосредственно перейти к деньгам, минуя формы стоимости, как это, в частности, пытались сделать представители классической буржуазной политической экономии. В таком случае никакого выведения, генетического развития категорий не получается. В сущности, все экономисты до Маркса направляли в этом пункте свои усилия на то, чтобы доказать, что деньги есть товар. Но, как справедливо говорит Маркс, этот факт доказывать нечего, он очевиден. «Трудность состоит не в

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале». Госполитиздат, 1952, стр. 135.

том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами»[1]. Эту трудность преодолевает К. Маркс в своем учении о формах стоимости, где он совершает работу, за которую до него не пытался взяться ни один экономист, — выведение денег из товара. Данное выведение, осуществляемое через случайную, развернутую и всеобщую формы стоимости, также является восхождением от абстрактного к конкретному. Простая или случайная форма стоимости (*x* товара A = *y* товара B) есть нечто более абстрактное по отношению к полной, или развернутой форме (*x* товара A = *y* товара B = *z* товара C и т. д.), а эта последняя—более абстрактная, чем всеобщая форма (*y* товара B, *z* товара C и т. д. = *x* товара A). Поэтому нельзя понять эту последнюю без второй, а вторую без первой. «Трудность понятия денежной формы, — пишет Маркс, — ограничивается трудностью понимания всеобщей эквивалентной формы, следовательно всеобщей формы стоимости вообще, формы III. Форма III разрешается ретроспективно в форму II, в развернутую форму стоимости, а конституирующим элементом этой последней является форма... *x* товара A = *y* товара B»[2]. Рассматривать деньги Марксу нужно было для того, чтобы, выяснив их природу, показать, как из них появляется капитал.

Деньги есть первая форма, в которой рождается на свет капитал, или, как говорит Маркс, деньги как «последний продукт товарного обращения есть первая форма проявления капитала»[3]. Чтобы стало ясным, почему капитал сначала выступает в форме денег, почему он затем распадается на постоянный и переменный, на товарный и денежный, необходимо было сначала исследовать природу денег, а также различные их функции: меру стоимости, средства обращения, средства накопления, средства платежа, мировые деньги. Без анализа денег нельзя понять капитала, ибо «в деньгах, — как показывает развитие их определений, — заложено требование, чтобы была стоимость, вступающая в обращение, сохраняющаяся в нем и в то же время полагающая самое себя, — т. е. *капитал*»[4]. От денег Маркс переходит к капиталу потому, что этот переход осуществляется в самой действительности. В самой жизни деньги превращаются в капитал. Это происходит следующим образом. В процессе товарно-денежного обращения (в отличие от простого товарообмена) заключенное в товаре единство потребительной и меновой стоимости поляризуется: товары выступают представителями потребительной стоимости, деньги — представителями меновой стоимости (стоимости). Деньги олицетворяют стоимость как таковую. В обмене обнаружи-

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 99.
[2] Там же, стр. 77.
[3] Там же, стр. 153.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. письма. Госполитиздат, 1953, стр. 102.

вается, что в движении денег Д — Т — Д' Д' не совпадает количественно с Д, а является по сравнению с ним большим. Эта увеличивающаяся (на разность Д' — Д) стоимость и есть капитал. Значит, капитал — это та же стоимость, только в процессе роста, или, как говорит Маркс, капитал «может быть назван стоимостью в процессе движения...»[1]. Необходимость выяснения источника капитала приводит к новой категории — прибавочной стоимости.

Капитал возникает в обращении, ибо стоимость реализуется только в обращении. Но вместе с тем он и не возникает в обращении, поскольку обмен уравновешивает (как в случае эквивалентного обмена, так и в случаях обмена неэквивалентного) стоимость купленную и стоимость реализованную. Так как приращение стоимости не возникает ни в эквивалентном обмене, ни в обмене неэквивалентном, то его надо искать в особом товаре, который, будучи приобретен по стоимости и продан по стоимости, приносил бы тому, кто его потребляет, дополнительную стоимость. Таким товаром является рабочая сила, обладающая удивительным свойством: она производит бóльшую стоимость, чем ее собственная стоимость. Этим свойством рабочей силы и пользуется капиталист, покупая ее на рынке. Купив рабочую силу, капиталист эксплуатирует ее на производстве. Одну часть произведенной рабочим стоимости капиталист отдает рабочему как возмещение затраченной последним силы, другую часть он безвозмездно присваивает себе в виде **прибавочной стоимости**, представляющей собой неоплаченный труд рабочего. Прибавочная стоимость и является источником самовозрастающего капитала. Следовательно, категория капитала нужна была Марксу для того, чтобы, опираясь на нее, открыть прибавочную стоимость. Вывести последнюю непосредственно из денег было совершенно невозможно.

Мы не будем излагать других категорий капиталистического производства, которые разбирает в своем труде Маркс после прибавочной стоимости. Наша задача — не изложение экономического учения Маркса, а установление общих принципов в выведении последовательности категорий, которыми пользуется Маркс, а также принципов расчленения материала. Об указанной последовательности категорий Ф. Энгельс говорит следующее: «Для того чтобы знать, что́ такое прибавочная стоимость он (Маркс—*М. А.*) должен был знать, что́ такое стоимость... Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил, *какой* труд, почему и как образует стоимость, установил, что стоимость вообще есть не что иное, как кристаллизованный труд *этого* рода... Маркс исследовал затем отношение товара и денег и показал, как и поче-

---

[1] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. 3. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 106.

му — в силу присущего ему свойства стоимости — товар и товарный обмен должны порождать противоположность товара и денег... Он исследовал превращение денег в капитал и доказал, что оно основывается на купле и продаже рабочей силы. Поставив на место труда рабочую силу, свойство создавать стоимость, он разом разрешил одно из затруднений, о которое разбилась школа Рикардо: невозможность согласовать взаимный обмен капитала и труда с рикардовским законом определения стоимости труда. Установив разделение капитала на постоянный и переменный, он первый достиг того, что до деталей изобразил действительный ход процесса образования прибавочной стоимости... он установил различие в самом капитале, различие... которое дает ключ для решения самых запутанных экономических проблем... Далее, он исследовал самое прибавочную стоимость вскрыл обе ее формы: абсолютную и относительную прибавочную стоимость, и показал, какую различную, но в обоих случаях решающую роль играла она в историческом развитии капиталистического производства» [1].

Такова последовательность категорий в первой части I тома «Капитала» К. Маркса. Эта последовательность не случайна, она всецело обусловлена объективными отношениями буржуазного производства и — с логической стороны — сущностью воспроизводящего их процесса «восхождения». Ее, эту последовательность, нельзя произвольно менять, ставя, например, категорию капитала раньше категории денег или втискивая между деньгами и капиталом какую-то другую категорию. Мы не можем поэтому согласиться с авторами учебника «Политическая экономия» [2], когда они, избрав (судя по изложению) в качестве способа исследования метод «восхождения», нарушили затем марксову последовательность рассмотрения категорий, поставив за деньгами не категории капитала и прибавочной стоимости, но простую кооперацию, мануфактуру и машинную индустрию. Может быть, с точки зрения популярности изложения это и целесообразно, однако научный способ восхождения такой вольной перестановки категорий не допускает. Создается впечатление, что в этой части книги авторы «Политической экономии» руководствовались не логикой капитализма, но его историей.

«Товар — деньги — капитал» — данная последовательность рассмотрения категорий обусловлена фактической ролью, какую они играют в капиталистическом способе производства. Товар является самой всеобщей категорией капитализма, но вместе с тем и самой бедной, менее всего характеризующей специфику данного способа производства. Товар свидетельствует только о том, что при капитализме отношения людей регулируются посредством рынка. Деньги выражают уже более прочную

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. II. Госполитиздат, 1952, стр. 14—15.
[2] См. Политическая экономия АН СССР. Госполитиздат, 1954.

и более глубокую связь людей, раскрывая все помехи и трудности, возникающие в этой связи (отделение купли от продажи, возможность кризисов и т. п.). В деньгах природа буржуазного производства обнаруживается полнее. В категории же капитала полностью раскрывается сущность буржуазного производства как такого производства, постоянной целью, исходным пунктом и результатом которого является увеличение стоимости за счет присвоения неоплаченного труда рабочего. Капитал — менее общая категория производства, основанного на эксплуатации рабочего класса, но зато и более существенная, в ней выявляется специфика, неповторимое своеобразие капитализма. Восходя теоретически от товара к деньгам и от денег к капиталу, мы таким образом раскрываем в капитализме все более тесную и более внутреннюю, органическую зависимость составляющих его структуру моментов, выявляем все более прочную связь товаропроизводителей. «Обмен товаров, — говорит В. И. Ленин, — выражает связь между отдельными производителями при посредстве рынка. *Деньги* означают, что эта связь становится все теснее, неразрывно соединяя всю хозяйственную жизнь отдельных производителей в одно целое. *Капитал* означает дальнейшее развитие этой связи: товаром становится рабочая сила человека»[1]. Следовательно, порядок рассмотрения категорий — «товар — деньги — капитал» обусловлен различной ролью этих категорий в системе буржуазного производства. Он не может быть заменен никаким другим порядком, тем более обратным. Если бы мы начали исследование с капитала и затем перешли к деньгам и товару, то это, во-первых, противоречило бы действительной роли этих категорий в буржуазном обществе, во-вторых, не привело бы к восхождению от абстрактного к конкретному. На этом пути мы не сумели бы понять ни первую категорию (капитал), ни последнюю категорию (товар). Впрочем, о невозможности понимания категорий, если они берутся в порядке, обратном их действительному расположению, говорит и сам Маркс. «Легко понять норму прибыли, если известны законы прибавочной стоимости. В обратном порядке невозможно понять... [ни того, ни другого]»[2].

Правильная последовательность экономических категорий играет в построении «Капитала» и «К критике политической экономии» Маркса первенствующую роль. Она делает ясными все сложнейшие и запутаннейшие отношения буржуазного общества, позволяет Марксу легко решать самые трудные проблемы разрабатываемой им науки. Это со всей силой подчеркнул в одном из своих писем Ф. Энгельс: «Самые замысловатые экономические проблемы выясняются просто и почти наглядно благодаря только тому, что они ставятся на надлежащее место и в

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 6.
[2] К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 222.

правильную связь»[1]. Такое огромное значение имеет последовательность категорий в исследовании экономической системы способом восхождения от абстрактного к конкретному.

Между прочим, в процессе выведения категорий обнаруживается еще одно значение выделения «клеточки» восхождения. Оно состоит в том, что «клеточка» при выведении выступает связующим звеном всех категорий целого. «Клеточка» связывает эти категории в одно целое, цементирует их. Поэтому ее функция с переходом в другую категорию не прекращается, а продолжает существовать при выведении других категорий. Так, у Маркса, как мы уже видели, категория товара (и двойственного труда) участвует в выведении категорий денег, капитала, в выведении категории рабочей силы, прибавочной стоимости. заработной платы и др. Анализируя деньги, Маркс указывает, что они — тот же товар, и как таковой, содержат в себе потребительную и меновую стоимость (потребительная стоимость денег состоит в том, что они всеобщий эквивалент). Анализируя рабочую силу, Маркс также указывает, что она как товар имеет эти два вида стоимости. Потребительная стоимость рабочей силы используется при созидании новой стоимости, меновая стоимость— при покупке ее (рабочей силы) капиталистом.

Итак, при генетическом выведении категорий в процессе восхождения от абстрактного к конкретному главным, определяющим принципом является движение от простого к сложному, от менее глубокой связи к связи более глубокой, от сущности первого порядка к сущности высших порядков и т. п. Этот принцип обусловлен диалектической природой процесса познания, а в последнем счете самой действительностью, также развивающейся от простого к сложному, от низшего к высшему.

При изучении последовательности категорий в процессе восхождения встает вопрос, а не является ли эта последовательность копией, отображением того порядка вещей, который существует в действительном процессе возникновения исследуемого предмета. Этот вопрос ставится самой практикой исследования. Все, кто занимается проблемой восхождения, неизбежно сталкиваются с ним и так или иначе решают его.

Отражение в последовательности категорий последовательности отношений вещей кажется само собою разумеющимся фактом. Ведь мышление зависит от бытия, обусловлено им, не имеет никакой автономности: ни абсолютной, ни относительной. А раз это так, то не может быть, чтобы последовательность отношений вещей была одной, а последовательность отражающих их категорий — другой. Это, как представляется, противоречило бы основному принципу материализма о зависимости мышления от материи, сознания от бытия. Однако уже одно то обстоятель-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале». Госполитиздат, 1952, стр. 121.

ство, что процесс восхождения не всегда используется для воспроизведения реальной истории предмета, говорит о том, что соответствие мышления бытию не следует понимать так упрощенно и прямолинейно. Дело в том, что способ восхождения может применяться и для воспроизведения уже сложившейся структуры предмета, элементы которой относятся друг к другу не как предшествующие и последующие во времени явления, а как явления сосуществующие. В целом именно так и применяет его Маркс в «Капитале» и в «К критике политической экономии». Непосредственная задача Маркса в этих произведениях — дать не историю, но теорию капитализма. Поэтому хотя и кажется, будто Маркс начинает с товара (переходя затем к деньгам и капиталу) потому, что исторически товар был раньше, чем деньги, а деньги раньше, чем капитал, тем не менее этот взгляд является ошибочным. В действительности Маркс исследует капитализм в том его состоянии, как он сложился к середине XIX в. А в таком, уже развитом капитализме, товар не существует раньше денег, а деньги раньше капитала, он дан вместе с ними. Не случайно Маркс говорит о том, что процесс восхождения от абстрактного к конкретному не есть процесс становления самого этого конкретного, как оно (становление) действительно происходит во времени, а лишь процесс его духовного воспроизведения в мысли[1]. Ссылка на то, что в истории товар существовал раньше денег, а деньги раньше капитала ни о чем не говорит, поскольку, соответственно предмету исследования Маркса, надо брать не историю товарного хозяйства, где товар действительно предшествует капиталу, а развитие самого капитализма, в котором товар, деньги и капитал всегда существуют вместе.

Конечно, более простая категория может существовать раньше более сложной (например, деньги раньше капитала). В этом случае совершенно правомерно утверждать, что она выражает собой господствующие отношения менее развитого целого (т. е. простого товарного хозяйства) или подчиненные отношения более развитого целого (хозяйства товарно-капиталистического). И именно потому, что простая категория выражает отношения (господствующие) менее развитого целого и отношения (подчиненные) более развитого целого, движение от первой из них ко второй, т. е. от денег к капиталу, соответствует действительному историческому процессу, а законы «восхождения» соответствуют законам действительного развития предмета. Но только в этих пределах, не больше. Ведь не всякая более простая категория сложившейся системы обязательно должна и исторически существовать раньше более конкретной категории этой системы. Это имеет место только в том случае, когда исследуемой системой является сама история ее, этапы ее развития. Однако и в

[1] См. К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1952, стр. 214.

том случае, когда простая категория исторически существует раньше более конкретной, она не в состоянии получить в неразвитом целом своего полного интенсивного и экстенсивного развития. Полное раскрытие она получает лишь в развитом целом. Так, абстрактный труд или функции денег могли полностью развернуться только в условиях капиталистического производства, в античном обществе они были не развиты. Что же касается более конкретной категории, то она может (подчеркиваем, может, но не обязательно должна) быть вполне развитой и в менее зрелой формации. Например, в Перу, как отмечает Маркс, не было никаких денег, но кооперация и разделение труда развились в значительной степени. Имея в виду различные положения, которые одни и те же категории занимают на разных ступенях общественного развития, К. Маркс формулирует закон последовательности категорий при исследовании явлений способом восхождения от абстрактного к конкретному. «...недопустимым и ошибочным было бы брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствующим последовательности исторического развития»[1]. Примером такой категории, находящейся в прямо противоположном отношении к историческому развитию, является категория земельной ренты. Земельная рента исторически существовала раньше капитала, но в системе буржуазного общества она должна рассматриваться после капитала.

Однако не означает ли сказанное отрыв мышления от бытия, попытку сделать процесс восхождения автономным процессом, независимым от самого исследуемого предмета, как это считают некоторые философы. Совсем нет, никакого отрыва мышления от бытия не будет, ибо и в этом случае признается полная обусловленность процесса восхождения законами объективно исследуемой системы.

Мы уже говорили, что «восхождение» имеет своей целью мысленно воспроизвести предмет во всей полноте объективных диалектических связей, — так, как он существует сам по себе, независимо от ученого. Если в объективной действительности товар, деньги, капитал обусловлены таким образом, что существование товара является предпосылкой существования денег, а существование денег предпосылкой существования капитала, иначе говоря, если капитал не существует без денег, а деньги без товара, то и в воспроизведении их способом восхождения нельзя капитал рассматривать без денег, а деньги без товара. Но

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1952, стр. 221.

спрашивается, при чем тут последовательность категорий? Одно дело принцип расчленения материала, другое — порядок расположения категорий. Разве можно смешивать первое со вторым? В том-то и дело, что это одно и то же. Расчленяя предмет, мы выделяем категории, сначала одну, затем другую, третью и т. д., мы располагаем их в каком-то порядке. Этот порядок расположения категорий и есть их последовательность. Когда К. Маркс пишет: «Расчленение предмета, очевидно, должно быть таково: 1) Всеобщие абстрактные определения, которые именно поэтому более или менее относятся ко всем общественным формам, однако в выше разъясненном смысле. 2) Категории, которые образуют внутреннюю структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношения друг к другу»[1], — когда К. Маркс пишет это, он устанавливает не что иное, как последовательность категорий. При этом данное расчленение, или данная последовательность (что одно и то же) у Маркса совершенно не случайна, она обусловлена не спецификой познающего мышления и не особой «направленностью интереса» исследователя, а той объективной ролью, какую играют в предмете различные его категории. В этом — необходимый, закономерный характер применяемой в процессе восхождения последовательности категорий.

Таким образом, хотя в логической, осуществляемой способом восхождения, последовательности категорий не всегда отражается временная последовательность соответствующих им объективных, взятых по содержанию, отношений, тем не менее в ней отражается нечто другое — роль, место каждого из этих отношений в общей объективной системе целого, или, как говорит Маркс, их «удельный вес». А этого для подтверждения зависимости порядка категорий от порядка вещей вполне достаточно.

Однако и на этом решение вопроса еще не заканчивается. Тут есть еще одна сторона, на которой надо остановиться.

Рассматривая вопрос, отражается ли в последовательности категорий последовательность развития выражающихся в них объективных отношений вещей, мы дали на него отрицательный ответ. При этом основным аргументом служило то, что данные объективные отношения могут и не соотноситься друг с другом как предшествующее и последующее во времени явления. Например, товар в буржуазном обществе не есть что-то предшествующее во времени деньгам или капиталу. Теперь в этот отрицательный ответ мы должны внести одно уточнение.

Дело в том, что процесс восхождения от абстрактного к конкретному включает в себя две стороны: он есть и конкретное содержание и общая форма (подобно тому как каждая исследу-

---

[1] К. Маркс К критике политической экономии. Госполитиздат, 1952, стр. 222.

емая система есть и содержание и форма). Так, содержанием примененного в «Капитале» «восхождения» являются экономические категории товара, денег, капитала, прибавочной стоимости, рабочей силы, заработной платы, земельной ренты и т. д. Содержание процесса «восхождения» может отражать (именно в данных его конкретных категориях) как развитие предмета — если задачей восхождения является воспроизведение истории его — так и состояние ставшего предмета. Примером этого второго случая служит «Капитал» Маркса. Но только в первом случае конкретные *содержательные* категории будут отражать развитие предмета (также взятого в его конкретности). Следовательно, в плане содержания нет необходимости в том, чтобы категории восхождения отображали конкретную историю развития исследуемого предмета.

В отличие от содержания, формой «восхождения» является само движение мысли от абстрактной категории к конкретной, от простой к сложной, от низшей к высшей, независимо от того, какое содержание они в себе заключают. В этой форме находит свое выражение самый процесс развития знания, углубление его от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д. Форма «восхождения» при любом ее наполнении содержанием всегда выражает это развитие знания. Но развитие знания есть что-то имманентно присущее самому знанию, оно обусловлено в последнем счете действительностью. Подобно тому как от низшего к высшему развивается действительность, так развивается и зависящее от нее знание. Общие законы развития того и другого совершенно одинаковы. Поэтому можно сказать: форма «восхождения», в которой выражается развитие знания, всегда отражает собой факт развития вещей, движение их от простого к сложному. Развитие вещей — это аналог, прообраз развития формы «восхождения». В этом одно из отличий самой формы «восхождения» от содержания «восхождения».

Итак, сформулируем общее правило. Несмотря на то, что в своем конкретном содержании процесс восхождения не всегда воспроизводит ступени развития предметов, их историю, тем не менее в своей общей форме он постоянно воспроизводит это развитие, развитие, так сказать, в обобщенном виде. Иначе говоря, последовательность категорий восхождения не всегда совпадает с реальной последовательностью в ее содержательном виде, но всегда совпадает с ней в ее обобщенном, формальном виде, а это главное.

Весьма существенной, если не самой существенной, чертой последовательности категорий в процессе восхождения является развитие противоречий от низшего их типа к высшему с переходом от одной категории к другой. Последовательное расположение категорий должно быть таким, чтобы оно выражало собой рост и развитие присущих предмету противоречий. Но об этом мы специально будем говорить при рассмотрении логических

приемов способа восхождения. А сейчас выясним общий итог, т. е. результат процесса восхождения.

Следует иметь в виду, что общий результат, итог восхождения и его конечный пункт — совсем не одно и то же, как не одно и то же его «начало», исходный пункт и осуществление по этапам. Конечный пункт восхождения — это в последовательном расположении категорий самая последняя и самая конкретная категория. Ею заканчивается процесс движения мысли от абстрактного к конкретному, она завершает процесс исследования (изложения) системы предмета. Что касается «Капитала», то, к сожалению, Маркс не завершил своего гениального произведения, поэтому невозможно говорить о том, какой последней категорией заканчивается примененный им в «Капитале» способ восхождения. Можно предполагать, что такой последней категорией должна была быть категория классов. На это имеется прямое указание в третьей книге, один из параграфов которой так и называется. Однако это лишь наиболее вероятное предположение. Возможно, что Маркс собирался закончить третий том какой-то другой категорией, а не «классами».

В отличие от конечного пункта общим результатом процесса восхождения будет, конечно, не первая, и даже не последняя, а все категории вместе взятые, выражающие систему исследуемого целого. Общий результат, итог восхождения — это целостная теория, наука об исследуемом объекте. Как такая теория, или наука, и выступает перед нами все содержание «Капитала» Маркса. Общий итог, результат осуществленного в «Капитале» восхождения дан во всех трех книгах, где разбирается процесс производства капитала (первая книга), процесс обращения капитала (вторая книга) и процесс производства и обращения в целом (третья книга). Было бы поэтому ошибкой, если бы мы сказали, что общим результатом примененного в «Капитале» восхождения является закон прибавочной стоимости или просто закон движения буржуазного общества. Закон движения и развития буржуазного общества — это не общий результат процесса восхождения, а это конечная цель, на что прямо указывает и сам К. Маркс в предисловии к своему труду[1]. Тем более нельзя считать общим результатом, итогом «Капитала», теорию обращения капитала или теорию кризисов и т. п.

Само собою разумеется, что в общий результат восхождения помимо отмеченного входят и различные, вызванные задачами исследования, иллюстрации и ссылки на исторические факты, и самое доказательство (и доказательность) выведения категорий друг из друга, ибо все это составляет истину. Вопреки ходячему мнению, истина в процессе восхождения и, вообще, в любом процессе познания — это не голый результат, но результат вместе с тем путем, который к нему ведет. Истинным дол-

[1] См. К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 8.

жен быть самый путь открытия истины. Именно поэтому должны быть отвергнуты как необоснованные следующие возражения, делаемые иногда в адрес тех, кто применяет способ восхождения. Зачем-де начинать исследование с явления, раз оно не всегда соответствует сущности? Не лучше ли сразу приступить к анализу сущности? Но Маркс уже дал ответ на подобные возражения. Разбирая закон стоимости, он говорил: «Задача науки состоит именно в том, чтобы объяснить, *как* проявляется закон стоимости; следовательно, если бы захотели сразу «объяснить» все кажущиеся противоречащими закону явления, то пришлось бы дать науку *раньше* науки» [1].

Понятое таким образом (т. е. как единство истины с теми средствами, которые к ней приводят) восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой не только способ, метод, но и развитие этого метода в систему категорий. Восхождение есть единство способа и системы. Поэтому, когда мы говорим о восхождении, то имеем в виду и самый процесс движения от абстрактного к конкретному и образующуюся в результате этого движения систему категорий.

3. Логические приемы [2], применяемые в процессе восхождения

Картина процесса восхождения была бы неполной, если бы мы не остановились, хотя бы коротко, на тех логических и вместе с тем диалектических приемах исследования, которые применяются в процессе восхождения от абстрактного к конкретному. Логические приемы вообще имеют огромное значение при отражении мышлением объективной действительности. Тем большее значение приобретают они в процессе восхождения, задача которого особенно сложна.

А существуют ли вообще такие приемы? Не являются ли они общими приемами для любого мышления, как диалектического, так и недиалектического? И не осуществляется ли процесс восхождения с помощью тех же самых обычных приемов индукции и дедукции, абстрагирования и обобщения, анализа и синтеза и т. д., известных в формальной логике? Вопросы эти очень важные.

Бесспорно, что в процессе восхождения, поскольку оно осуществляется с помощью мышления, никак нельзя обойтись без обычных, изучаемых формальной логикой приемов и методов исследования. Ученый, восходя от абстрактного к конкретному, пользуется и дефиницией, и разделением, и обобщением, и ограничением, и индукцией (движением к общему), и дедукцией (движением к частному) и т. д. Мы не можем согласиться с тем

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. письма, Госполитиздат, 1952, стр. 209.

[2] Термин «прием» мы употребляем в широком смысле, включая в него различные формы, законы, категории и другие средства исследования.

мнением, будто диалектически мыслящий исследователь совершенно не нуждается в открытых и открываемых формальной логикой средствах и методах мышления. Диалектик, исследующий предмет диалектически, никак не может обойтись без этих формально-логических приемов.

Однако, хотя формально-логические приемы мышления необходимы для диалектика и без них он не может сделать ни одного шага, тем не менее не они характерны для него и не они составляют специфику диалектического мышления, а, следовательно, и конкретной формы его проявления—восхождения от абстрактного к конкретному. Специфику диалектического мышления, восхождения от абстрактного к конкретному составляют другие приемы, такие, как прием исследования противоречий, прием открытия закона по формам его проявления и т. п. Специфически диалектические приемы исследования вытекают из самого характера, сущности процесса восхождения. Ведь цель восхождения не обычная—воспроизведение сложной диалектически расчлененной системы. Поскольку это так, поскольку мышление в способе восхождения является диалектическим, постольку у него должны быть и диалектические приемы исследования. Невозможно представить, чтобы мышление воспроизводило диалектику предмета, а его приемы не выходили за пределы методов формальной логики, ставящей перед собой совсем другие задачи. Если бы это было так, мышление способом восхождения не было бы диалектическим. Специфика предмета исследования, диалектические закономерности его порождают и специфичность приемов исследования.

На диалектические приемы исследования указывает К. Маркс. В послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» он прямо говорит о «приемах применения метода», имея в виду не что иное, как диалектический метод, в том числе, конечно, и метод «восхождения». Это вполне понятно. Любой метод состоит или выражается в ряде обусловленных предметом исследования логических приемов и способов. Так, художественный метод социалистического реализма выражается в совокупности специфически присущих ему приемов и операций изображения реальной действительности в ее революционном развитии. То же самое математический метод, находящий в настоящее время широкое применение во многих областях знания, сравнительно-исторический метод в языкознании и т. д.

Рассмотрим некоторые логические приемы, применяемые в процессе восхождения от абстрактного к конкретному.

а) Прием исследования противоречий

Разумеется, речь идет о диалектических, жизненных противоречиях, а не противоречиях неправильного рассуждения, которыми занимается формальная, а не диалектическая логика

(что, однако, не значит, будто они, эти логические противоречия, допустимы в диалектическом мышлении). Эти жизненные противоречия составляют душу диалектики, служат источником движения и развития предметов.

Выше отмечено, что одной из отличительных черт (и, пожалуй, самой важной) «клеточки» восхождения, а также осуществляемого в нем выведения категорий, является наличие в ней противоречий и развития их с переходом от одной категории к другой. Теперь необходимо выяснить, каким путем устанавливаются и раскрываются в исследуемом предмете эти диалектические противоречия, иначе говоря, в чем состоит прием исследования противоречий.

Противоречием (в отличие от логической антиномии) называется единство в одном и том же предмете двух противоположных, взаимно предполагающих и также взаимно отрицающих друг друга сторон, свойств или отношений. Две образующие противоречие стороны — это, как говорит Маркс, «соотносительные, взаимно друг друга обусловливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключающие или противоположные крайности»[1]. Внутреннее противоречие (а именно оно и имеется в виду при анализе процесса восхождения) существует в пределах одного и того же предмета. Если противоположности распределяются между разными предметами, то перед нами не внутреннее противоречие, а внешнее. Лишь такие внешние противоречия и видят метафизики в природе. По справедливой характеристике Ф. Энгельса, метафизик вовсе не отрицает противоположных свойств, но считает, что «они распределены между различными вещами, так что не содержат внутри себя никакого противоречия»[2]. В отличие от метафизика диалектик всегда имеет дело с внутренними противоречиями, являющимися подлинным источником развития.

Из того обстоятельства, что диалектические противоречия являются внутренними, а не внешними, вытекает важное правило их нахождения. Чтобы установить эти противоречия, их надо искать не вне данного предмета, не между этим предметом и каким-то другим предметом, но внутри его самого. Так именно и поступает Маркс, вскрывая противоречие в товаре между потребительной и меновой стоимостью. Маркс берет товар, это простейшее отношение товаропроизводителей, и анализирует его. — «Уже самый факт, что это есть *отношение,* означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*»[3]. Выделив соотносящиеся стороны, Маркс показывает, что они образуют настоящее противоречие: потребительная стоимость представляет различие товаров, меновая — их общность.

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 55.

[2] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1955, стр. 113.

[3] К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1952, стр. 236.

После установления противоположных сторон начинается их раздельный анализ. Сначала анализируется одна противоположность, затем — другая, причем порядок рассмотрения отнюдь не безразличен. Маркс начинает с потребительной стоимости, ибо она образует естественную основу меновой стоимости, выступая вещественным носителем меновой стоимости[1]. Если бы Маркс начал рассматривать меновую стоимость, перейдя лишь потом к потребительной стоимости, то первая повисла бы в воздухе, лишилась бы своего вещественного носителя. Правильность начинать анализ с потребительной стоимости подтверждается всем ходом дальнейшего исследования. Как известно, вслед за меновой стоимостью Маркс рассматривает ее содержание — стоимость. Выяснив стоимость, он сумел открыть абстрактный труд, т. е. вскрыть двойственный характер осуществляемого в товарном производстве труда. Таким образом, меновая стоимость выступает ведущей противоположностью товара, она характеризует товар специфически, в отличие от потребительной стоимости, которая присуща вещам и не являющимся товарами. Учитывая это, и надо было сначала рассматривать потребительную стоимость (как общее), затем — меновую стоимость (как специфическое).

Выяснив противоречие товара, как оно выступает в своем проявлении, Маркс затем показывает, что скрывается за этим противоречием, какова его сущность, внутренняя основа. От анализа противоречий товара Маркс переходит к анализу противоречий труда. Оказывается, что подобно тому как товар заключает противоречие потребительной и меновой стоимости, так и создающий товары труд заключает противоречие. Труд в товарном обществе выступает одновременно и как абстрактный и как конкретный. «Всякий труд, — пишет Маркс, — есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова, — и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости»[2]. Установлением двойственности труда Маркс сделал открытие, равноценное по своему значению открытию закона прибавочной стоимости.

Но что делать после того, как установлено противоречие, проанализированы его противоположные стороны и вскрыта та основа, на которой оно возникает?

Поскольку способ восхождения есть способ исследования предмета, взятого в развитии, постольку и присущие этому предмету противоречия должны браться в развитии. Зафиксировав

---

[1] См. К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 42.
[2] Там же, стр. 53.

и проанализировав противоречие, надо показать, как оно развивается, т. е. разрешается. А разрешение противоречия — это не примирение составляющих его противоположных сторон, как считает Гегель, а снятие, развитие их. Когда противоречие разрешается, оно приобретает новую форму движения.

Товар развивается, вместе с развитием товара развиваются присущие ему противоречия между потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Развитие товара, указывает Маркс, не снимает этих противоречий, а создает форму для их движения. Недостаток товара, требующий его развития, состоит в том, что в нем потребительная и меновая стоимости слиты воедино, они не поляризовались. Это препятствует делу обмена, создает при обмене трудности. Трудности устраняются, когда товарный мир раздваивается на товар и деньги. «Процесс обмена, — говорит Маркс, — порождает раздвоение товара на товар и деньги — внешняя противоположность, в которой товары выражают имманентную им противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. В этой противоположности товары как потребительная стоимость противостоят деньгам как меновой стоимости»[1]. С появлением денег стоимость обособляется от потребительной стоимости, воплощаясь в одном отдельном товаре (золоте, серебре). Тем самым значительно облегчается процесс обмена, ибо, чтобы продать товар, нет надобности искать другой товар, в потребительной стоимости которого нуждается продавец. Деньги, следовательно, устраняют трудности, разрешают противоречия непосредственного товарообмена. Но они одновременно порождают новые противоречия, причем более сильные, чем прежние. Отдельное существование денег, наряду с товарами, приводит к тому, что обмен начинает зависеть от случайных обстоятельств, которым подвержен новый товар,— деньги. Это, во-первых. Во-вторых, наличие денег разбивает акт обмена на две независимые фазы: куплю и продажу, которые могут отделяться одна от другой как во времени, так и в пространстве. В-третьих, в условиях наличия денег происходит отделение обмена ради обмена от обмена ради потребительных стоимостей, что приводит к появлению посредников-купцов, которые никакого участия в производстве товаров не принимают. Наконец, возникает противоречие в самих деньгах, ибо они есть одновременно и всеобщий товар (как эквивалент всех других товаров) и особенный товар (поскольку обладают особым существованием наряду с остальными товарами).

Итак, противоречия денежного обмена (Т—Д) по сравнению с обменом товарным (Т—Т) состоят в следующем. Деньги выполняют свои задачи средства обмена тем, что отрицают их, ибо разбивают обмен на куплю и продажу. Они всецело зависят от товаров, возникая из них, обслуживая их, но вместе с

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 111.

тем приобретают по отношению к товарам самостоятельное бытие. Деньги из средства обмена превращаются в цель обмена, они реализуют меновую стоимость товаров, отрывая ее от самих товаров. Облегчая обмен, деньги, с другой стороны, затрудняют его (поскольку отделяют фазы обмена друг от друга).

Характерной особенностью исследования противоречий способом восхождения является то, что противоречия здесь берутся не статически, а динамически, в развитии. Мы видим это на примере анализа Марксом противоречий товара и денег.

Но особенно наглядно развитие противоречий видно на примере анализа Марксом форм стоимости: случайной, развернутой и всеобщей, с помощью которых выводятся деньги. Когда один товар обменивается на другой, то роль этих товаров совсем не одинакова. Тот товар, который обменивается, принимает на себя роль относительной формы стоимости, а товар, на который обменивается первый, — роль эквивалентной формы. Товар в относительной форме представляет собой потребительную стоимость, товар в эквивалентной форме — стоимость меновую. Таким образом, натуральная форма одного товара (эквивалента) становится формой стоимости другого товара, выступает, так сказать, его зеркалом. Маркс говорит: «Скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости выражается, таким образом, через внешнюю противоположность, т. е. через отношение двух товаров, в котором один товар — тот, стоимость *которого* выражается, — непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар — тот, в *котором* стоимость выражается, — непосредственно играет роль *лишь* меновой стоимости»[1]. В целом противоречие между относительной и эквивалентной формами стоимости состоит в том, что здесь, во-первых, потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости, во-вторых, конкретный труд выступает в форме проявления абстрактного труда, и, в-третьих, частный труд становится носителем труда общественного. В простой форме стоимости, когда один товар обменивается на другой, противоположность относительной и эквивалентной форм стоимости еще не велика, она только зарождается. На данной ступени противоположность носит случайный характер. «Простая форма стоимости товара есть простая форма проявления заключающейся в нем противоположности потребительной стоимости и стоимости»[2]. В развернутой форме эта противоположность потребительной стоимости и стоимости раскрывается полнее: один товар выступает на стороне первой из них, все остальные товары — на стороне второй. Во всеобщей форме она достигает своего предела, ибо здесь обнаруживается распаде-

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 68.
[2] Там же, стр. 68.

ние товарного мира на товар и деньги (всеобщий эквивалент — это и есть, в сущности, деньги). К. Маркс пишет: «В той самой степени, в какой развивается форма стоимости вообще, развивается и противоположность между ее обоими полюсами — относительной формой стоимости и эквивалентной формой»[1]. Таким образом, деньги вырастают из противоречий товарного обмена, в котором товары, с одной стороны, должны реализоваться как стоимости, прежде чем они получат возможность реализоваться как потребительные стоимости, с другой, они не могут реализоваться как стоимости, не доказав прежде, что являются носителями потребительной стоимости. Появление денег одновременно и разрешает это противоречие и порождает его снова. Деньги, по словам Маркса, — это «абстрактная и всеобщая форма всех противоположностей, заключенных в буржуазном труде»[2]. Помимо уже отмеченных противоречий, противоречивость денег состоит в том, что они раздваивают самое потребительную стоимость. Деньги наряду с особенной потребительной стоимостью (золото и серебро могут быть использованы как предметы украшения) имеют еще и формальную потребительную стоимость, выступая в качестве средства обмена. В деньгах противоречие не только усиливается, но и усложняется. Это особенно рельефно проявляется в факте распадения товарного мира на товар и деньги. Товар и деньги вместе образуют единство потребительной и меновой стоимости (товар выступает на стороне первой, деньги — на стороне второй). Но и каждый из этих двух полюсов есть единство потребительной и меновой стоимости. Товар есть единство потребительной и меновой стоимости, деньги также есть единство потребительной и меновой стоимости. Правда, в обоих случаях это единство неодинаково. Товар реально есть потребительная стоимость, идеально — стоимость; деньги, наоборот, реально есть стоимость, идеально — потребительная стоимость. Резюмируя противоречия денег, Маркс пишет: «Имманентная товару противоположность потребительной стоимости и стоимости, противоположность частного труда, который в то же время должен выразить себя в качестве труда непосредственно общественного, противоположность особенного и конкретного труда, который в то же время имеет значение лишь труда абстрактно всеобщего, противоположность персонификации вещей и овеществления лиц (товарный и денежный фетишизм — *М. А.*) — это имманентное противоречие получает в противоположностях товарной метаморфозы развитые формы своего движения»[3]. Противоречия денег охватывают и все их функции: средство обмена, средство сокровищ, средство платежа и др. Как средство обмена деньги противоречивы в том, что,

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 74.

[2] К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1952, стр. 89.

[3] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 120.

появившись на свет для облегчения торговли, они, разбивая ее на куплю и продажу, начинают тормозить ее. В деньгах как в сокровище противоречие состоит в качественной безграничности накопления и количественной ограниченности этого накопления в каждый данный момент. При исполнении функции платежа противоречие выступает между покупателем и продавцом, должником и кредитором. Существует противоречие и между самими отдельными функциями денег, например, между функцией сокровищ и функцией платежа. «В то время как собирание сокровищ, как самостоятельная форма обогащения, исчезает вместе с развитием буржуазного общества, оно, наоборот, растет вместе с последним в форме накопления резервного фонда средств платежа»[1].

Таковы противоречия денег, возникающие из противоречий товара и усиливающие их.

Особенно растут, усиливаются противоречия, когда деньги превращаются в капитал. Эти противоречия проявляются сначала в обращении капитала, затем в производстве его и состоят они в следующем. Согласно закону стоимости, обмен должен быть эквивалентным и протекать по схеме Д—Т—Д. Но если это так, тогда обращение становится бессмысленным, а, следовательно, практически невозможным. Никто ведь не меняет деньги на товар, чтобы, продав его, опять получить те же деньги, т. е. деньги в том же самом количестве. Очевидно, обмен денег на товар и затем товара на деньги преследует другую цель — приобрести бóльшую стоимость (Д'), капитал, что на самом деле и происходит. В действительности первые деньги (Д) и последние деньги (Д') количественно не совпадают. В этом смысл обмена денег на деньги. Но это противоречит закону стоимости, ибо свидетельствует о неэквивалентном обмене. Возникает, таким образом, противоречие, причем последнее существует не только в голове исследователя, оно дано в самой действительности. Анализ данного противоречия приводит к двойственному результату. С одной стороны, капитал (т. е. возрастающая стоимость — Д') возникает в обращении, ибо только здесь видна разница между Д' и Д. С другой стороны, он возникает вне обращения, поскольку последнее должно осуществляться согласно эквивалентному обмену. Иначе говоря, капитал не может возникнуть из обращения, но столь же не может он возникнуть и вне обращения. Разрешение загадки Маркс находит в рабочей силе, этом особом товаре, обладающем оригинальным свойством — быть источником стоимости. Так как рабочая сила есть товар (ибо она продается), то подобно другим товарам ей присуща как потребительная, так и меновая стоимость, а также противоречие между потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Противоречие это спе-

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 149.

цифично, поскольку специфичны сами потребительная и меновая стоимости в рабочей силе, а также те условия, в которых они возникают и реализуются. Специфическими являются и отношения обмена. С появлением товара рабочей силы отношение «продавец — покупатель» превращается в отношение «рабочий — капиталист». Далее, противоречие, двойственность товара рабочей силы порождает противоречие в использовании ее, т. е. уже в самом процессе капиталистического производства. Процесс этого производства есть одновременно и процесс созидания потребительных стоимостей и процесс созидания стоимости. Это противоречие, в свою очередь, вызывает новое противоречие, о котором Маркс говорит так: «Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, производственный процесс есть процесс производства товаров; как единство процесса труда и процесса возрастания стоимости, он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма товарного производства»[1]. Другими словами, буржуазное производство является одновременно и товарным и капиталистическим. Далее, в процессе капиталистического производства капитал раздваивается на противоположности: постоянный капитал и переменный капитал. Первый не изменяет своей стоимости в процессе производства, второй (переменный), напротив, изменяет свою стоимость (рабочая сила создает большую стоимость, чем стоимость ее самой). В конечном счете это противоречие капитала обусловлено все той же двойственностью труда. Специфически полезный качественный характер труда превращает одну потребительную стоимость в другую потребительную стоимость и тем самым сохраняет стоимость. А образующий стоимость абстрактно всеобщий труд присоединяет стоимость к уже имеющейся стоимости. Противоречие капиталистического процесса производства сказывается на рабочем дне, раздваивая его на две противоположные части: необходимое рабочее время и прибавочное рабочее время. Это ведет к раздвоению продукта труда на необходимый продукт и прибавочный продукт и т. д.

Мы не будем разбирать дальнейшие противоречия, вытекающие из антагонистического капиталистического производства, а лишь укажем на них. Так, противоречие между необходимым и прибавочным рабочим временем порождает два противоположных способа производства прибавочной стоимости: 1) способ удлинения рабочего дня — абсолютная прибавочная стоимость и 2) способ сокращения необходимого времени — относительная прибавочная стоимость. Отношение между первой и второй есть отношение противоречия. О нем Маркс говорит следующее: «Относительная прибавочная стоимость абсолютна, потому что она предполагает абсолютное удлинение рабочего дня за пределы рабочего времени, необходимого для существования само-

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 203—204.

го рабочего. Абсолютная прибавочная стоимость относительна, так как она предполагает развитие производительности труда, позволяющее ограничить необходимое рабочее время частью рабочего дня»[1].

Противоречие относительной и абсолютной прибавочной стоимости вызывает противоречие в накоплении капитала, которое приводит, с одной стороны, к росту богатства, с другой — к росту нищеты, приводит, далее, к тому, что в силу одних и тех же причин масса прибыли возрастает, а ее отношение ко всему авансированному капиталу, т. е. норма прибыли, понижается. Все исследование «Капитала» Маркса, все его три тома направлены на раскрытие присущих буржуазному производству противоречий. В первом томе анализируются противоречия процесса производства, во втором — противоречия процесса обращения, в третьем — противоречия того и другого процессов вместе. Исследование Маркса, осуществленное способом восхождения, — это раскрытие внутренних противоречий, движущих капиталистическим способом производства.

Итак, изучая систему буржуазного производства способом восхождения от абстрактного к конкретному, Маркс не только констатирует в нем внутренние противоречия, но и анализирует их. Он не только вскрывает сущность противоречий, но показывает различные формы, в которых последняя проявляется. Маркс изучает результаты, к которым приводят противоречия, развитие последних от одной, низшей ступени к другой, высшей, он берет противоречия в движении. И это не случайно: противоречие — источник движения, причина гибели старого и появления нового. «...развитие противоречий известной исторической формы производства, — говорит Маркс, — есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой»[2].

Закон исследования противоречий требует от ученого конкретного подхода к изучаемому предмету. Он не совместим ни с каким шаблоном или штампом. Каждое конкретное противоречие имеет свою специфику, отличающую его от всякого другого. Эта специфика касается как характера противоположных сторон, так и их взаимоотношения. Ученый должен учитывать эту специфику, считаться с ней, в противном случае исследуемые им противоречия будут похожи друг на друга. У Маркса противоречия товара отличаются от противоречия труда, те и другие противоречия — от противоречий формы стоимости, а эти последние — от противоречий денег. Противоречия денег отличаются от противоречий капитала, противоречий рабочего дня, противоречий прибавочной стоимости и т. д.; отличаются они, прежде всего, степенью развития, а также характером перехода одного противоречия в другое. Противоречия товара пе-

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 514.
[2] Там же, стр. 493.

реходят, развиваются в противоречия денег не так, как переходят, развиваются противоречия денег в противоречия капитала. Если в первом случае имеет место имманентный переход, то во втором он имманентно не совершается, а требует для себя некоторых дополнительных обстоятельств (лишения производителя средств производства при одновременном сохранении личной его свободы).

Исследуя противоречия способом восхождения, надо иметь в виду, что они развиваются по тому же самому общему закону отрицания отрицания, по которому развиваются все вещи, свойства и отношения объективного мира. Это особенно хорошо видно на примере «Капитала» Маркса. Противоречия абстрактного и конкретного труда отрицаются присущим товару противоречием между потребительной и меновой стоимостью. Противоречие товара отрицается противоречием денег, противоречие денег — противоречием капитала, противоречие капитала — противоречием процесса производства рабочей силы, рабочего дня, продукта труда, прибавочной стоимости и т. д. Разумеется, отрицают не в формально-логическом смысле (как отрицание в отношении утверждения), а в смысле диалектическом, т. е. с сохранением всего того положительного, что есть в отрицаемом. Деньги отрицают товар (простой товарообмен) в том смысле, что несовместимы с его существованием. Если есть простой товарообмен, то еще нет денег, а если есть деньги, то уже нет простого товарообмена. Но те же деньги предполагают простой обмен, противоречия денег предполагают противоречия товара. Деньги вырастают из товарообмена, появляются из них. Они есть тот же самый товар, только в особой его функции всеобщего средства обмена. Им присуща та же двойственность, что и товарам — наличие потребительной и меновой стоимости. Свойственная товарам противоположность потребительной и меновой стоимости с появлением денег, с развитием товара в деньги не уничтожается, а, наоборот, сохраняется. В этом состоит диалектическое отрицание. Отрицая товар, деньги, в свою очередь, сами подвергаются отрицанию капиталом, причем сущность и характер отрицания те же самые. Правда, капитал, т. е. отношение между рабочим и капиталистом, не есть обычное денежное отношение продавца и покупателя, ибо оно основано на эксплуатации одного другим. Если в обычной продаже товаров агенты обмена, продавец и покупатель, совершив сделку, расходятся и тем прерывают связь между собой, то в продаже рабочей силы, именно потому, что здесь продается сама эта сила, связь продавца и покупателя после сделки не прерывается, а, напротив, только начинается. Покупатель (капиталист) потребляет купленную им рабочую силу в процессе всего периода ее эксплуатации. И все же, несмотря на эту разницу, отношения между рабочим и капиталистом есть в своей основе денежные отношения. Всеобщим средством обмена в этом отношении вы-

ступают деньги. Та форма, в которой реализуется произведенный в результате использования рабочей силы товар, есть денежная форма. Следовательно, капитал, отрицая деньги, вместе с тем сохраняет их. А так как деньги, со своей стороны, есть отрицание товара, то капитал в отношении этого последнего есть отрицание отрицания.

Закон отрицания отрицания действует не только в переходе (способом восхождения) от одной категории к другой, но и в пределах каждой категории, взятой в отдельности. Так, в категории товар потребительная стоимость есть тезис, ее противоположность, которой она отрицается, т. е. меновая стоимость, — антитезис, а синтез той и другой, в котором сохраняются все их положительные качества (т. е. единство потребительной и меновой стоимости), будет отрицанием отрицания.

б) Открытие закона и изучение формы его проявления

Изучение закономерностей исследуемого предмета вообще имеет важное значение. Однако наша задача состоит в том, чтобы показать, какую роль играет исследование закономерностей в процессе восхождения от абстрактного к конкретному и в чем состоит специфика этого исследования.

В «Капитале» Маркса законы устанавливаются, можно сказать, на каждом шагу. Возьмем ту же первую книгу. Выясняя вопрос о том, чем определяется стоимость товаров, Маркс устанавливает закон, который можно сформулировать следующим образом: «Величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для его изготовления». Определяя зависимость стоимости товара от производительности труда, Маркс формулирует следующий закон: «Величина стоимости товара изменяется, таким образом, прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда, находящего себе осуществление в этом товаре»[1].

При анализе относительной формы стоимости Марксом устанавливается такой закон: «Относительная стоимость товара может изменяться, несмотря на то, что стоимость его остается постоянной. Его относительная стоимость может оставаться постоянной, несмотря на то, что стоимость изменяется, и, наконец, одновременные изменения величины стоимости и относительного выражения этой величины стоимости отнюдь не всегда должны соответствовать друг другу»[2]. Это — законы, поддающиеся, так сказать, количественному измерению. Но есть и такие законы, которые, взятые как таковые, не допускают подобных количественных измерений, например, закон стоимости, закон прибавочной стоимости, закон обнищания рабочего класса и т. п. Все эти законы подробно исследуются Марксом в «Капитале».

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 47.
[2] Там же, стр. 61.

Что же такое закон?

Закон, говорит Маркс, есть внутренняя и необходимая связь между явлениями[1] есть сущность явлений, их, так сказать, всеобщая природа. Поскольку закон есть нечто внутреннее, скрытое в глубине, его выявление и исследование представляет большие трудности. Но именно в преодолении данных трудностей и состоит задача и необходимость науки. «...задача науки, — пишет Маркс, — заключается в том, чтобы видимое, выступающее на поверхности явлений движение свести к действительному внутреннему движению»[2]. И далее: «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня»[3].

Знание того, что закон и форма, в которой он проявляется, не одно и то же, очень важно для исследователя, особенно для исследователя, имеющего дело с областью, где (как это имеет место в капиталистическом производстве) «всякий общий закон осуществляется весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний»[4]. Чтобы открыть такой закон, надо обязательно знать, что он никогда не может совпадать с формой своего проявления.

Поскольку закон не тождественен проявлению, его открытие и изучение распадается на два этапа. Первый этап связан с изучением явлений, в которых обнаруживает себя закон. Задача исследователя на данном этапе — установить самый закон, проникая вглубь явления, найти за кажущимся хаосом фактов, событий нечто устойчивое, необходимое, существенное. Второй этап начинается после того, как в кажущейся случайности закон уже установлен, открыт. Задача второго этапа — объяснить из познанного закона формы его проявления, показать, что эти формы не таковы, что могут быть, а могут и не быть, что они не случайны, а необходимы.

Рассмотрим на двух примерах открытие и анализ Марксом законов буржуазного производства.

Первый пример: закон стоимости. Что в товарном обществе господствует закон стоимости, а значит и эквивалентный обмен, — это хорошо знал уже Д. Рикардо. Однако подлинная заслуга открытия данного закона принадлежит все же Марксу, поскольку у Рикардо этот закон сопровождается целым рядом оговорок, сводящих его фактически на нет. Д. Рикардо (как и А. Смит) больше интересовался величиной стоимости, чем самой стоимостью. Исходя из того, что форма стоимости есть нечто совершенно внешнее природе товара, он не смог (да и не стремился) вывести из анализа товара форму стоимости.

---

[1] См. К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1952, стр. 233.
[2] Там же, стр. 324.
[3] Там же, стр. 830.
[4] Там же, стр. 168.

Маркс открывает закон стоимости способом, известным среди математиков под названием «определения через абстракцию». Сопоставляя различные обмениваемые друг на друга товары, он находит, что у них имеется нечто общее, благодаря которому и осуществляется этот обмен. Таким общим не может быть ни потребительная стоимость, поскольку она у них различна, ни цвет, ни форма, ни вес товаров, так как эти характеристики являются у них случайными. Очевидно, общим будет то, что все товары — продукты труда, но труда не конкретного, а абстрактного, имеющего лишь одну характеристику, — быть затратой физических и умственных способностей человека. Два разных товара обмениваются друг на друга в данной пропорции потому, что на каждый из них затрачено одинаковое количество общественно необходимого труда. Овеществление этого труда и есть стоимость. А обмен товаров в соответствии с количеством затраченного на них общественно необходимого труда составляет закон товарообмена, закон стоимости.

Обосновывая, таким образом, закон стоимости, Маркс исходит из явления, из меновой стоимости, частной формой которой выступает цена, денежное выражение стоимости. Он начинает исследование с менового отношения, в котором «потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода»[1]. Маркс не забывает подчеркнуть отличие меновой стоимости от стоимости, которое состоит в том, что первая из них постоянно изменяется в зависимости от времени и места. Сегодня или в одном пункте два данных товара обмениваются в одной пропорции, т. е. имеют одну меновую стоимость, завтра или в другом пункте пропорция может быть уже иной (меновая стоимость, цена могут измениться). Открытием в явлении (меновой стоимости) закона стоимости заканчивается первый этап исследования Марксом этого закона. Затем начинается второй этап — выведение из закона стоимости формы ее проявлений — меновой стоимости. «Таким образом,— пишет об этих двух этапах Маркс. — то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость. Дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости как необходимому способу выражения стоимости, или необходимой форме ее проявления; тем не менее эта последняя должна быть сначала рассмотрена независимо от этой формы»[2]. И в другом месте: «...мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости. Мы должны возвратиться теперь к этой форме проявления стоимости»[3].

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 42.
[2] Там же, стр. 45.
[3] К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 54. См. К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 125—126.

Второй этап исследования стоимости (а следовательно, и закона стоимости) связан с выведением различных форм ее проявления.

Это выведение (особенно денежной формы) — дело не менее трудное, чем нахождение в формах самой стоимости (осуществленное на первом этапе исследования). Об этих трудностях Маркс пишет следующее: «Нам предстоит здесь совершить то, чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать, — именно показать происхождение этой денежной формы, т. е. проследить развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег»[1]. И далее идет известное, уже разобранное выше выведение простой, или отдельной формы стоимости, из этой — формы полной, или развернутой, а из нее — всеобщей и денежной. Денежная форма стоимости — это и есть цена. Стоимость проявляется в цене товаров, а закон стоимости — в различных колебаниях цен. Следовательно, уже здесь, на данном этапе заключено несовпадение цены со стоимостью, несовпадение, которое неискушенного в диалектике исследователя приводит к неразрешимой антиномии. Указанное несовпадение явно бросается в глаза, когда цена преобразуется в цену производства.

В чем состоит это несовпадение?

Согласно закону стоимости, товары должны обмениваться в соответствии с количеством вложенного в них труда. Товар, на производство которого затрачено больше общественно необходимого труда, ценится на рынке, при всех прочих равных условиях, дороже, чем тот товар, на производство которого затрачено труда меньше, т. е. цена совпадает со стоимостью. Между тем, в действительности отдельные товары (например, выдержанное вино, при выдержке которого труд не затрачивается) продаются выше их стоимости. Больше того, исследование реальных фактов показывает, что собственно, не только некоторые, а все отдельно взятые товары никогда не продаются по стоимости, а всегда либо выше, либо ниже ее. Как объяснить этот факт? Представители классической буржуазной политической экономии, ломая голову над созданной ею же самой антиномией (товары должны продаваться по стоимости и товары не продаются по стоимости), пытались разрешить ее при помощи формально-логического закона непротиворечия, т. е. отбрасывая одно положение как ложное и сохраняя другое как истинное. После долгих мучений в жертву было принесено положение о продаже товара по стоимости (т. е. закон стоимости) и оставлено положение о продаже их не по стоимости. Почему так получилось? Потому, что представители классической буржуазной

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 54.

политической экономии не видели сложной связи, промежуточных звеньев, опосредствующих, с одной стороны, цену, с другой — стоимость. Например, Д. Рикардо исходил из того, что между стоимостью и ценою существует отношение непосредственного совпадения, или тождества. Он не знал, что сущность выражается в явлении не прямо, а окольным путем, через ряд посредствующих звеньев, не без влияния других элементов капиталистического производства. Характеризуя метод Д. Рикардо, Маркс пишет: «...этот метод перепрыгивает через необходимые промежуточные звенья и стремится показать непосредственным образом совпадение... экономических категорий между собою»[1]. Д. Рикардо не исследовал самый механизм образования цен производства и рыночных цен, роль конкуренции между капиталами, переход их из одной отрасли в другую. Все это проделал Маркс. Маркс показал, что в различных отраслях капиталистического производства существует неодинаковый органический состав капитала (соотношение между постоянным и переменным капиталом), вследствие чего имеются и разные нормы прибыли (отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу). Конкуренция капиталов приводит к тому, что норма прибыли выравнивается. На этой основе возникают цены производства, которые, естественно, отличаются от стоимостей. Если к тому же учесть конкуренцию между товаропроизводителями, заставляющую в целях сбыта продавать товары несколько дешевле, колебание спроса и предложения и т. д., то несовпадение рыночной цены товара с его стоимостью станет еще более очевидным. Отмечая условие правильного понимания отклонения цены от стоимости, Маркс пишет, что все «оказывается очень простым, раз понятно отношение между прибавочной стоимостью и прибылью и далее уравнивание прибылей до общей нормы прибыли. Но если его хотят понять, исходя из закона стоимости, без посредствующих звеньев; если следовательно хотят объяснить прибыль, которую доставляет отдельный капитал в отдельном промысле, из прибавочной стоимости и неоплаченного труда, содержащегося в произведенных им товарах, следовательно также из непосредственно в них самих реализованного труда, то получается проблема, разрешение которой гораздо более невозможно, чем квадратура круга, которая может быть найдена алгебраически»[2]. Таким образом, факт несовпадения цены со стоимостью вовсе не нарушает действия в товарном хозяйстве закона стоимости. Во-первых, как бы не отклонялась цена от стоимости, она всегда колеблется вокруг нее и не может от нее оторваться, во-вторых, сумма цен всех товаров данного общества всегда совпадает с суммой сто-

[1] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 7.

[2] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 65—66.

имостей этих товаров. Данный факт несовпадения говорит только о том, что в обществе товаропроизводителей закон не может пробить себе дорогу иначе, как некое слепо действующее среднее, т. е. сквозь хаос случайностей.

«Лишь как внутренний закон, противостоящий отдельным агентам, как слепой закон природы выступает здесь закон стоимости и прокладывает путь общественному равновесию производства среди его случайных колебаний» [1]. Таким образом, Маркс не только обнаруживает в ценах их основу — стоимость, не только объясняет стоимостью цену, но и показывает «то особое развитие, которое испытывает закон стоимости с возникновением капитала» [2].

Рассмотрим второй пример открытия и исследования Марксом закона в процессе восхождения от абстрактного к конкретному — закона прибавочной стоимости. На этом примере также хорошо видно, насколько важно отличать закон от формы его проявления и, вместе с тем, насколько важно не отрывать их друг от друга.

Существование в буржуазном обществе прибавочной стоимости было известно задолго до Маркса. Его знали представители классической буржуазной политической экономии—А. Смит и Д. Рикардо. Однако они не видели и не могли видеть в прибавочной стоимости движущей силы буржуазного производства, не сумели разглядеть в ней исторически переходящего закона. Исходя из представления о вечности буржуазного общества, А. Смит и Д. Рикардо считали вечной категорией и прибавочную стоимость. Социальной причиной этого взгляда является классовая позиция вождей буржуазной политической экономии. А. Смит и Д. Рикардо были представителями интересов капитала. Но были также и теоретические предпосылки. А. Смит и Д. Рикардо не различали сущности прибавочной стоимости и ее проявления в различных формах (прибыль, процент, земельная рента), они не имели понятия об абстрактном труде, с помощью которого только и можно проникнуть в тайну прибавочной стоимости. Д. Рикардо никак не мог совместить свою теорию стоимости, согласно которой товары обмениваются эквивалентно, и факт прибавочной стоимости, из которого следовало, что при обмене на капитал живой труд имеет меньшую стоимость, чем овеществленный труд, на который он обменивается. Стоимость «живого труда» (заработная плата) всегда меньше стоимости продукта, произведенного этим «живым трудом». Выходит, что купля и продажа «живого труда» противоречит закону стоимости.

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1952, стр. 894.

[2] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. I. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 99.

Другой антиномией, с которой столкнулся Д. Рикардо и которая помешала ему справиться с прибавочной стоимостью, состояла в следующем. По закону стоимости два капитала, применяющие одинаковое количество живого труда, при всех прочих равных условиях должны производить в равное время одну и ту же по величине прибавочную стоимость или прибыль. Однако в реальной действительности дело обстоит иначе: имеется множество фактов, когда равная прибыль достигалась и при разном количестве применяемого живого труда. Натолкнувшись на указанные антиномии, Д. Рикардо приостановил исследование прибавочной стоимости.

Маркс поступил совершенно иначе. Чтобы знать, что такое прибавочная стоимость, надо знать, что такое стоимость, т. е. надо было восходить от абстрактного — стоимости, к конкретному — прибавочной стоимости. Поэтому Маркс сначала приступил к разработке своей теории стоимости, которая оказалась отличной от теории стоимости Д. Рикардо. Д. Рикардо не видел, какой вид труда создает стоимость и какой — потребительную стоимость. Следовательно, он не знал противоречивого характера труда (собственно, не знал он и противоречивого характера товара, поскольку рассматривал меновую стоимость как нечто внешнее товару). В противоположность Д. Рикардо Маркс подошел к труду как к противоречивому явлению, выделив абстрактный труд и конкретный труд. А чтобы это сделать, надо было посмотреть на буржуазное общество глазами историка, диалектика, т. е. видеть в нем преходящее общество со своими, присущими только ему одному, законами.

Абстрактный труд — это категория, свойственная лишь товарному хозяйству (простому и капиталистическому), и поэтому ее нельзя вывести из конкретного труда с помощью формальной абстракции, отбрасывая признак «конкретный» и оставляя признак труда вообще. Тот, кто так поступает, может выработать только понятие о труде вообще как затрате физических и умственных сил человека, но не об абстрактном труде. Конечно, для открытия абстрактного труда надо было иметь и объективные предпосылки: труд не только в логической категории, но и в действительности, должен был стать средством создания богатства вообще и утратить свою специфическую связь с определенным индивидуумом[1]. По-видимому, в полной мере этих предпосылок во времена Д. Рикардо еще не было. Но главное состоит в том, что буржуазное общество рассматривалось Д. Рикардо как вечная категория. Вообще, если «рассматривать буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамеченными и специфические особенности формы стоимости, следователь-

[1] См. К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1952, стр. 218.

но особенности формы товара, а в дальнейшем развитии — формы денег, формы капитала и т. д.»[1].

В товарном производстве, вследствие существующего разделения труда и наличия частной собственности на орудия и средства производства, труд, носящий, как и при всяком ином производстве, общественный характер, не может непосредственно проявиться таковым. Он становится общественным лишь благодаря обмену, лишь вследствие нивелировки различных по своему характеру и интенсивности частных видов труда (земледельца, портного, сапожника). Только в обмене продуктов одного частного труда на продукты другого частного труда обнаруживается общественный характер этих видов труда, их обусловленность друг другом, связь. Но в этом обмене частные виды труда приравниваются с той своей стороны, с которой они характеризуются как затрата физических и умственных сил вообще, безотносительно к конкретности этой затраты, т. е. как абстрактный труд. Следовательно, абстрактный труд — это та специфическая, присущая только товарному производству, форма, в которой работы различных индивидуумов проявляют свой общественный характер. Он — «специфический способ, благодаря которому труд, создающий меновую стоимость, стало быть производящий товары, есть *общественный труд*»[2].

Значение открытия Марксом абстрактного труда в том, что оно определяет все дальнейшее понимание капиталистического производства. «...этот пункт, — говорит Маркс, — является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии»[3]. Категория абстрактного труда позволила Марксу показать, какой труд, почему и как образует стоимость, привела его к раскрытию двойственного характера труда, а тем самым — в дальнейшем — к раскрытию всех других противоречий буржуазного производства. В письме к Энгельсу Маркс писал о «Капитале»: «...Самое лучшее в моей книге: 1) подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда*, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается *все* понимание фактов)»[4]. Лишь с открытием абстрактного труда появилась возможность формулирования закона прибавочной стоимости.

Раскрыв абстрактный труд, эту субстанцию стоимости, Маркс подверг критике теорию стоимости Д. Рикардо. У Д. Рикардо, указывает Маркс, труд, создающий стоимость, сам имеет стоимость. Д. Рикардо много говорит о стоимости труда. Но это грубая ошибка. Утверждать, что труд имеет стоимость, значит допускать тавтологию, порочный круг. Ведь стоимость, это и есть

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 87.
[2] К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1952, стр. 15.
[3] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 48.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале». Госполитиздат, 1952, стр. 122.

овеществленный труд; получается, что стоимость есть стоимость, или овеществленный труд есть овеществленный труд. Но главное даже не в самой этой тавтологии, как таковой, а в том, что она исключает всякую возможность решения проблемы прибавочной стоимости. В самом деле, если труд имеет стоимость, то это значит, что и затрачиваемый труд рабочего имеет стоимость. А если он имеет стоимость, тогда как же примирить то, что стоимость покупаемого труда рабочего больше реализованного труда? Примирить их невозможно, надо отбросить теорию стоимости, как противоречащую живым фактам. Но без теории стоимости нет возможности понять прибавочную стоимость.

Маркс показал, что труд есть субстанция стоимости и потому сам стоимостью не обладает. Результат труда, товар, имеет стоимость, но сам труд стоимости не имеет. Он есть деятельность, создающая стоимость, есть сама эта стоимость, взятая в абстрактном виде. Подобно тому как тяжесть не имеет особого веса, нагрев тела — теплоты, подобно этому и труд не имеет стоимости. Потому-то его и нельзя ни продавать, ни покупать. Раз это так, то и рабочий, эксплуатируемый капиталистом, не может продавать последнему свой труд. Рабочий продает капиталисту не труд, а рабочую силу (различие это очень важно). Данное обстоятельство заставило Маркса идти по пути поисков особенностей рабочей силы. Капиталист покупает рабочую силу по стоимости (отвлекаемся от колебания, которые не меняют существа дела). Но рабочая сила обладает тем удивительным свойством, что она не только воспроизводит свою стоимость, но и создает так называемую сверхстоимость — прибавочную стоимость. Прибавочная стоимость есть закон капиталистического производства. «Производство прибавочной стоимости, или нажива — таков абсолютный закон этого (капиталистического. — *М. А.*) способа производства» [1].

4. Значение способа восхождения и возможность применения его в различных науках

После того как рассмотрены (по необходимости кратко) исходный пункт, этапы развития и приемы исследования способа восхождения, как он применен Марксом в политической экономии, можно разобрать вопрос о его значении и возможности применения в других науках.

Некоторые думают, что способ восхождения есть способ не исследования, а изложения. На первый взгляд он и впрямь кажется таковым. Ведь прежде чем раскрыть науку способом восхождения, надлежит детально освоиться с материалом, расчленить его на элементы, выделить из них «клеточку», установить закон исследуемого целого и т. д., т. е. провести основательную исследовательскую работу. Как только эта работа над материа-

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 624.

дом проделана, открывается возможность для последовательного, систематического рассмотрения категорий, расположения их в определенном порядке, т. е. начинается само «восхождение». Данное мнение иногда подкрепляется ссылкой на следующие слова Маркса: «Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение»[1].

В приведенных словах Маркса действительно подчеркивается различие между исследованием и изложением (хотя, как видно, оно касается чисто формальной стороны дела). Однако было бы неправильным на этом основании заключать, будто Маркс считает способ восхождения способом изложения, а не исследования. Ведь в приведенной цитате Маркс совсем ничего не говорит о способе восхождения и даже не имеет его непосредственно в виду.

Что такое исследование и что такое изложение?

Согласно распространенному мнению, исследование—это весь процесс эмпирического открытия новых фактов, законов, вся, так сказать, лаборатория ученого. В него включаются такие моменты, как собирание материала, его сортировка, сопоставления, различного рода рабочие гипотезы, отступления, наведение справок, постановки вопросов и даже неизбежные в этом случае заблуждения. Вся деятельность ученого, в результате которой устанавливается истина до ее оформления в книге, статье, лекции, называется при таком понимании исследованием. Изложение — это передача уже готовой, добытой истины другим, оформление результатов исследования. Книги, монографии, статьи, словом, все то, что уже обнародовано, зафиксировано — это не исследование, но изложение.

С данной точки зрения, восхождение — это, по существу, тоже есть изложение, а не исследование. Исследование по самой своей природе не может быть нигде зафиксировано, оно остается в памяти ученого. Некоторое представление о нем могли бы дать все черновые рукописи и наброски, все записи и пометки ученого, но они, в их основном составе, как правило, не сохраняются. Таким образом, исследование — это открытие самим ученым истины, изложение — передача истины другим, обнародование ее.

При таком понимании исследования и изложения можно сказать, что способ восхождения не является ни способом исследования, потому что он исключает всякие рабочие гипотезы, предположения, постановки вопросов, наведение справок и т. п., ни

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 19.

способом изложения, ибо не предполагает истину готовой, а выводит ее, добывает, обосновывает.

Но есть и другое, более правильное понимание «исследования» и «изложения», а следовательно, и другая, с этой точки зрения, характеристика способа восхождения. В науке исследование понимается как систематическая, проведенная по всем правилам доказательства, теоретическая разработка какого-либо нового вопроса. Два признака отличают всякое исследование — это 1) новизна исследуемого вопроса и получаемых в результате исследования выводов и 2) доказательность, обоснованность самих выводов, истины. Если отсутствует хотя бы один из названных признаков, разработку вопроса нельзя признать исследованием. С этой точки зрения, вряд ли кто будет сомневаться в том, что написанный способом восхождения «Капитал» Маркса есть исследование, а не просто изложение. В «Капитале» разработаны принципиально новые истины, в нем получены выводы, неизвестные до того науке. Вместе с тем эти истины, выводы обоснованы строго систематическим путем. Способ восхождения, по принципам которого разработаны «Капитал» и «К критике политической экономии», есть настоящий способ исследования.

Однако никакое исследование не существует без изложения, без придания ему и его результатам научно-теоретической формы. Чтобы материал исследования был убедительным и стройным, чтобы он представлял собой удобную для усвоения систему, его надо как-то оформить, расчленить до деталей, в нем надо поставить все на свое место. Изложение характеризуется последовательным расположением материала, обстоятельным анализом вопросов по каждому пункту.

При таком понимании изложения, когда оно отличается как от эмпирического подбора материала, так и от простого переложения готовых знаний, его уже никак нельзя противопоставлять исследованию. Изложение с исследованием будет находиться во внутреннем единстве, составлять с ним органическое целое. Поэтому и восхождение как способ исследования нельзя противопоставлять самому себе как способу изложения. Восхождение есть одновременно и способ исследования, и способ изложения. В нем нельзя отделить, и тем более противопоставить, эти две внутренне связанные стороны.

Следовательно, мы никак не можем согласиться с тем, будто восхождение — это не исследование, а изложение, будто исследование надо искать где-то в черновых рукописях или набросках (например, к «Капиталу»). Черновые рукописи — это еще не наука, а потому в них нечего искать научного исследования. В лучшем случае они могут служить подготовительной ступенью к исследованию, но не самим исследованием. И именно потому, что восхождение есть исследование (а не просто изложение), его значение в науке очень велико.

Значение способа восхождения ясно уже из того, что говорилось выше о его сущности, структуре и используемых в нем приемах. Способ восхождения — есть способ воспроизведения предмета как единого и вместе с тем диалектически расчлененного целого. Его задача — воссоздать в теоретически последовательной форме целостную систему предмета. Если другие, более частные методы науки (например, тот же сравнительно-исторический метод в языкознании или математический метод в физике) имеют своей задачей нахождение в исследуемом предмете какого-либо отдельного факта, группы фактов или закономерностей, то способ восхождения дает нечто большее, он претендует на цельность, на раскрытие всей структуры предмета. Поэтому он есть не столько способ построения какого-нибудь отдельного раздела или подраздела науки, сколько всей науки в целом. Разумеется, способом восхождения можно изучать и какой-нибудь частный вопрос, например, формы стоимости Однако не в этом его главное назначение. Способ восхождения (такова природа его) должен находить применение во всей науке, он должен давать внутренне завершенное целое.

Восходя от абстрактного к конкретному, мы переходим от одной категории к другой, от низшей к высшей, мы выводим их друг из друга. В результате создается целая система связанных между собой категорий. Связь категорий необходима, она исключает какую бы то ни было случайность и тем более произвол. Достигнутая способом восхождения стройность науки, развитие этой науки в «ее собственной, присущей ей внутренней связи» (Энгельс) превосходит стройность и развитие любой другой дедуктивной теории. В ней нет тех повторений одного и того же, которые подчас встречаются в этих последних. В этом одно из значений способа восхождения.

Далее. Способ восхождения делает науку, в которой он применяется, строго доказательной, ибо каждое ее положение, каждая категория всегда доказывается, обосновывается. В «Капитале» нет ни одного положения, которое постулировалось бы Марксом, выставлялось без доказательства. Возьмем ли мы положение о двойственном характере товара, о единичной, особенной и всеобщей формах стоимости, о деньгах, прибавочной стоимости, заработной плате, ренте и т. д. — всюду налицо строгая научная доказательность. Двойственный характер товара доказывается, обосновывается двойственностью труда, особенная форма стоимости—единичной формой, всеобщая форма— особенной; деньги доказываются, обосновываются товаром и т. д.

При этом следует подчеркнуть, что доказательство, специфически характерное для процесса восхождения, качественно отлично от формально-логического доказательства. Чтобы доказать что-нибудь средствами обычной логики, надо под доказываемый тезис подвести аргументы. Например, при доказательстве того, что деньги есть товар, мы подводим такие два аргумента: «день-

ги имеют потребительную и меновую стоимость, а все, что имеет потребительную и меновую стоимость, есть товар». Получается доказательство: «деньги есть товар потому, что они имеют потребительную и меновую стоимость, а все, что имеет потребительную и меновую стоимость, есть товар». Недостаток такого формального доказательства состоит в том, что оно подчеркивает в предмете лишь общее (между деньгами и товаром), но не выделяет особенное, специфическое. Деньги есть не просто товар, но особенный товар, поскольку у них особенная потребительная и меновая стоимости. Преимущество генетического по своей природе доказательства, реализуемого в способе восхождения, состоит в том, что оно связано с подчеркиванием не только тождественных признаков обосновываемого предмета, но и с подчеркиванием их различия. Это достигается путем выведения обосновываемого предмета из обосновывающего. Когда Маркс выводит деньги из товара (посредством ряда форм меновой стоимости), он доказывает не только то, что деньги есть товар (т. е. выделяет сходное), но и то, что они не есть обычный товар, а именно деньги (т. е. выявляет различное).

Здесь обнаруживается любопытная вещь. При выделении высшей категории из низшей происходит не только обоснование первой категории, но и второй, т. е. осуществляется взаимное обоснование. Товар обосновывает деньги, деньги обосновывают товар; случайная форма стоимости обосновывает развернутую, со своей стороны, развернутая форма — случайную и т. д. В свете сказанного становится вполне понятным следующее положение (принимаемое иногда ошибочно за тавтологию). Чтобы убедиться в правильности выбора начала («клеточки») исследования, надо обратиться к концу, а чтобы достигнуть этого конца, надо исходить из начала.

Между прочим, специфичным в процессе восхождения является не только доказательство, но и определение. Формально-логические дефиниции при исследовании способом восхождения отступают на самый задний план. Главным является указание места, занимаемого той или иной категорией в общей системе расположения категорий. Так, например, когда мы хотим определить, что такое деньги, мы можем, конечно, воспользоваться дефиницией: «деньги — это товар, исполняющий роль всеобщего эквивалента». Однако в такой дефиниции скрадывается главное — то, что деньги появляются из товарного мира на определенной ступени его развития. Дефиниция сама по себе не может выразить, раскрыть развития предметов. Этого не дает и такая дефиниция: «деньги — это товар, появляющийся на определенной ступени развития товарообмена», ибо тут не показывается, как появляется товар. Поэтому Маркс прибегает к другому приему — к выведению денег из товара (различные формы стоимости), а затем — к исследованию того, к каким последствиям приводят деньги (превращение денег в капитал). Установив место денег

между товаром и капиталом, Маркс тем самым раскрыл их содержание, т. е. определил их (причем лучше, чем какая бы то ни было точная дефиниция).

Говоря выше о «клеточке» восхождения, а также о его приемах исследования, мы подчеркивали противоречивый характер предметов, изучаемых способом восхождения. Теперь, выясняя значение способа восхождения, мы должны остановиться еще раз на этом противоречивом характере предметов.

Восходя от абстрактного к конкретному, исследователь вскрывает внутренние противоречия предмета, показывает, как они возникают, в каких формах существуют и во что превращаются. Исследование противоречий предмета — главное в способе восхождения, потому что оно вскрывает источник диалектического развития и изменения. При этом исследуется не только противоречие как источник развития, но и развитие противоречия от низшего к высшему, от более простого к сложному. Развивается само противоречие, которое и отражается исследователем, пользующимся способом восхождения. Благодаря раскрытой способом восхождения системе противоречий предмет предстает как живой, диалектический, каковым он и является на самом деле. А это позволяет проникнуть в скрытые от внешнего взора внутренние связи, отношения и законы. Во всем этом также обнаруживается значение способа восхождения. Другие методы исследования не могут привести к воспроизведению в мышлении сложной системы развивающихся противоречий.

В заключение отметим еще одно значение способа восхождения от абстрактного к конкретному.

В фрагменте «К вопросу о диалектике» В. И. Ленин писал: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть* (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики»[1]. И далее: «Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки. На эту сторону диалектики обычно (например, у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма *примеров*..., а не как *закон познания* (*и* закон объективного мира)»[2]. В приведенном высказывании В. И. Ленин говорит об ошибке сведения диалектики к сумме примеров. В чем состоит эта ошибка и как ее преодолеть?

Ошибка превращения диалектики в сумму примеров встречается весьма часто. Ее сущность состоит в том, что диалектика излагается путем подыскивания к ее законам иллюстраций из различных областей знаний. Например, излагается закон единства и борьбы противоположностей. Сначала приводят общую

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 357.

[2] Там же.

формулировку этого закона, а затем начинают иллюстрировать ее рядом примеров из различных отраслей науки. Получается, что диалектика из средства познания превращается в сумму примеров или даже в орудие простого доказательства.

Чтобы избежать этих ошибок, надо от иллюстраций перейти к систематическому рассмотрению диалектических закономерностей самого исследуемого предмета. Тогда диалектика станет инструментом познания. Одной из форм такого рассмотрения является способ восхождения от абстрактного к конкретному, при котором сначала анализируется самое простое, обычное, массовидное, затем анализ вскрывает в этом простом («клеточке») все противоречия исследуемого целого и развитие этих противоречий от начала до конца.

Конечно, не всегда применение диалектики осуществляется в форме всесторонне и детально развернутого «восхождения», как это имеет место в «Капитале» Маркса. Оно может быть применено к исследованию отдельного элемента, касаться какого-нибудь отдельного вопроса. Но, в сущности, и в этом случае будет налицо движение от простого к сложному, исследование внутренних противоречий предмета, т. е. то, чем характеризуется восхождение от абстрактного к конкретному.

Отмеченные достоинства способа восхождения — способность воспроизводить предмет в качестве органического целого, возможность развивать науку в ее собственной, присущей ей внутренней необходимости, убедительная доказательность этого способа, причем доказательность особого рода, выявление движущих противоречий в предмете и др. — делают данный способ важнейшим инструментом, методом познания.

Здесь мы подошли к вопросу о соотношении рассматриваемого способа восхождения и разобранного выше диалектического метода в обычном его понимании.

Как было отмечено, диалектический метод есть применение положений диалектики к познающему действительность мышлению, есть диалектика в ее особой функции орудия познания, а, следовательно, и действия.

Способ восхождения есть способ воспроизведения в предмете всей сложной системы присущих ему диалектических закономерностей. Он состоит в прослеживании развития противоречий предмета, начиная от элементарных, простейших из них, и кончая самыми сложными. Задача способа восхождения — воспроизвести в голове единственно возможными логическими средствами целостность предмета, показать специфические законы становления и развития этой целостности. Осуществление такой грандиозной задачи требует от исследователя, применяющего способ восхождения, использования всего арсенала приемов и средств диалектического метода. Нельзя реализовать способ восхождения, ограничиваясь какой-нибудь парой приемов диалектического анализа, скажем, приемом логического и историче-

ского, надо владеть всеми приемами. Поэтому исследование способом восхождения — дело очень и очень трудное. Что касается диалектического метода, в самом широком смысле этого слова, то он может применяться и для воспроизведения в предмете лишь некоторых, отдельных диалектических закономерностей. Можно, например, исследовать в буржуазном обществе одну диалектическую связь купли и продажи или одно отношение тенденции средней нормы прибыли к понижению. Диалектический метод можно применять, совершенно не выделяя «клеточки», не рассматривая всех противоречий предмета, а беря только главные. Есть случаи применения диалектического метода, в которых последовательность рассмотрения категорий от низшего к высшему вовсе не реализуется. Все эти случаи определяются практическими задачами, целью, ради которой ведется исследование. Для диалектического метода не обязательно применять все логические приемы (к тому же, сразу, одновременно), важно отобрать наиболее необходимые.

Следовательно, способ восхождения от абстрактного к конкретному не исчерпывает собой всех случаев применения диалектического метода. Есть такое применение диалектического метода, которое не укладывается в рамки способа восхождения. Таких примеров много. Если мы назовем способ восхождения одной формой осуществления диалектического метода, то все другие случаи составят вторую форму.

Таким образом, мы имеем в известном смысле две формы диалектического исследования предмета, две формы диалектического метода. Одна—обычная, наиболее распространенная и более простая, другая — менее распространенная и более сложная — это форма способа восхождения от абстрактного к конкретному. Впрочем, различие между данными формами весьма относительное, поскольку высшее развитие первой формы смыкается с началом развития второй.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному есть наиболее полный и всесторонний способ осуществления диалектического метода, способ, в котором диалектический метод применяется в целостном и систематическом виде, — для раскрытия всех элементов диалектики предмета.

Отсюда вытекают два важных вывода.

1) Способ восхождения не есть что-то отдельное от диалектического метода, он есть самый этот диалектический метод, только систематически примененный; 2) диалектический метод не сводится всецело к способу восхождения, а есть нечто более богатое и разнообразное. Ошибочно поэтому утверждать (а такая тенденция уже намечается), будто в диалектическом материализме кроме способа восхождения никакой другой формы диалектического метода не существует, будто диалектическое рассмотрение предмета возможно осуществить только в форме «восхождения».

Итак, мы можем сказать: всякий способ восхождения есть диалектический метод, но не всегда диалектический метод осуществляется в форме способа восхождения.

Последний вопрос, которого мы коснемся в этом разделе, это вопрос о возможности применения данного способа в других науках.

Конечно, в принципе способ восхождения от абстрактного к конкретному применим в любой науке. Любая наука имеет предмет исследования, а этот предмет всегда носит диалектический характер. В любой науке применяется диалектический метод, а метод этот составляет сущность, душу способа восхождения. Перед каждой наукой рано или поздно встает задача представить свой предмет как сложное диалектическое целое, а это можно осуществить лишь способом восхождения. Поэтому нет ничего, что делало бы принципиально невозможным применение способа восхождения в других науках. Мы не согласны с высказываемым иногда мнением, будто «восхождение» есть специфическая форма исследования исторически преходящих явлений, таких, например, как капитализм. Для подобного мнения нет никаких оснований. То обстоятельство, что после смерти Маркса никто еще не предпринял попытку развить какую-нибудь науку в ее собственной, присущей ей внутренней связи, говорит не о том, что это сделать невозможно, а о большой трудности самого этого дела и о том, что на него до сих пор не обращали должного внимания.

Следовательно, способ восхождения от абстрактного к конкретному применим и в других науках, т. е. он имеет не частное, а всеобщее значение. Об этом говорит и В. И. Ленин в фрагменте «К вопросу о диалектике», на который мы уже ссылались. Указав на то, что у Маркса в «Капитале» сначала анализируется «клеточка» буржуазного общества, т. е. самое простое, обычное, основное, массовидное, миллиарды раз встречающееся, и отметив, что открытые в этой клеточке противоречия получают затем свое дальнейшее развитие от начала до конца исследования, В. И. Ленин заключает: «Таков же должен быть метод изложения (resp. изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)» [1]. Характерная деталь: по Ленину метод изложения должен быть тем же, что и метод изучения, исследования.

Приведем два примера из области естественных наук, в которых развитие мыслей получает форму восхождения от абстрактного к конкретному. Первый пример возьмем из теоретической механики и изложим его словами одного из представителей этой дисциплины.

«Законы равновесия по существу гораздо проще общих законов движения; отсюда понятно, что статика гораздо проще и

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 359.

элементарнее тех отделов механики, которые посвящены исследованию явления движения тел. Ввиду этого мы и начнем в этой первой части нашего курса изучения механики со статики (отдел первый)».

«Затем мы перейдем к изучению *движения* материальных тел. При этом сначала (во втором отделе книги) мы будем заниматься исследованием движения тел (с чисто *геометрической* стороны)». Это будет кинематика. «Потом (во второй части курса) мы обратимся к исследованию движения материальных тел в связи с физическими причинами, его определяющими». Это будет динамика. «Изучением движения с кинематической точки зрения может быть подготовлено и облегчено более широкое динамическое исследование вопроса. Отсюда следует, что изучение кинематики должно предшествовать изучению динамики» [1].

Следовательно, изложение статики предшествует изложению кинематики, а изложение кинематики предшествует изложению динамики. Это обусловлено тем, что категории кинематики более конкретны, чем категории статики, а категории динамики более конкретны, чем категории кинематики. Развитие мысли идет от абстрактного к конкретному и от простого к сложному.

Второй пример мы возьмем из области биологии. Излагая в своих знаменитых 10 лекциях жизнь растения, К. А. Тимирязев ставит вопрос, с чего надо начать это изложение, и вообще, как нужно ее излагать. Жизнью растений занимается как физиология, так и морфология. Морфология описывает различные формы жизни, физиология, напротив, должна объяснить явления жизни. Так как «историческое развитие каждой науки требует, чтобы простейшее в ней предшествовало более сложному» [2], то ясно, что морфологическое исследование растения должно предшествовать физиологическому. «...Физиологическое направление могло появиться в науке позже, т. е. только после развития физики и химии»[3]. Как действие машины, говорит К. А. Тимирязев, можно понять лишь после ознакомления с ее устройством, так и физиологию растения можно понять только после знакомства с его морфологией. Но морфологически растение предстает перед нами в качестве сложного организма, в котором отчетливо различаются такие элементы, как семя, стебель, корень, лист, клеточка и др. Где начало, с которого надо начать морфологическое изучение растения? Кажется, таким началом является семя, ибо оно представляет начало и конец растительной жизни. С семени растение начинает свою жизнь, семенем оно и заканчивает, далее идет уже повторение жизненного цикла. Но это только кажется, ибо имеются растения (папоротники, мхи, грибы и др.), которые размножаются не из семени, а из спор, представляющих

[1] См. Е. А. Николаи. Теоретическая механика, ч. I, М., 1958, стр. 9—10, 142.

[2] К. А. Тимирязев. Жизнь растения. М., 1950, стр. 42.

[3] Там же.

собой, в сущности, клеточку. Клеточка содержится и в семени обычных растений. Таким образом, исходным пунктом должна быть клеточка. «В клеточке, — говорит К. А. Тимирязев, — мы должны видеть простейшее исходное начало всякого организма; ее мы уже не в состоянии разделить на части, способные к самостоятельному существованию; это — действительный предел, далее которого не идет наш морфологический анализ, это — органическая единица»[1]. И далее: «...без знакомства с клеточкой невозможно понять строение и жизнь растительных органов, которые образованы их сочетанием. Подобно тому как в химии мы начинаем изучение веществ с простых тел, элементов, и затем переходим к их соединениям, так и в настоящем случае изучение растительных органов должно начинать с их элементарного органа — клеточки»[2].

Начав с клеточки — этого кирпичика живого организма — К. А. Тимирязев прослеживает ее состав и функции, которые она исполняет. Затем он переходит к более сложному образованию растения, к семени, которое также изучает с точки зрения его структуры и выполняемой роли в жизни растения. От семени он переходит к корню (именно потому, что последний появляется из семени, когда оно брошено в землю), от корня к листу. от листа к стеблю и т. д. Весь процесс исследования (и изложения) растения идет в направлении от абстрактного к конкретному или, вернее (учитывая, что клетка тоже есть нечто конкретное), от менее конкретного к более конкретному. Особой конкретности исследование достигает тогда, когда рассматривается взаимодействие всех органов растения вместе взятых. Очерчивая этот путь исследования от абстрактного к конкретному, или, как его К. А. Тимирязев называет, «восходящий путь», он пишет: «Таким образом, взорам физиолога представляется все более и более расширяющийся горизонт. Изучив жизнь отдельных органов и прежде всего элементарного органа, из которого слагаются все остальные, т. е. клеточки, изучив общую картину взаимодействия органов, т. е. совокупную жизнь целого растения, он стремится понять, насколько это доступно, жизнь всего растительного мира, рассматриваемого как целое, и этим путем пытается пролить свет на самый широкий и загадочный вопрос — вопрос о происхождении растения и о причине его совершенства, или, другими словами, вопрос о гармонии, о целесообразности органического мира»[3].

Следует иметь в виду, что развитие мыслей по методу восхождения от абстрактного к конкретному осуществляется не только в *сознательно* диалектическом мышлении, фактически оно стихийно пробивает себе дорогу во всяком процессе познания. Любое историческое движение знания есть, в сущности, дви-

[1] К. А. Тимирязев. Жизнь растения. М., 1950, стр. 58:
[2] Там же, стр. 59.
[3] Там же, стр. 62—63.

жение его от абстрактного, неполного отражения действительности, к отражению конкретному, более полному и многостороннему.

В качестве примера такого стихийного движения знания от абстрактного к конкретному может служить развитие понятия числа в математике. Первым понятием о числе было понятие натурального числа: один, пять, семь, десять и т. п. Это было абстрактное, одностороннее понятие о числе, включавшее в себя лишь *натуральные* числа. Затем под влиянием практики, вызвавшей операции над числами, среди них стали различать порядковые и количественные числа, целые и дробные, положительные и отрицательные, а также нуль. Это привело к более конкретному, многостороннему понятию числа — понятию *рациональных* чисел. Но совокупность рациональных чисел оказалась недостаточной для изучения непрерывно изменяющихся величин, это привело к новому обогащению понятия числа. К рациональным числам присоединились иррациональные, образовав понятие *действительного* числа. И на этом конкретизация понятия числа не прекратилась. Математики установили, что кроме действительных чисел существуют еще числа мнимые ($\sqrt{-1}$). Образовалось, таким образом, понятие *комплексного* числа. На этом этапе понятие числа является самым конкретным. Следовательно, основными этапами конкретизации понятия числа были: натуральные числа, рациональные числа, действительные числа, комплексные числа.

Приведенный пример интересен в том отношении, что он показывает конкретизацию понятия, осуществляющуюся диалектически — полярным образом. Присоединение к натуральным числам ненатуральных дает рациональные числа, присоединение к рациональным числам нерациональных дает действительные числа, присоединение к действительным числам недействительных (мнимых) дает комплексные числа.

Подчеркивая принципиальную применимость способа восхождения во всех науках, мы должны вместе с тем отметить, что, как уже говорилось, он требует для своего осуществления наличия целого ряда условий как объективных, так и субъективных. Это значит, что практически способ восхождения не всегда удается реализовать. Объективные условия имеют значение, когда способ восхождения прилагается к изучению исторически преходящих явлений (например, капитализма). В этом случае необходимо, чтобы сам изучаемый объект достиг зрелого уровня развития. В отличие от этих объективных условий субъективные условия имеют значение для всех случаев. Они состоят в следующем. Перед любым применением способа восхождения надо проделать большую аналитическую работу по вычленению отдельных категорий и отношений целого. Без такой предварительной работы нечего даже и думать о применении способа восхож-

дения. Сначала надо подготовить способ восхождения, а потом уже пытаться применить его. Мы уже не говорим о таком субъективном условии, как наличие у исследователя диалектического мировоззрения, его желание пользоваться способом восхождения, совершенное владение им фактическим материалом и т. п. Выполнение всех этих условий абсолютно обязательно для применения способа восхождения.

Желая пользоваться способом восхождения в той или иной науке, необходимо, кроме того, учесть еще следующие два обстоятельства.

1) Применять в науке способ восхождения надо только тогда, когда перед ней встает такая задача. Ведь многие науки (например, педагогика, гражданская история, физика) подобную задачу не выдвигают (по крайней мере, в настоящее время), потому что не накопили для этого достаточного материала.

2) Восхождение — это не самоцель, а средство познания, и с ним надо обращаться, как с любым другим средством познания. Применять его следует не просто для систематизации материала, но прежде всего для открытия в предмете новых глубинных закономерностей.

Мы рассмотрели логический процесс восхождения от абстрактного к конкретному, процесс теоретического образования конкретных понятий. Как оказалось, этот процесс состоит в движении от менее конкретного к более конкретному, от одной степени конкретности к другой. Причем каждая выступающая на пути достижения конкретного знания категория является в одно и то же время и конкретной и абстрактной. Она является конкретной в отношении предшествующих категорий и абстрактной в отношении последующих. «Деньги», например, — конкретная категория в отношении «товара», но абстрактная — в отношении «капитала», «действительные числа»—конкретная категория в сопоставлении с «рациональными числами», но абстрактная — в сопоставлении с «числами комплексными». Такова диалектика самого понятия «конкретное».

ГЛАВА IV

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛОГИЧЕСКОЕ

При достижении конкретного знания, в выработке конкретных диалектических понятий о действительности важную роль играет принцип единства логического и исторического. Рассмотрим, в чем состоит этот принцип.

1. Понятие исторического и логического

Проблема исторического и логического имеет несколько аспектов, которые необходимо четко различать. В широком смысле слова под историческим понимают движение предмета, под логическим — отражение этого предмета в мышлении человека. Иначе говоря, исторический процесс—это процесс, совершающийся в реальной действительности независимо от людей, логический процесс есть процесс мышления. Само собой разумеется, что говорить с этой точки зрения о единстве исторического с логическим не приходится: историческое существует независимо от логического и до него. Здесь надо говорить не о единстве исторического (бытия) и логического (мышления), а о том, что первое предшествует второму, является по отношению к нему первичным, ибо логическое есть лишь отражение исторического; хотя можно говорить о единстве логического с историческим — такое решение проблемы будет материалистическим.

Идеалисты, извращая картину мира, дают прямо противоположное решение вопроса, заявляя, что логическое, мышление является первичным, а историческое, природа — вторичным. Например, Гегель считал, что не логическое должно согласовываться с историческим, а, наоборот, историческое должно быть отблеском логического. Извращение соотношения исторического и логического допускается Гегелем даже в истории философии, которая, по его мнению, должна заниматься не чем иным, как подтверждением того, «в какой мере имеющее место в истории философии раскрытие ее содержания, с одной стороны, согласу-

ется с диалектическим развитием чистой логической идеи и, с другой стороны, отступает от нее»[1]. Критикуя это извращенное понимание Гегелем соотношения исторического и логического, Маркс и Энгельс справедливо пишут, что у Гегеля история «в конце концов, должна была служить лишь для проверки его логической конструкции»[2].

Отражение исторического в логическом, о котором говорит диалектический материализм, вытекает из самой природы логического. Логическое есть продукт развития исторического бытия. Следовательно, в содержании его нет ничего такого, чего не было бы прежде в историческом. По своему содержанию логическое (мысль) совпадает с историческим (бытием); общие законы развития логического те же, что и общие законы развития исторического. «Над всем нашим теоретическим мышлением, — писал Энгельс, — господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собой»[3].

Мы не будем подробно останавливаться на вопросе о соотношении логического и исторического в этом плане их рассмотрения, как мышление и бытие. Заметим лишь, что отражение исторического (бытия) в логическом (мышлении) происходит диалектически, и, кроме того, в каждый данный момент оно отличается неполнотой и относительностью, хотя и выражает нечто объективное, абсолютное.

От рассмотренного широкого значения (и, надо сказать, переносного) категорий исторического и логического следует отличать узкое, специальное их значение, с которым, собственно, и связана главная проблема исторического и логического. Это узкое значение категорий вызвано наличием в объективном предмете, в его развитии двух разных, но органически связанных между собой моментов — «истории» и «логики».

Каждый предмет, явление имеет свою историю и логику. История — это конкретное, во всем его неповторимом многообразии развитие предмета, последовательная временная смена различных его состояний с момента возникновения до настоящего времени. В эту историю развития предмета включается все разнообразие его сторон, форм и проявлений. Например, развитие любой страны включает в себя такие моменты, как возникновение и развитие промышленности с различными ее отраслями (угольной, металлургической, машиностроительной, электротехнической и т. д.); развитие транспорта (железнодорожного, автомобильного, водного, воздушного); развитие сельского хозяй-

[1] Гегель. Соч., т. I, стр. 148.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I. Госполитиздат. 1955, стр. 592.
[3] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1955, стр. 213.

ства и его отдельных отраслей (животноводства, земледелия, садоводства). Развитие этой страны немыслимо без изменения в области культуры, науки, искусства, литературы и т. д. Все эти и многочисленные другие стороны развития страны составляют ее историю. При этом следует подчеркнуть, что указанные моменты развития данной страны связаны с конкретными условиями места и времени, с конкретными классами и нациями, партиями и общественными организациями и т. д. Вообще, история характеризуется тем, что она не свободна от случайностей, зигзагов, поворотов, попятных движений. В ней могут быть остановки, возвраты к старому и даже регресс. «История, — пишет В. И. Ленин, — идет зигзагами и кружными путями»[1]. Или, как образно говорит Н. Г. Чернышевский: «Исторический путь—это не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри»[2].

В истории революционного движения в России были моменты спада, поражения (например, поражение революции в 1905 г. и последовавший за ней спад революционной борьбы). Историческое развитие — это не прямолинейное движение от одной ступеньки, низшей, к другой, высшей, — это такой процесс, в котором наряду с движением вперед может быть и движение вспять. Но самый главный признак истории — как объективного момента вещей и процессов — это ее индивидуальность, неповторимость. История СССР, взятая во всей ее полноте, неповторима; история жизни той или иной особи также неповторима, если рассматривать эту жизнь целиком, полностью, во всех связях и опосредствованиях.

В отличие от истории объективная «логика» развития характеризуется необходимостью, существенной закономерностью. Логика — это принцип развития предмета, существенная его закономерность. Она не содержит в себе случайности, зигзагов, поворотов, попятных движений. Когда говорят о «логике вещей», «логике событий», «логике классовой борьбы», то этим хотят как раз подчеркнуть необходимую закономерность, последовательность вещей, закономерность событий, классовой борьбы [3]. В «логике» развитие выражается в наиболее чистом и концентрированном виде. Объективная логика — это квинтэссенция развития, выявляющая его общую линию, основные моменты, тенденции; частностям в логике нет места. Возьмем, например, развитие Советского Союза. Объективной «логикой» этого развития, его узловыми моментами, основными ступенями являются: победа пролетарской революции, гражданская война, восстановительный период, строительство социализма, переход от социализма к коммунизму. Это такие этапы, которые составляют суть дви-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 137.

[2] Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. VIII, стр. 37—38.

[3] Примечательно, что этимология греческого слова «λογος» включает в себя одно из основных значений — значение «закон».

жения СССР на пути к коммунизму. В логику развития Советского Союза входят главные движущие силы — Коммунистическая партия, генеральное направление ее деятельности и т. п. Но в эту «логику» не включается: когда, где, сколько было образовано колхозов, какие, какого масштаба и кем построены те или иные предприятия, откуда и куда производилась переброска рабочей силы и т. д.

Нетрудно видеть, что различаемые здесь моменты «истории» и «логики» имеют в основе своей тот же характер, что явление и сущность, только взятые применительно к самому процессу развития. В таком понимании история есть развитие в его проявлении, а логика (объективная) есть развитие в его сущности; или иначе, история — это проявление, а объективная логика — сущность развития.

История и логика в указанных только что характеристиках имеют место не только в развитии объективных предметов, они имеют отношение и к субъективному процессу познания, к мышлению. В познании, мышлении развитие также заключает в себе и историю и логику. Во всяком процессе познания мы можем наблюдать и конкретное многообразие и сущность, и случайную индивидуальность и необходимую закономерность. Здесь, как и в объективных предметах, логика и история составляют две стороны одного и того же процесса развития — развития познания. Сошлемся на один, известный и в другой связи пример.

Историческое развитие знания о превращении энергии фактически осуществлялось так: первобытные люди в результате мучительного и долгого пути, наблюдая явления природы, высказали суждение: трение превращается в теплоту. Надо было пройти многим тысячам лет, чтобы люди установили (не сразу и не без сомнений и колебаний), что всякое механическое движение превращается в теплоту. Спустя несколько лет знание достигло той ступени, когда можно было сформулировать более глубокое суждение: всякий вид движения превращается в теплоту, и наоборот. Так исторически развивалось знание. Но в этом развитии была и своя логика, свой закон. Она состояла в том, что процесс развития проходил, как отмечает Энгельс [1], по ступеням единичности, особенности, всеобщности.

Между историей и логикой, как между проявлением и сущностью развития, имеется известное противоречие, противоположность. История есть нечто конкретное, многообразное, связанное с определенным местом и временем. В истории встречаются зигзагообразные движения, скачки, большие уклонения в сторону, возвращения назад. Логика, напротив, есть нечто общее, абстрактное (с эмпирической точки зрения), необходимое, закономерное. Логика свободна от попятных движений, зигзагов, уклонений в сторону. В этом смысле история и логика от-

[1] См. Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 169—171.

рицают друг друга: то, что есть одно, не есть другое, и наоборот. С другой стороны, история неповторима, своеобразна, индивидуальна. Логика, будучи существенным законом повторяется, выступает как нечто общее, устойчивое. Однако как и всякие диалектические противоположности история и логика существуют в единстве и дополняют друг друга. История существует потому, что есть объективная логика; точно так же логика существует потому, что есть история. Логика и история — это два момента одного и того же процесса развития. Полный процесс развития предмета выражается лишь в единстве истории и логики. Можно сказать даже больше: объективная логика есть сущность истории, история есть конкретное проявление, выражение этой логики. Такова связь, внутреннее единство истории и логики развития.

2. Исторический и логический способы исследования

Соответственно двум моментам развивающегося предмета— его истории и логики—изучение его развития может быть двояким: либо историческим, либо логическим. При помощи мышления можно воспроизводить развитие изучаемого предмета, опираясь на его историю, а можно воспроизводить это развитие, опираясь на логику, на существенные закономерности. В обоих случаях преследуется одна и та же цель — показать развивающийся предмет. Но средства достижения этой цели различные.

В науке в одинаковой мере применяются как первый способ воспроизведения развития предмета, так и второй. Первый способ используется преимущественно в исторических науках (историческая грамматика, историческая геология, историческая биология) и прежде всего в науке истории, например в гражданской истории. второй способ — в философских науках (например, в историческом материализме). Воспроизведение развития предмета на базе его истории дает исторический способ исследования; то же воспроизведение развития предмета на базе его логики дает логический способ исследования. Конечно, резкой границы между тем и другим способами не существует.

Чтобы сделать более осязаемым различие указанных способов исследования, приведем два примера.

Наука истории воспроизводит объективное развитие общества, различные его этапы, сменяющие друг друга во времени. Делает она это, опираясь на самое объективную историю общества (чем, собственно, и обусловлено ее название). В науке истории прослеживаются события за событиями, рассматривается развитие экономики, классовой борьбы, революций и войн; анализируется рост культуры и науки по эпохам и странам и т. д. Но то же развитие общества изучается и другой наукой— историческим материализмом. Специалисты в области исторического материализма также интересуются тем, как развивается общество, что лежит в основе этого развития, какие основ-

ные этапы оно проходит, какова роль в развитии общества экономического базиса, идеологии и т. д. Но если историки обращают внимание на конкретно-фактическую сторону дела, которая выражается в исторической смене событий, то интерес специалистов исторического материализма лежит в другом — в существенных его закономерностях. В отличие от истории, исторический материализм как философская наука занимается наиболее общими законами развития общества.

В качестве другого примера логического и исторического способов исследования можно привести «Капитал» Маркса. В «Капитале» наряду с анализом буржуазного производства дается критика буржуазной политической экономии, защищающей это производство (Не случаен подзаголовок «Капитала»: Критика политической экономии), причем критика эта осуществляется в различных томах по разному. В I, II и III томах она, как на это указывает и сам Маркс, ведется логически, в систематической форме. Напротив, в IV томе («Теории прибавочной стоимости») критика осуществляется исторически. Здесь Маркс критикует буржуазную политическую экономию по школам, как они исторически сменяли друг друга. Налицо два разных способа одной и той же критики буржуазной политической экономии.

Метод «Капитала» Маркса (собственно, первых трех томов его) можно назвать логическим еще и в другом смысле В «Капитале» Маркс воспроизводит развитие не того или иного капитализма, скажем, английского, немецкого, французского, а капитализма вообще, капитализма как такового. Хотя в отдельных главах (например, при прослеживании рабочего законодательства) он прибегает и к историческому методу, приводя богатый конкретный материал из истории Англии. В отличие от «Капитала», работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» написана в основном исторически, в ней воспроизводится конкретная история капитализма в России, хотя и в этом труде В. И. Ленин широко пользуется логическим способом.

Сущность исторического и логического способов исследования в их предельно специализированной форме обстоятельно раскрыл Энгельс в своей рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии».

Опираясь на диалектический метод, говорит Ф. Энгельс, критику буржуазной политической экономии можно проводить двояко: исторически или логически. Исторический способ состоит в прослеживании действительного развития, его конкретных форм, различных зигзагов, случайностей и попятных движений. На первый взгляд этот способ представляется наиболее рациональным, но на деле он, в лучшем случае, оказывается только более популярным и доходчивым. История нередко идет скачками и делает зигзаги, в ее движении встречаются замедления и остановки, а иногда даже попятные движения. Поэтому,

если следовать за историей, то это приведет к необходимости принимать во внимание много такого материала, который имеет меньшую важность или вообще не имеет никакого отношения к делу. Во-вторых, такое следование за историей неизбежно прерывает ход изложения мыслей. Немаловажное значение имеет здесь и то, что нельзя писать историю политической экономии, не касаясь самого объекта этой политической экономии — буржуазного производства. Писать же историю последнего при отсутствии всякой подготовительной работы означало бы растянуть работу на длительное время. Все это, говорит Энгельс, делает исторический способ критики политической экономии менее рациональным. Единственно уместным оказывается логический способ, при котором исследуемый предмет берется в чистом виде, свободном от всяких зигзагов и случайностей и применение которого позволяет вскрыть в предмете закономерную сущность, или логику развития. Но, в сущности, логический способ — это тот же исторический способ, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих случайностей. Логический способ начинает с того же, с чего начинает исторический способ, и устанавливаемые им этапы развития в общем и целом совпадают с этапами, фиксируемыми историческим способом. Разница только в том, что если в историческом способе дается конкретная картина развития предмета во всем его многообразии, то логический способ дает исправленную картину, исправленную не по прихоти исследователя, а согласно объективным законам, по которым развивается сама действительность. Это исправление заключается в том, что каждый момент рассматривается в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости и классической формы.

Итак, исторический и логический способы исследования отличаются друг от друга и вместе с тем образуют тесное единство. Их отличие состоит не в том, как думают неокантианцы, что первый способ есть эмпирический, обрекающий исследователя на голое перечисление фактов, игнорирующий закономерности, а второй — теоретический (оба они — теоретические способы), а в том, что при историческом способе допускаются отступления, привлекается побочный материал, прослеживается конкретное развитие; при логическом же способе ничего этого нет

Единство исторического и логического способов исследования выражается в том, что оба они — генетические способы, раскрывающие генезис, развитие предмета, в том, что они формы одного и того же диалектического метода. Это единство нельзя сводить лишь к необходимости исторических примеров, иллюстраций при пользовании логическим способом или к необходимости обобщений при историческом способе. Все своеобразие диалектического метода в том и состоит, что при осуществлении единства исторического и логического на базе изучения

истории, при отвлечении от ее случайностей и зигзагов дается логика этой истории, логика основных закономерностей, характеризующих эту историю. Образцом такого единства логического и исторического может служить анализ Марксом в «Капитале» форм стоимости, в котором в логической форме воспроизведена история развития стоимости, причем основные этапы истории развития форм стоимости совпадают с этапами логики их развития.

Единству исторического и логического способов исследования (а это суть всей проблемы логического и исторического) придавал огромное значение В. И. Ленин, указавший на то, что в логике история мысли должна в общем и целом совпадать с законами мышления, что логика есть итог, сумма, вывод истории познания мира[1]. Продолжением дела Маркса В. И. Ленин считал подтверждение и обобщение этого важнейшего диалектического принципа на примерах конкретных наук, на фактах истории познания.

В. И. Ленин не только теоретически обосновал необходимость сочетания в исследовании логического метода с историческим. Он дал блестящие образцы такого сочетания этих методов. Мы сошлемся на знаменитую книгу В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», являющуюся, в сущности, продолжением «Капитала» Маркса. В этой книге, посвященной исследованию новой стадии капитализма, — империализму, В. И. Ленин привлекает богатый эмпирический материал по конкретной истории империализма в таких странах, как Англия, Германия, Франция и др. Он прослеживает по отдельным странам и даже по отдельным отраслям промышленности, как складываются, возникают и развиваются те черты, которые характеризуют новую, империалистическую стадию капитализма. В. И. Ленин пользуется в этом случае историческим методом. Вместе с тем, в каждой рассматриваемой стране он находит общее, существенное, что присуще любому империализму — концентрацию капитала, образование финансовой олигархии, вывоз капитала вместо вывоза товаров, создание международных монополистических объединений, делящих мир, окончание раздела мира между крупнейшими капиталистическими державами.

Единство исторического и логического методов исследования у В. И. Ленина выражено в следующем кратком, но глубоком по своему значению положении: «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия»[2].

Может показаться, что положению диалектической логики

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 314, 81.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 214.

единстве логического и исторического (в только что рассмотренном аспекте) противоречит ряд фактов научного познания, когда исследователь не следует прямо за историей развития предмета, а избирает иной путь, даже обратный истории. Но это только кажется. В действительности никакого противоречия принципу единства логического и исторического здесь нет.

На самом деле случаев, когда исследователь движется обратным путем (сопоставимо с действительным развитием предмета), очень много. Они повсеместно встречаются в жизни (достаточно сослаться на факты нахождения причин по их следствиям). Эти случаи отмечает Маркс в «Капитале». Вот один из них. «В ходе научного анализа, — пишет Маркс, — исходным пунктом образования общей нормы прибыли являются промышленные капиталы и конкуренция между ними, и только позже вносится поправка, дополнение и модификация вследствие вмешательства купеческого капитала. В ходе исторического развития дело обстоит как раз наоборот. Капитал, который сначала определяет цены товаров более или менее по их стоимостям, есть торговый капитал, и та сфера, в которой впервые образуется общая норма прибыли, есть сфера обращения, опосредствующая процесс воспроизводства» [1].

Однако эти случаи совсем не отрицают единства логического и исторического в том смысле, который мы только что установили, наоборот, в них также осуществляется это единство.

Для соблюдения единства логического и исторического вовсе не требуется, чтобы исследователь везде и всюду придерживался того порядка расположения категорий, в котором исторически появлялись соответствующие им отношения. Вопрос о последовательности категорий (а о нем здесь, собственно, и идет речь) нельзя решать так просто, как это представляется при упрощенном понимании принципа единства логического и исторического. Последовательность эта обусловлена исследовательскими целями и научными задачами, что, конечно, в свою очередь определяется объективными факторами.

Но чтобы выяснить конкретно, какими факторами обусловливается последовательность категорий в изложении той или иной науки, необходимо остановиться еще на двух видах связи, присущих каждому предмету и имеющих определенное отношение к его логике и истории.

3. Исторические (временные) и структурные связи предметов

В каждом предмете можно установить связь двоякого рода. Одна связь историческая, характеризующаяся тем, что в ней соотносящиеся элементы относятся друг к другу как предшествующее и последующее, высшее и низшее, ранее возникшее и позже возникшее. Собственно, об этом виде связи, примером

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1952, стр. 298.

которой является связь ступеней развития, речь уже шла. Ступени развития (того же человеческого общества) относятся друг к другу как предшествующее и последующее. Первобытное общество предшествует рабовладельческому, рабовладельческое — феодальному и т. д. Историческая связь в данном ее понимании — это связь временна́я. Другой вид связи обладает противоположными свойствами, в ней связываемые элементы выступают не как предшествующее и последующее, но как одновременно существующие. Эту связь можно назвать структурной. Примером структурной связи служит связь частей надстройки: философии, религии, права и т. п. Нельзя сказать, что в том или ином обществе философия существует раньше права, право раньше религии и т. д.; эти части надстройки даны вместе, они сосуществуют.

Отмеченные два вида связи имеют место не только в объектах, но и в науках, где различают историческую связь (это то, что обычно называют историческим построением науки, или просто историей науки) и структурную связь (называемую систематическим построением науки, ее структурой). В основе истории науки (истории физики, истории философии, истории языкознания) лежат связи первого рода, в основе теории науки — связи второго рода. Это, между прочим, и дает основание различать историю физики и физику, историю философии и философию, историю языкознания и языкознание, историю литературы и теорию литературы и т. п.

Хотя историческая и структурная связи одна без другой не существуют и тесно связаны между собой (как, например, синхрония и диахрония в языкознании), тем не менее различать их необходимо. В процессе познания и в практической деятельности чрезвычайно важно знать, с каким видом связи мы имеем дело: со структурной или исторической. Важно также знать, в какой мере знание исторических связей помогает раскрытию связей структурных (особенно если последние выражают сущность предмета), и наоборот, На необходимую, важную связь знания истории и логики предмета указывал Н. Г. Чернышевский: «Без истории предмета нет теории предмета, но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах» [1]. Значение знания истории предмета для раскрытия его логики очень глубоко раскрыл В. И. Ленин. «...самое важное, — говорил он, — чтобы подойти к ...вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [2]. Диалектическая логика учит, что ге-

[1] Н. Г. Чернышевский. Избр. философ. соч., т. I. 1950, стр. 303.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 436.

нетический подход является необходимой предпосылкой раскрытия сущности предметов. Но не меньшее значение имеет и знание структурных связей для раскрытия связей исторических.

Аналогичное соотношение существует и в самой науке. Чтобы хорошо знать теорию науки, надо быть знакомым с ее историей, а чтобы проникнуть в историю науки, необходимо иметь представление о самой науке, теории ее. Здесь этот вопрос имеет даже большее значение, так как к нему присоединяется новая сторона дела, в какой пропорции в процессе изучения должны браться история науки и теория науки (например, история философии и теория философии, диалектический и исторический материализм), какой удельный вес должны занимать каждая из них в общей системе знаний, даваемых этой наукой.

Два рассмотренных типа связей, исторические и структурные, обусловливают в исследовании два вида последовательности категорий при развитии науки.

Дело в том, что хотя в общей системе наук исследование исторических связей переплетается с исследованием связей структурных, тем не менее, в конкретном процессе познания на первый план может выступать то одна из них, то другая. Случаи эти нередко встречаются и в «Капитале». На один из них прямо указывает Маркс: «То, что раньше мы рассматривали как изменения, которые совершаются с одним и тем же капиталом *последовательно во времени* (историческая связь — *М. А.*), теперь мы рассматриваем как *одновременно существующие* (структурная связь — *М. А.*) различия между вложениями капитала, сделанными одно рядом с другим в различные сферы производства»[1].

Если перед исследователем стоит задача проследить в предмете исторические связи (а для этого необходимы определенные условия, каковых для некоторых наук, как например, для космогонии, как нам кажется, еще нет), то, естественно, логическая последовательность рассмотрения сторон предмета будет полностью соответствовать их временной последовательности в самой истории предмета. Каков ход исторического развития предмета, таков ход и логического движения категорий. И единство исторического и логического тут, конечно, налицо. Ведь задача состоит в том, чтобы выразить в логике историю развития во всех ее основных этапах.

Если же исследователем ставится цель дать не историю предмета, но его структуру, проследить структурные связи в предмете, как они сосуществуют в одно и то же время, то ясно, что он не может располагать категории в той последовательности, в которой исторически выступали соответствующие им отношения. Определяющим здесь должно быть место, роль, ка-

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1952, стр. 150. (Курсив наш — *М. А.*).

кую играет то или иное отношение в общей системе предмета. Так, если в буржуазном обществе товарные отношения обусловливают денежные отношения, а эти последние — отношения капитала, то и в научном их выведении категория товара должна предшествовать категории денег, а категория денег — категории капитала. Такая последовательность дает возможность проникнуть во внутренний механизм, в существенную структуру буржуазного производства. Рассматривая вопрос о последовательности категорий при исследовании структуры буржуазного общества, Маркс пишет: «Таким образом, недопустимым и ошибочным было бы брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствующим последовательности исторического развития»[1].

Подобное несовпадение исторической последовательности категорий (т. е. последовательности категорий в истории знания) с логической отмечает и К. А. Тимирязев. Историческое объяснение современного состояния органического мира началось с помощью морфологических исследований, в процессе применения сравнительного метода. Затем оно было дополнено физиологическими исследованиями с их экспериментальным методом. Наконец, это объяснение начали осуществлять, применяя к биологии исторический метод. Логически же в современной науке объяснение настоящего состояния органического мира строится иначе: на первом месте стоит физиологическое исследование, на втором — морфологическое, на третьем — историческое (дарвинизм)[2].

Однако все эти факты не говорят о том, что тут нарушается единство исторического и логического методов, о котором мы говорили выше. Единство это сохраняется, и выражается оно здесь в следующем. В истории всякое развитие идет от простого к сложному, развитие есть процесс усложнения, совершенствования. Но ведь это же имеет место и в логическом процессе развития мыслей при исследовании структуры предмета, его сосуществующих отношений; здесь также более простая категория (товар) рассматривается раньше более сложной (деньги). Совпадение это, конечно, не непосредственное, не прямое, а опосредствованное, косвенное. Его нельзя истолковывать в том вульгарном смысле, будто всякое изучение предмета должно

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1952, стр. 221.

[2] См. К. А. Тимирязев. Соч., т. VIII. 1939, стр. 124—125. О несовпадении логической последовательности с исторической см. также К. Ф. Огородников. Динамика звездных систем. М., 1958, стр. 7.

быть изучением его неповторимой и индивидуальной истории, а теория его должна быть не чем иным, как его хронологией.

Следовательно, единство исторического и логического методов исследования состоит не в том, чтобы всюду следовать за хронологией предмета, и не в том, чтобы отождествлять логику и историю предмета, а в том, что воспроизведение логики предмета в общем и целом совпадает с воспроизведением истории предмета. Последнее же обусловлено тем, что в самом предмете объективная логика, существенная закономерность его, связана с историей, с конкретным проявлением этой закономерности в том или ином отдельном случае.

Единство логического и исторического, соответствие первого второму является общим законом всякого правильного научного познания. Оно имеет место не только в политической экономии, не только в «Капитале» Маркса, логический анализ которого составляет одну из задач настоящей работы, но и в других науках. Чтобы убедиться в этом, сошлемся еще раз на теоретическую механику.

В теоретической механике, если она строится на основе логического метода, изложение начинается с раздела *статики*, занимающейся изучением условий равновесия тел. Затем переходят к *кинематике*, которая исследует движение, но с геометрической, абстрактной точки зрения. Наконец, излагают *динамику*, где движение тел берется уже в связи с теми физическими причинами, которые его определяют. Но такая же последовательность имела место и в истории развития теоретической механики, на что указывают сами специалисты в этой области знания. «Такой порядок изложения, — пишет один из представителей теоретической механики Е. Л. Николаи, — соответствует и историческому ходу развития механики. Основные теоремы статики были известны еще древним, плодотворное же изучение явлений движения стало возможным лишь в связи с изобретением анализа бесконечно малых в XVII веке»[1]. Следовательно, если бы мы начали излагать историю теоретической механики, мы также должны были бы начинать со статики, переходя затем к кинематике и динамике.

С проблемой исторического и логического тесно связан также вопрос о том, как относится развитие какого-нибудь понятия в истории мышления к развитию его в голове отдельного человека. Оно относится так же, как развитие какого-нибудь организма в истории к развитию его в отдельном зародыше. Понятия, возникшие первыми в истории человеческого мышления, в общем и целом вырабатываются первыми и в мышлении индивида. Так решает этот вопрос диалектическая логика. И в этом проявляется единство законов развития рода и индивида.

[1] Е. Л. Николаи. Теоретическая механика, ч. I. М., 1959, стр. 9. См. также М. М. Гернет. Введение в теоретическую механику и лекции по статике. М., 1959, стр. 11.

ГЛАВА V

ДИАЛЕКТИКА АНАЛИЗА И СИНТЕЗА

Анализ и синтез как логические приемы мышления широко используются в процессе познания действительности. Однако применение этих приемов носит стихийный характер и, следовательно, сопряжено с ошибками. Стихийное пользование анализом и синтезом к тому же малоэффективно. Поэтому логика и ставит перед собой цель осознать стихийно совершающиеся процессы анализа и синтеза, дать теорию этих процессов.

1. Общее понятие об анализе и синтезе

Проблема анализа и синтеза ставилась в истории науки и философии очень давно. Ею занимались еще древние греки. Эвклид в «Началах» рассматривает анализ и синтез как две разновидности дедуктивного умозаключения. «Анализ, — говорит он, — есть взятие искомого как допустимого путем последовательного вывода, приходящего к чему-нибудь, признаваемому за истинное. Синтез же есть взятие допустимого, из которого путем последовательного вывода получается нечто, признаваемое за истинное»[1]. В новое время анализ и синтез истолковываются как методы исследования. Ф. Бэкон на первый план выдвигает анализ—«разделение и разложение тел, сведение их к простым формам». Декарт пользуется анализом, но больше склонен «придерживаться определенного порядка мышления, начиная с предметов наиболее простых и легко познаваемых и восходя постепенно к познанию наиболее сложного», т. е. отдает предпочтение синтезу. Ньютон цель анализа видит в извлечении общих заключений из сложных явлений, в переходе от соединений к ингредиентам, в отличие от синтеза, который, по его мнению, состоит в выведении свойств и действий вещей из общих принципов. По Канту, аналитическая деятельность рассудка состоит в движении от обусловленного к принципам, синтетическая, наоборот, от принципов к обусловленному. Анали-

[1] «Начала Эвклида», книги XI—XV. 1950, стр. 287—288.

тический путь Кант называет регрессивным, синтетический — прогрессивным [1].

Никто из философов до Маркса не дал правильного, научного понимания взаимоотношения анализа и синтеза.

Наиболее близко к верному пониманию подошел Гегель, который увидел в них противоположно направленные и дополняющие друг друга моменты диалектического метода. Аналитический метод, согласно Гегелю, характеризуется движением от чувственно-конкретного к абстрактному, от особенного ко всеобщему, в противоположность синтетическому методу, при котором совершается обратное движение. «Философский метод, — пишет Гегель, — столь же аналитичен, сколь и синтетичен, однако это нужно понимать не в том смысле, что эти два момента конечного познания идут рядом или только чередуются, а нужно понимать так, что философский метод содержит их внутри себя как снятые, и, соответственно с этим, он в каждом своем движении в одно и то же время аналитичен и синтетичен» [2]. Но Гегель как идеалист не мог раскрыть подлинной основы аналитической и синтетической деятельности нашего мышления. По Гегелю, диалектический метод, отдельными моментами которого являются анализ и синтез, это всего «лишь движение самого понятия» [3]. Ясно поэтому, что и анализ с синтезом есть движение, точнее, самодвижение понятия. Никакой зависимости анализа и синтеза от объективного мира Гегель не признавал и не мог признавать. Равным образом не признавал он и влияния на эти формы познания человеческой материальной практики.

Необходимо четко различать два вида, или, точнее, аспекта, анализа и синтеза.

В простейшем своем виде анализ есть мысленное расчленение целого на части и познание этих частей как элементов сложного целого; синтез, напротив, есть мысленное соединение частей в целое, рассмотрение целого как сложного, состоящего из многих элементов. Когда лингвист в своем мышлении расчленяет речь на предложения, а предложения на слова, или когда химик разлагает сложное вещество на простые элементы, они занимаются анализом. Когда же перед ними стоит задача получить из простых элементов сложное целое, они совершают синтез.

Мышлению в одинаковой мере присущи как анализ, так и синтез; оно и разъединяет сознание на составляющие его элементы и соединяет эти элементы в целое. Ф. Энгельс говорит: «...мышление состоит столько же в разложении предметов сознания на их элементы, сколько в объединении связанных друг с другом элементов в единство. Без анализа нет синтеза» [4].

---

[1] См. И. Кант. Логика. Петроград, 1915, стр. 139.
[2] Гегель. Соч., т. VI, стр. 298.
[3] Гегель. Соч., т. I, стр. 3.
[4] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1955, стр. 40.

Элементарный анализ отличается тем, что в основе его лежат категории части и целого, между которыми хотя и существует диалектическое отношение (часть не существует вне целого, целого нет без частей), тем не менее отсутствует движение, развитие. Как известно, частью называется то, что в соединении с другими частями образует целое. Целым же называется то, что распадается на части. Особенностью отношения «часть — целое» является отсутствие между ними зависимости развития. Часть не развивается в целое, частью которого оно является, точно так же и целое не развивается в части. На этот недостаток категорий части и целого, лежащих в основе элементарного анализа и синтеза, указывает Энгельс. «...уже часть и целое, — пишет Энгельс, — это такие категории, которые становятся недостаточными в органической природе. Выталкивание семени — зародыш — и родившееся животное нельзя рассматривать как «часть», которая отделяется от «целого»: это дало бы ложное толкование» [1].

Элементарную форму анализа и синтеза довольно подробно изучила формальная логика. Анализ определяется в ней как метод разложения целого на части, а синтез — как «объединение частей в целое»[2]. Она установила и правила, по которым следует их производить, совпадающие с правилами деления. Так, при анализе и синтезе надо следить за тем, чтобы содержание целого и содержание составляющих его частей полностью соответствовали друг другу, т. е. были соразмерными. Нельзя, например, выделяя в марксизме части, указывать только диалектический и исторический материализм и политическую экономию (без теории научного коммунизма). Такое расчленение будет несоразмерным. Далее, анализ и синтез должны проводиться по одному основанию. Если мы выделим в философии такие направления, как материализм, субъективный идеализм, объективный идеализм, то допустим нарушение этого правила, ибо разделение идеализма на субъективный и объективный осуществлено на одном основании (в пределах самого идеализма), а выделение материализма — на другом (в зависимости от решения основного философского вопроса). Осуществляя анализ и синтез, нужно быть последовательным, не перескакивая через промежуточные звенья. Такой неоправданный логический скачок допущен в следующем расчленении: «СССР делится на Московскую область, Киевскую область, Минскую область и т. п.». Здесь опущены такие звенья, как союзные республики (РСФСР, УССР, БССР), на которые следует первоначально разделить СССР.

К сложным отношениям действительности, когда нужно воспроизвести самый процесс развития, применяется не элементарный анализ и синтез, а диалектический. Распространение на эти

---

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1955, стр. 168.
[2] W. Jevons. Leitfaden der Logik. Lpz. 1924, S. 216—217.

отношения элементарной формы анализа и синтеза ведет к грубым ошибкам и извращениям.

Диалектический анализ и синтез — это не просто процессы мышления, это такие процессы, которые вместе с тем характеризуют путь исследования, именно путь аналитический и синтетический. Диалектический анализ и синтез прилагаются к органическому «целому» и органической «части», которые уже не являются в собственном смысле целым и частью. Примером такого «целого» и «части» является человеческое общество с различными его внутренними связями и отношениями, моментами и ступенями. Производительные силы и производственные отношения, собственность и государство, надстройка и наука, язык и т. д., составляя общество, включаемые в его состав,— это не части общества, но его стороны, моменты, органически связанные между собой. Поэтому глубоко исследовать общество можно только пользуясь диалектическим, а не элементарным анализом и синтезом. К диалектическому анализу и синтезу прибегают всякий раз, когда предстоит изучить диалектическую природу предмета, диалектические его связи и отношения, когда стоит задача проследить развитие явления в целом или в отдельных составляющих его моментах.

2. Основные черты диалектического анализа и синтеза

Отличительная особенность диалектического анализа связана с прослеживанием в анализируемых явлениях диалектической связи развития. Диалектический анализ имеет дело с развивающимся объектом, выделяет в нем отдельные звенья, показывает, что эти звенья — составные элементы единого целого. Сложную диалектическую сеть явлений этот анализ представляет в разобранном до деталей виде. Поэтому необходимое условие такого анализа составляет констатация следующих двух обстоятельств: 1) никакое развивающееся явление не существует в чистом виде, а всегда связано с другими явлениями, всегда подвержено воздействию других фактов; 2) чтобы изучить явление, надо очистить его от побочных факторов, надо взять явление в идеальном, т. е. ничем не осложненном виде. В связи с этим анализ и создает идеальное явление, ибо только таким путем можно открыть закон, установить сущность предметов.

Вообще методом создания идеальных явлений пользуются все науки. Им пользуются в механике (где вырабатываются понятия абсолютно твердого тела, абсолютно пустого пространства, абсолютного движения, абсолютного времени); прибегают к нему в математике (понятия точки, геометрической линии, плоскости); физика также не чуждается метода установления идеализированных явлений (идеальный газ, абсолютно черное тело и т. д.); широкое распространение имеет он и в политической экономии.

Орудием анализа, выделяющего внутренние свойства и создающего идеальное явление, служит отвлечение (абстрагирование), которое может быть двух видов: 1) отвлечение от действия на данный предмет других факторов, 2) отвлечение от действия тех же самых факторов на другие свойства данного предмета. В обоих случаях отвлечение имеет не только негативный характер (отбрасывание привходящих моментов), но и позитивный, ибо при этом выделяются, удерживаются основные, существенные моменты. Отвлечение от побочных моментов достигается тем, что последние берутся как неизменные и таким образом действие их полностью исключается. Например, устанавливая прибавочную стоимость, Маркс отвлекается от случаев, когда рабочая сила продается выше или ниже ее стоимости, т. е. он выключает действие неэквивалентного обмена, отвлекается от прибыли и нормы прибыли, от конкретных форм проявления прибавочной стоимости. Такое отвлечение, при котором прибавочная стоимость берется как инвариантная, предполагает понимание внутренней природы предмета и вместе с тем открывает путь к еще более глубокому проникновению в его сущность.

Цель диалектического анализа состоит не в том, чтобы просто разложить, расчленить целое на элементы, но чтобы проникнуть в эти элементы, чтобы познать наиболее общие из них, установить связь между ними и вывести отсюда закономерность развивающегося целого.

Диалектический синтез имеет прямо противоположную задачу. Он должен восстановить разрушенное в результате анализа единство предмета, снова представить предмет как богатое многообразие вместе с воздействующими на него привходящими моментами. Цель синтеза — показать, какому изменению подвергается предмет со стороны тех несущественных обстоятельств, от которых пришлось отвлечься в процессе анализа. Если анализ дает предмет в его абстрактности, то синтез приводит к конкретному изображению предмета в формах его проявления. Это достигается посредством соотношения открытых в результате анализа отдельных закономерностей путем объяснения случаев, кажущихся противоречащими общему закону. Таким образом, синтез фактически дополняет анализ, находится с ним в единстве.

Единство анализа и синтеза видно на конкретном примере исследования Марксом закона стоимости, который мы уже разобрали выше. Как явствует из примера, первый этап этого исследования связан с анализом конкретных форм проявления стоимости и выделением из них самого закона—стоимости; второй этап—с синтезом, выведением из стоимости различных форм ее проявления, т. е. с образованием понятия меновой стоимости. Маркс говорит о двух указанных этапах исследования закона следующее: «Мы исходим из меновой стоимости,

или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости. Мы должны возвратиться теперь к этой форме проявления стоимости» [1].

Таким образом, применяя диалектический анализ и синтез, Маркс не только вскрыл в явлении (меновой стоимости) сущность (стоимость), но и объяснил явление из сущности, вывел первое из второй. И это выведение явления из сущности, доказательство отклонения цен от стоимости возможно только на основе закона стоимости.

Диалектический анализ выражается также в движении от сложного к простому, от обусловленного к условию, от действия к причине, от случайного к необходимому. Диалектический синтез, напротив, осуществляется в движении от простого к сложному, от условия к обусловленному, от причины к действию, от необходимого к случайному. Необходимость этих двух движений и единство их обусловлено тем, что в самой действительности имеется и простое и сложное, и действие и причина и т. д., которые образуют единую связь.

Когда Маркс расчленяет сложное капиталистическое производство на две его простейшие сферы: производство и обращение, он осуществляет анализ, ибо идет от сложного к простому. Когда же он затем, в III томе, снова берет процесс производства и процесс обращения в единстве, он совершает синтез. Вскрывая в различных денежных выражениях стоимости, в ценах, их основу — стоимость, Маркс идет от обусловленного к условию. Напротив, выводя из стоимости эти различные формы ее проявления, он восходит от условия к обусловленному. Опять имеем анализ и синтез. При выведении всеобщей формулы капитала из многообразия частных, конкретных его форм, Маркс пользуется анализом. Рассматривая особенные формы капитала—торговый и ростовщический — на основе общей формы капитала, он, наоборот, пользуется синтезом. Следовательно, Маркс одновременно пользуется и анализом и синтезом.

Особое значение имеет диалектический анализ и синтез при исследовании противоречий предметов, при изучении в них единства и борьбы противоположных сил и тенденций. При этом, когда исследователь, установив противоречие, раскрывает в нем отдельные противоположности, подвергаемые им раздельному изучению, он производит анализ. Когда же он выявляет связь противоположностей, взаимное проникновение их друг в друга, он совершает синтез.

Начиная свой «Капитал» с анализа товара, этой «клеточки» буржуазного производства, Маркс разлагает товар на составляющие его противоположности: потребительную стоимость и меновую стоимость. Потребительная и меновая стоимость находятся в товаре в нерасторжимом единстве, а Маркс в целях иссле-

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 54.

дования разделяет их, рассматривает порознь. Сначала рассматривается потребительная стоимость, раскрывается ее сущность и значение, определяется, предметом исследования какой науки она выступает. Затем столь же отдельно рассматривается меновая стоимость, в которой Маркс видит не что иное, как форму стоимости. Аналогичным способом исследуется труд, создающий товары. Этот труд также заключает в себе противоположности, взаимно предполагающие и исключающие друг друга (конкретный и абстрактный труд) и исследуемые Марксом также порознь, хотя в действительности они и существуют вместе, находятся в единстве.

Следовательно, рассматривая потребительную и меновую стоимость в единстве, во взаимном проникновении, так же как конкретный и абстрактный труд, выявляя зависимость одной противоположности от другой, Маркс осуществляет синтез. Этот диалектический синтез имеет целью воссоздать единство противоположностей, причем в их борьбе, в развитии и в разрешении, вплоть до превращения в другие противоположности.

Наконец, отметим еще одну особенность диалектического анализа и синтеза.

В связи с тем, что задачей анализа является нахождение простого в сложном, выявление по следствию основания, по действию причины, переход от случайности к необходимости, от обусловленного к условию, в нем направление движения исследования имеет характер, обратный естественному порядку вещей. Когда мы анализируем развитие какого-либо предмета, мы фактически начинаем с того, чем является предмет в момент исследования, а не с того пункта, с чего началось его действительное развитие; т. е. начинаем, по существу, с конца, а не с начала. Аналитический путь познания характеризуется как раз этим направлением движения мысли. Анализируя следствие (действие) и устанавливая по ним основание (причину), исследуя обусловленное и переходя от него к самому условию, мы избираем путь, обратный действительному ходу движения предмета (в действительности причина порождает действие, основание предшествует следствию, а не наоборот). Эту специфику аналитического пути познания, обусловленную объективными данными, которыми располагает исследователь, имел в виду Маркс, когда он писал: «Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается post festum (задним числом), т. е. исходит из готовых результатов процесса развития»[1].

Иное дело при синтетическом познании — как это явствует уже из самой его противоположности аналитическому познанию.

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 82.

Здесь исследователь избирает путь, соответствующий действительному развитию предмета. В реальной действительности причина порождает действие, условие предшествует обусловленному, из простого развивается сложное, а не наоборот. Точно так же и в синтетическом познании исследователь идет от причины к действию, от простого к сложному. Показательным в этом отношении является выведение Марксом денег из товара. В действительной истории деньги возникли из товара на определенной ступени развития товарообмена, пройдя перед этим ряд ступеней — случайная форма, развернутая форма, всеобщая и, наконец, денежная форма. Таким же путем идет и Маркс, выводя синтетически сначала единичную форму стоимости, затем из нее — особенную, наконец — всеобщую, переходящую в денежную форму. Синтетическое исследование по сравнению с исследованием аналитическим является более трудным, ибо требует прослеживания самого развития. Оно по своему характеру является генетическим. Трудность, говорил Маркс, состоит не в том, чтобы понять, что деньги есть товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами.

Из различий сущности анализа и синтеза вытекает последовательность их применения в познании. Поскольку анализ начинает с имеющегося результата развития и приводит затем к исходному пункту этого развития, его применение в исследовании должно предшествовать применению синтеза. Чтобы начать синтезировать сложное целое из отдельных элементов, чтобы развить высшее из низшего, надо сначала путем анализа выделить эти элементы в познании, т. е. это низшее. Синтез начинает с того, чем заканчивается анализ.

К. Маркс прямо говорит о том, что анализ является предпосылкой синтеза, генетического исследования. «...анализ является необходимой предпосылкой генетического изложения, понимания действительного процесса развития в его различных фазах»[1]. Поэтому анализ (аналитическое познание) более понятен и более пригоден для целей популяризации, чем синтез. Зато синтез, синтетическое познание более соответствует научной обработке материала, систематическому изложению науки. Когда, например, стоит задача изложить систему формальной логики для лиц, впервые приступающих к ее изучению, то методом изложения должен быть аналитический метод. В этом случае начинают с целого (с умозаключения, с доказательства) и затем путем ряда последовательных расчленений приходят к более простым, абстрактным моментам, каковы суждения, понятия, термины. Этим же методом пользуются и тогда, когда наука только что возникает, как было, например, с той же логикой ко времени ее

---

[1] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 366.

изложения Аристотелем (как известно, Аристотель начинал с умозаключения, переходя потом к суждению и понятию). Если ставится другая цель — изложить науку в ее необходимости, в форме генетического выведения сложных категорий из простых, то применяется синтетический метод. Изложение логики синтетическим путем впервые осуществил Гегель.

Следовательно, взятые в своей противоположности анализ и синтез относятся между собой так, что первый из них предшествует второму. Об этом мы уже говорили в главе, посвященной методу восхождения от абстрактного к конкретному, и сейчас нет нужды снова на этом останавливаться.

Сошлемся лишь на пример последовательного диалектического применения анализа и синтеза в биологической науке. К. А. Тимирязев в «Жизни растения» намечает и практически осуществляет два пути исследования жизни растения: аналитический и синтетический, или, как он его называет, «восходящий синтетический путь». Аналитический путь исследования растения связан с мысленным разложением растения на отдельные органы, органы на клеточки, клеточки на ее составные части и с изучением этих частей в их отдельности, чтобы выявить главное, существенное. К. А. Тимирязев пишет: «Мы разложили растения на органы, органы на клеточки... Нам необходимо заглянуть в ее внутренность, в ту микроскопическую лабораторию, где вырабатываются все бесчисленные вещества, которые производят растение, ознакомиться с этими веществами и разложить их на их составные, простые начала»[1]. Аналитический путь предшествует синтетическому пути, на котором раскрывается жизнь целого растения, показывается развитие его, происхождение высшего из низшего. «...Прежде чем выступить на этот постепенно восходящий синтетический путь, нам необходимо, — говорит К. А. Тимирязев, — проникнуть еще глубже в нашем анализе»[2]. Пройдя аналитический путь исследования, К. А. Тимирязев становится на путь синтетический. Здесь он генетически развивает одну категорию из другой, показывает, как произошло образование органических форм, что являлось движущей силой постоянной смены одних форм жизни другими. Он излагает эволюционное учение Ч. Дарвина. Задачу физиолога, осуществляющего синтетический путь исследования, К. А. Тимирязев видит в следующем: «Изучив жизнь отдельных органов и прежде всего элементарного органа, из которого слагается все остальное, т. е. клеточки, изучив общую картину взаимодействия органов, т. е. совокупную жизнь целого растения, он (физиолог — *М. А.*) стремится понять, насколько это доступно, жизнь всего растительного мира, рассматриваемого

---

[1] К. А. Тимирязев. Жизнь растения, стр. 63.
[2] Там же, стр. 62.

как целое, и этим путем пытается пролить свет на самый широкий и загадочный вопрос — вопрос о происхождении растения и о причине его совершенства, или, другими словами, вопрос о гармонии, о целесообразности органического мира»[1].

Таким образом, и здесь мы видим, что аналитический путь исследования предшествует синтетическому пути.

3. Единство анализа и синтеза

Однако сказанное вовсе не означает, будто можно ограничиться в исследовании анализом без синтеза или синтезом без анализа. В реальном процессе познания исследователь пользуется одновременно и тем и другим. Более того, всякий анализ включает в себя элементы синтеза; точно так же в логический способ синтеза включаются элементы анализа. Хорошим подтверждением этому служит «Капитал» Маркса.

Когда Маркс раскрывает в товаре потребительную и меновую стоимости, он совершает анализ. А когда он, опираясь на меновую стоимость, развивает различные формы стоимости, он пользуется синтезом. Далее. Понятие прибавочной стоимости Маркс аналитически выводит из прибыли; но в то же время он синтетически развивает его из предшествующего понятия стоимости. Таким образом, если взять диалектический процесс познания в целом, как он и существует в действительности, а не разбивать его на отдельные разрозненные части, то в нем анализ и синтез даны в единстве. То, что в одной связи, в одном отношении выступает как анализ, в другой связи, в другом отношении предстает как синтез, и наоборот. Одно и то же исследование является одновременно и аналитическим, и синтетическим. Исследование Марксом меновой стоимости аналитично, поскольку он вычленяет ее в товаре, и синтетично, поскольку Маркс выводит из нее различные, обусловливаемые ею формы (случайную, развернутую и др.).

Из сказанного видно, что в общем процессе познания как анализ, так и синтез имеют каждый свою долю участия и по-своему содействуют достижению истины. При помощи анализа мы достигаем абстрактных, общих моментов, при помощи синтеза мы развиваем из этих абстрактных моментов целую систему знания.

В идеалистической и метафизической философии по вопросу об анализе и синтезе высказываются различные ошибочные взгляды и концепции. Разберем коротко некоторые из них.

Прежде всего, широко распространена точка зрения, согласно которой анализ и синтез суть специфические мыслительные приемы, никак не связанные с объективным миром и практикой человека. Этот идеалистический взгляд высказывали еще Платон и Гегель, Юм и Кант и др. Его разделяют махисты, фено-

[1] К. А. Тимирязев Жизнь растения, стр. 62—63

менологисты, позитивисты, прагматисты и другие представители идеалистической философии. Никаких серьезных аргументов в защиту указанной точки зрения не приводится, да их и нельзя привести из-за ее явной ошибочности.

Конечно, анализ и синтез рассматриваются в логике прежде всего как логические, мыслительные операции, связанные с действиями над понятиями. Это бесспорно. Бесспорно также и то, что эти мыслительные операции не могут заменить собой реальные, материальные расчленения вещей на элементы и соединение, синтез этих элементов в целое. Но одно дело отличие логических операций от явлений объективного мира, и другое дело отрыв их от последних. Отличать мысли от вещей необходимо, но отрывать ошибочно, вредно. Мысль не только связана с объективным миром своим содержанием, она черпает из него это содержание. Сами приемы и операции мышления, в том числе анализ и синтез, обусловлены объективным миром.

В объективной действительности существуют такие процессы, которые являются материальными прообразами логических приемов анализа и синтеза. Например, разрушение горных пород, их выветривание и размывание, разложение в процессе гниения органических веществ на элементы, избирательная деятельность корневой системы растений и т. п. — что это, как не объективные прообразы логического анализа? Или процесс образования почвы, речных наносов, процесс ассимиляции, усвоения организмом новых веществ и т. д., — разве это не прообразы логического синтеза, совершаемого нашим мышлением?

Встречаясь с подобными процессами, наталкиваясь на них, человек уподобляет им свои практические действия. Аналогично природе он разлагает вещества и соединяет их, разбивает тела и объединяет их в одно целое. Сначала человек научается анализу и синтезу в практике, добывая непосредственно предметы первой необходимости. Затем он вырабатывает в формирующемся (под действием той же практики и на основе ее) мышлении логические приемы анализа и синтеза, научается способности анализировать и синтезировать уже в своих мыслях. Без анализа и синтеза в самой практической деятельности не могло бы сложиться и теоретического анализа и синтеза.

Второе извращение вопроса об анализе и синтезе идет по линии метафизики, антидиалектики.

Многие буржуазные философы утверждают, что анализ никак не связан с синтезом, что можно анализировать, не синтезируя, точно так же, как можно синтезировать, не анализируя. В свете изложенного совершенно очевидно, что такой взгляд является ошибочным, антидиалектическим. Анализ и синтез, как вообще все полярные противоположности, можно резко противопоставлять лишь в небольших, довольно узких пределах, — когда речь идет об отдельном акте мышления вне его всеобщей связи со всем процессом познания. Но как только этот акт мыш-

ления берется во всеобщей связи с другими актами, так противопоставление анализа синтезу теряет всякий смысл. То, что здесь или теперь является анализом, становится там или тогда синтезом, и наоборот.

Другие буржуазные философы ведут метафизическое извращение анализа и синтеза по линии абсолютизации то одного из них, то другого. А. Бергсон, например, абсолютирует синтетическую деятельность мышления и недооценивает аналитическую деятельность. Для А. Бергсона только синтез может позволить создать о вечном потоке вещей адекватное представление. Анализ же губит всякую жизненность, ибо безжалостно раскалывает вещи на мертвые элементы. Неопозитивисты, представители так называемого «логического анализа» (Витгенштейн, Б. Рассел и др.), подвергают абсолютизации другую сторону единого познавательного процесса — анализ—и недооценивают синтез. Они считают, что только анализ, расчленение целого на части в состоянии обеспечить достижение истинных предложений науки. С их точки зрения, вся философия сводится к анализу, притом к анализу логических высказываний. Как известно, философская позиция логических позитивистов порочна. Они отрицают всякую философию, выдвигая ошибочный лозунг «наука сама себе философия». Столь же порочно и их понимание логических процессов анализа и синтеза. Отрицая синтез, они фактически отрицают и анализ, ибо анализ может существовать только в связи с синтезом, в единстве с ним.

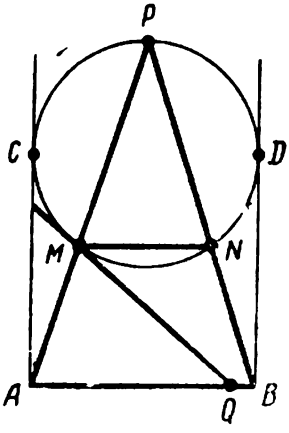
Велико значение анализа и синтеза (как элементарного, так и диалектического) в конкретных науках.

При образовании понятия «натуральное число» в математике мы сначала выделяем целые и положительные числа, т. е. пользуемся элементарным анализом. Затем, находя общие признаки этих чисел, объединяя их в один класс, мы прибегаем к элементарному синтезу. Или в геометрии, рассматривая вопрос об измерении площади круга, мы разрезаем его на секторы, т. е. расчленяем на части, совершая тем самым анализ. Объединяя потом эти секторы в фигуру, по форме близкую к фигуре прямоугольника, мы совершаем синтез.

Анализ и синтез применяются при доказательстве теорем. Доказать теорему — это значит связать условия доказываемой теоремы с ее заключением. Это осуществимо двояко: синтетически (когда отправляются от условия и, пользуясь известными предложениями, получают заключение как логическое следствие) или аналитически (когда, отправляясь от заключения и так же пользуясь известными предложениями, показывают, что заключение является логическим следствием условия). При анализе идут от неизвестного, подлежащего доказательству, к известному, доказываемому; в синтезе, наоборот, от известного, доказанного к неизвестному, подлежащему доказательству.

Приведем пример аналитического и синтетического доказательства в математике (решение задачи Паппа)[1].

Даны по величине и положению круг PMN и отрезок прямой AB (см. чертеж). Требуется найти на окружности круга точку P, такую, чтобы точки пересечения M и N линии AP и BP с окружностью лежали на прямой MN, параллельной AB.



Аналитическое доказательство

Задача будет решена, если мы будем знать отрезок AQ, отсекаемый на AB касательно к точке M к окружности. Следовательно, надо определить AQ. Треугольник AMQ подобен APB, так как угол Q равняется углу NMQ (вследствие параллельности AB и MN), а последний в свою очередь будет равняться углу APB (как опирающийся на одну и ту же дугу MN); наконец, угол A в обоих треугольниках общий. Отсюда $AB : AP = AM : AQ$ или $AB : AQ = AP : AM$. Стоящее в правой части произведение $AP \cdot AM$ будет равно квадрату касательной AC, проведенной из точки A к окружности MPN : $AB \cdot AQ = AC^2$, что вполне определяет $AQ = \frac{AC^2}{AB}$, которая таким образом может быть построена.

Синтетическое доказательство

Проводим касательную BD к окружности. Тогда $BP : BD = BD : BN$, откуда $BP : BN = BP^2 : BD^2$. Точно так же получаем $AP : AM = AP^2 : AC^2$. Вследствие параллельности MN и AB имеем $AP : AM = BP : BN$, поэтому $AP^2 : AC^2 = BP^2 : BD^2$ и $AP : AC = BP : BD$. Отсюда следует, что надо строить треугольник APB, стороны которого AP и BP находятся в данном отношении, а вершина P лежит на данной окружности. Точка P получается как пересечение последней с окружностью, являющейся геометрическим местом точек с данным отношением расстояний от двух точек A и B.

Как и в математике, анализ и синтез находит свое применение в физике, химии, биологии и других науках. И как там, так и здесь, они связаны между собой, образуя единство. Подбор для доказываемого предположения целесообразного основания (выбор одного из многих) аналитичен. Но он вместе с тем и синтетичен, ибо устанавливает логическую связь между основанием и следствием.

[1] См. приложение к «Началам Эвклида», книги XI—XV. М.—Л., 1950, стр. 296—297.

ГЛАВА VI

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНДУКЦИИ И ДЕДУКЦИИ

Индукция и дедукция как методы научного диалектического исследования связаны с категориями единичного и общего. Поэтому вполне естественно начать их изложение с этих именно категорий.

Единичное и общее, подобно другим категориям материалистической диалектики, выражают наиболее общие связи и отношения действительности, они существуют помимо воли и сознания людей и лишь отображаются в нашем мышлении. Глубоко ошибаются «реалисты», когда они утверждают, будто в самих вещах нет общего, будто общее существует в виде идеи, которая предшествует вещам и не зависит от них. С точки зрения диалектического материализма, общее имеется в самих вещах объективного мира и неотделимо от них. Точно так же нельзя признать правильной позицию «номиналистов», для которых общее — это лишь имя, название, что же касается вещей, то они якобы единичны. Отрицание общего в действительности, равно как и отрицание единичного в ней, означает метафизику и, в конце концов, приводит к идеализму.

1. Объективная основа индукции и дедукции

Единичным называется свойство или отношение, присущее только одному предмету. Оно называется единичным потому, что у других индивидов этого свойства нет. Например, признак СССР — быть родиной первого искусственного спутника Земли, является единичным, неповторимым признаком, потому что другой такой страны на земле нет. Общий признак, напротив, свойственен всем предметам данного класса. Признак «страна социалистического лагеря» будет для СССР общим, так как помимо СССР он присущ всем странам, входящим в социалистический лагерь.

В каждом предмете, в любом явлении и процессе имеются как единичные, так и общие признаки (а также особенные, но они нас здесь не интересуют). Нет вещей только единичных, не имеющих ничего сходного с другими вещами, как нет вещей лишь общих, без специфического своеобразия.

Присущие вещам и явлениям единичные и общие признаки образуют диалектическое противоречие: взаимно отрицая друг друга, они в то же время предполагают, дополняют друг друга.

Единичное противоположно общему, ибо присуще только одному предмету, общее противоположно единичному, поскольку свойственно всем предметам. «Один» и «все» — это противоположности. Вместе с тем единичное существует лишь в связи с общим, через общее; общее дано только через единичное. Более того, единичное и общее при известных условиях переходят друг в друга. То, что здесь или теперь является единичным, становится там и тогда общим, и наоборот. Коммунистическая партия есть единичная, особенная, специфическая партия в ряду других партий современного общества. Но эта партия есть общее в том смысле, что охватывает собой Коммунистическую партию СССР, Коммунистическую партию Китая, Коммунистическую партию Франции и др.

Единичный признак в определенном смысле является общим, поскольку иметь единичный признак есть общее свойство всех предметов. С другой стороны, единичен и общий признак, ибо он в различных предметах проявляется особо, единично.

Так как вещи представляют собой единство единичных и общих признаков, то, познавая их, люди имеют дело как с теми, так и с другими. Познавая единичные признаки, люди сталкиваются с признаками общими и также отображают их в своем сознании. Раскрывая общие признаки, они вынуждены прибегать к отображению единичных признаков. Изучение тех и других признаков имеет огромное теоретическое и практическое значение. Знание единичного, выражающего различие, специфику предметов, позволяет конкретно подходить к вещам объективного мира, делает нашу деятельность (практическую и теоретическую) вполне определенной, свободной от какой-либо расплывчатости. Знание общего, выражая тождество, закон, сущность вещей, придает нашим действиям планомерный, целенаправленный характер, избавляя нас от блужданий в потемках, от действий наощупь. Благодаря знанию общего становится возможным научное предвидение.

Таким образом, чтобы полностью знать предмет (а это нужно для всестороннего его использования в практике), необходимо владеть как единичными его признаками, так и общими, необходимо знание общего дополнить знанием единичного, конкретного. О сочетании общего и особенного (конкретного) говорится в «Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран»: «Коммунистические и

рабочие партии социалистических стран должны твердо придерживаться принципов сочетания всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой революции и строительства в своих странах, творчески применять общие закономерности социалистической революции и социалистического строительства в соответствии с конкретными условиями своих стран, учиться друг у друга и обмениваться опытом»[1].

В процессе познания, мышления мы не только познаем единичное и общее, мы переходим от первого ко второму и от второго к первому. Переход от единичного к общему образует индукцию (наведение), напротив, движение от общего к единичному составляет дедукцию (выведение).

Различают индукцию и дедукцию элементарную и диалектическую. Это различие связано с двумя видами единичного и общего, существующими в объективной действительности.

Есть единичное и общее, которые относятся друг к другу как индивид и вид, или вид и род, например, Иван и человек. Иван как индивид есть единичное, человек как род есть общее. Характерной чертой указанного единичного и общего является то, что они не относятся друг к другу как ступени развития, как низшее и высшее, предшествующее и последующее. Иван (единичное) не существует раньше человека (общего), точно так же и человек (общее) не дан раньше Ивана (точнее, раньше индивидуумов). Не выражая самого процесса развития, эти категории даны вместе, одновременно. Иван существует вместе со свойствами человека, человек существует вместе со свойствами какого-то индивида (Ивана, Петра и т. д.).

Вторая отличительная особенность рассматриваемого единичного и общего состоит в наличии у них следующего свойства. То, что относится к общему, полностью и без всяких оговорок относится к единичному. О человеке мы можем сказать, что он — живое существо. Это же относится и к Ивану, Петру и вообще к любому индивидуальному лицу. То, что присуще или не присуще роду, обязательно присуще или не присуще виду и индивиду. В формальной логике это свойство называется принципом силлогизма.

Такая возможность переноса признаков с общего на единичное (точнее на отдельное) вовсе не означает, будто общее есть лишь сумма единичного, или что единичное есть только проявление общего. А между тем подобные взгляды широко распространены в буржуазной философии. Позитивисты (Б. Рассел и др.) и вообще эмпирики считают, что общее не существует иначе, чем в виде собрания единичных фактов. Идеалисты объективного направления, отдавая предпочтение общему, заявляют, что оно лежит в основе единичного, которое является всего лишь прояв-

[1] Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года. Госполитиздат, М., 1957, стр. 15.

лением общего. С этим нельзя согласиться. Сколько бы мы ни складывали единичных признаков, мы никогда не получим из них общего, а будем иметь то же единичное, только в суммарном виде. Общее есть нечто большее, чем сумма единичных признаков, оно качественно отличается от этой суммы.

Точно так же, как бы ни проявлялось общее, какие бы стороны своего обнаружения оно ни принимало, его проявление еще не создает единичного. Форма проявления общего — это одно, а единичное есть нечто другое, хотя и диалектически связанное с первым. Форма проявления общего возникает вследствие того, что оно связывается с тем или иным единичным, но не от того, что оно полностью отождествляется с единичным, что вообще невозможно. Из общего нельзя вывести все многообразие единичного. Если бы дело обстояло иначе, тогда достаточно было бы знания одних общих принципов, чтобы с успехом и без труда достигать результатов в практической и теоретической деятельности. Как известно, жизнь показывает обратное: с одним общим знанием без учета особенностей конкретной обстановки ничего сделать невозможно.

Кроме отмеченного простейшего вида единичного и общего, в реальной действительности встречается и более сложный вид, более сложная форма единичного и общего, связанная с категорией развития, выражающая самый процесс развития. Примером такого вида единичного и общего могут служить имевшие место в истории товарообмена единичная и общая формы стоимости. Форма стоимости «x товара A = y товара B» является единичной, поскольку здесь один товар (A) обменивается на другой (также один) товар (B). Форма стоимости «y товара B, z товара C и q товара Д и т. д. = x товара A» является общей, ибо тут все товары обмениваются на один товар (а посредством него и между собой). В этих двух формах стоимости мы имеем дело не с отношением индивида и рода (как в случае с Иваном и человеком), а с отношением ступеней развития. Единичная форма стоимости есть низшая ступень развития, общая форма, как появившаяся позже, — высшая ступень развития формы стоимости. Эти формы существуют не вместе, но раздельно, в разное время (если иметь в виду один и тот же общественный коллектив). Другим примером единичного и общего, выступающих ступенями развития, являются единичная и общая ступени в познании закона превращения энергии, о котором говорит Энгельс в «Диалектике природы» [1].

В этом состоит первое отличие данного вида единичного и общего от того, который был рассмотрен выше.

Второе отличие заключается в невозможности формального переноса признаков с общего на единичное. Не все то, что

---

[1] См. Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1955, стр. 177—179.

присуще общему, может быть перенесено на единичное. Возьмем приводившийся уже выше пример. Общим законом для товаров является обмен их по стоимости. Но этого никак нельзя сказать о каждом отдельном товаре, который может обмениваться (и как правило обменивается) не по стоимости, а всегда выше или ниже ее. Другой пример: общим законом буржуазной революции является то, что гегемоном в ней выступает буржуазия. Но это общее нельзя переносить на русскую буржуазную революцию 1905 г., имеющую специфический характер. Забвение этой специфики приводит, как увидим дальше, к серьезным ошибкам.

Элементарная индукция и дедукция связаны с таким единичным и общим, которые относятся друг к другу как индивид (вид) к роду. Они служат предметом исследования формальной логики, где рассматриваются главным образом в плане индуктивного и дедуктивного умозаключений. В индуктивном умозаключении на основании принадлежности какого-либо признака к отдельным, единичным предметам, делают вывод о принадлежности этого признака всем предметам (данного класса). Например, на основании того, что кусок металла, камень, палка, живое существо, подброшенные в воздух, падают обратно на землю, заключают, что все тела падают на землю. Индукция — наиболее доступный и наиболее легкий вид умозаключения. Но он и наименее надежный, поскольку не гарантирует от наличия противоречащего случая. Индуктивный вывод всегда неполон и потому может быть только вероятным. «Самая простая истина, самым простым, индуктивным путем полученная, всегда неполна, ибо опыт всегда незакончен» [1].

В дедуктивном умозаключении, на основании принадлежности (непринадлежности) какого-либо признака всем предметам, делается вывод о принадлежности (непринадлежности) его отдельному предмету, входящему в класс этих предметов. Так, зная, что все четные числа делятся на два, умозаключают, что и число 284, являющееся четным, также делится на два. В отличие от индуктивного умозаключения дедуктивное умозаключение дает достоверный вывод (это связано, как мы видели, со свойством родо-видовых отношений), но оно в своем выводе содержит мало новых знаний. Новизна дедуктивного вывода не выходит за пределы предметов, которые имеются в посылках («всякое четное число» уже содержит в себе и число 284). Но эта новизна, вопреки мнению позитивистов, все же имеется, она выражается в новой форме связи, имеющейся в выводе.

2. Индукция и дедукция в диалектическом мышлении

Диалектические индукция и дедукция, составляющие предмет исследования материалистической диалектики как логики, свя-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 171.

заны со вторым из рассмотренных видов единичного и общего. К этому виду единичного и общего неприменимы индуктивные и дедуктивные умозаключения формальной логики, ибо тут нет родо-видовых отношений. Продажа отдельного товара по стоимости не есть частный случай (в обычном его понимании) закона стоимости. Из того обстоятельства, что отдельные товары продаются по стоимости или не продаются по стоимости, нельзя делать индуктивного вывода, что тут действует или не действует закон стоимости. Точно так же из общего факта действия закона стоимости неправомерно дедуктивно умозаключать, что каждый товар должен обязательно продаваться по стоимости. А ведь такие именно метафизические выводы и пытался делать, как это мы отмечали выше, Д. Рикардо. Диалектическое использование индукции и дедукции, при котором учитывается не только общее, но и особенное, лишено недостатков, свойственных метафизическому их использованию. Приведем пример.

Накануне 1905 г. перед русскими большевиками стоял вопрос, кто должен стать гегемоном в предстоящей революции. Условия решения были таковы: все предыдущие революции XVIII и XIX вв. были буржуазными, русская революция по своему характеру также будет буржуазной. Меньшевики, исходившие из той теоретической предпосылки, что возможно только одно отношение единичного и общего, отношение индивида и рода, делали силлогистический вывод: так как революция будет буржуазная, гегемоном русской революции должна быть буржуазия. Критикуя меньшевиков, В. И. Ленин говорил: «Выводить конкретные положения об определенной тактике в определенном случае, об отношении к различным партиям буржуазной демократии из общей *фразы,* об «общем характере» революции, вместо того, чтобы этот «общий характер русской революции» выводить из точного разбора конкретных данных об интересах и положении различных классов в русской революции; — разве же это не подделка? Разве это не явная насмешка над диалектическим материализмом Маркса?

Да-да, нет-нет, а что сверх того, то от лукавого! Либо буржуазная, либо социалистическая революция, а остальное можно «вывести» из основного «решения» посредством простых силлогизмов!» [1].

Жизнь опровергла вывод меньшевиков и показала несостоятельность способа их рассуждения. Ленин и большевики рассуждали иначе. Верно, говорили они, что общим законом всех предшествовавших буржуазных революций является гегемония в них буржуазии. И верно, что русская революция будет буржуазной. Но это такой общий закон, который при сложившихся в России условиях, и вообще в новых условиях, не исключает особенностей, специфического, а наоборот, предполагает его.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 372.

Сила и сознательность русского пролетариата, союз пролетариата с крестьянством, с одной стороны, и, с другой стороны, слабость и трусость буржуазии, желающей идти на компромисс с царизмом, ведут к тому, что гегемоном русской революции будет пролетариат. Ленин имел в виду такое общее: в классических буржуазных революциях гегемоном являлась буржуазия, (другого общего тогда не существовало). Но он учитывал, что это общее в его проявлении в конкретной действительности включает в себя много разнообразных особенностей. Учитывая эту конкретную действительность, Ленин сделал заключение: гегемоном в русской буржуазной революции должен быть пролетариат. Это был «дедуктивный» (в кавычках) вывод, ибо в нем на основании общего делалось заключение о единичном, конкретном (о русской революции), но не формально-дедуктивный вывод, не силлогизм, так как он здесь неприменим. Вывод этот был совершенно новый, он не повторял того, что было в общем исходном положении, в посылке, как это, по существу, имеет место в силлогизме. Причем настолько новый, что многие считали его даже парадоксальным, недоумевая, как это в буржуазной по своему характеру революции гегемоном должен быть пролетариат?

Вывод Ленина подтвердился на опыте революции 1905 г., в которой гегемоном действительно был пролетариат, а не буржуазия. Опираясь на этот единичный русский опыт, коммунисты затем сделали общий вывод о гегемоне в буржуазных революциях эпохи империализма: во всякой буржуазной революции эпохи империализма, говорили и говорят они, — гегемоном является пролетариат. И этот вывод носил не вероятный, а вполне достоверный характер.

Классическим примером применения диалектической индукции и дедукции, притом в их наиболее полной и систематической форме, служит «Капитал» Маркса. Правда, индукция здесь играет вспомогательную роль. Это объясняется тем, что книга К. Маркса представляет собой уже результат предварительного исследования, в нем не зафиксирована подготовительная работа Маркса по собиранию материала и его анализу.

Индукция встречается в «Капитале» уже в первой главе. Мы указывали, что, исследуя то общее, что лежит в основе обмениваемых товаров, Маркс начинает с меновой стоимости, с различных пропорций, в которых одни товары обмениваются на другие. Выявив это общее, Маркс говорит, что им является стоимость, овеществленный труд. Но различные пропорции, в которых обмениваются товары друг на друга, есть нечто особенное, специфическое. Следовательно, движение от меновой стоимости к стоимости есть индукция, индуктивный путь исследования.

Далее, анализируя во II томе (см. XV гл.) вопрос о влиянии времени оборота на величину авансированного капитала, Маркс берет сначала отдельные случаи (рабочий период равен перио-

ду обращения; рабочий период больше периода обращения; рабочий период меньше периода обращения), а затем уже на основании этих рассмотренных случаев делает обобщающий индуктивный вывод, формулируя охватывающий их закон.

Дедукцией Маркс пользуется на каждом шагу, она, можно сказать, является у него основным средством, с помощью которого он излагает в «Капитале» науку политической экономии. И это не случайно. Марксова дедукция — это опирающееся на развитие генетическое выведение одних отношений из других, это переход от всеобщих форм к особенному их проявлению. О такой дедукции Энгельс справедливо писал: «...вся классификация организмов благодаря успехам теории развития отнята у индукции и сведена к «дедукции», к учению о происхождении—какой-нибудь вид буквально *дедуцируется* из другого путем установления его происхождения, — а доказать теорию развития при помощи одной только индукции невозможно, так как она целиком антииндуктивна»[1].

Начиная с товара и переходя затем последовательно к деньгам, к капиталу, к прибавочной стоимости, к заработной плате и т. д., Маркс совершает движение от общего к особенному, т. е. пользуется дедукцией. Товар есть общее, наиболее общее отношение в системе буржуазного производства, он лежит в основе всех других капиталистических отношений. Товарные отношения можно найти и в деньгах, являющихся всего лишь развитием товара, и в капитале, и в прибавочной стоимости, и в заработной плате, и в земельной ренте и т. д. Деньги, по сравнению с товаром, есть нечто единичное, особенное, они — особый товар, исполняющий функцию всеобщего эквивалента. Движение от товара к деньгам есть, следовательно, дедукция. Но деньги со своей стороны есть нечто общее по отношению к категории капитала. В основе всякого капитала лежат деньги, хотя не всякие деньги есть капитал. Следовательно, и здесь движение от денег к капиталу есть дедукция, переход от общего к особенному.

Выяснив (при рассмотрении категорий товара, денег, капитала) стоимость, Маркс затем устанавливает, что такое прибавочная стоимость. Стоимость есть более общая категория, чем прибавочная стоимость, она служит основой этой последней. Всякая прибавочная стоимость есть стоимость. Но обратного сказать нельзя — не всякая стоимость есть прибавочная стоимость; следовательно, переход от стоимости к особой форме ее развития, к прибавочной стоимости, есть также дедукция. Исследуя прибавочную стоимость, Маркс берет ее сначала в общем виде, а потом уже рассматривает особенные формы проявления, как, например, абсолютную и относительную прибавоч-

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1955, стр. 180.

ную стоимость. И здесь совершается переход от общего к особенному — дедукция.

Таким образом, при выведении главных категорий политической экономии Маркс пользуется дедукцией.

Однако указанная дедукция Маркса не является обычной, формально-логической, так как она опирается на развитие. Дедуцируя одну категорию из другой (капитал из денег, деньги из товара), Маркс генетически развивает их друг из друга, выводя высшую из низшей. Здесь нет формально-логических отношений рода и вида. Хотя товар есть общее, а деньги — особенное (деньги есть товар, играющий роль всеобщего эквивалента), деньги — общее, а капитал — особенное, тем не менее, это не роды и виды. Товар не есть род по отношению к деньгам, деньги не есть род по отношению к капиталу, они — ступени, предпосылки развития денег, капитала. Нет обычного родовидового отношения и между категориями стоимости и потребительной стоимости, как это может показаться на первый взгляд[1]. Тут тоже отношение ступеней, этапов развития.

Сказанное вовсе не означает, будто Маркс нигде не пользуется формально-логической дедукцией и индукцией. Он пользуется и ими — там, где для этого имеются надлежащие условия. Но не они составляют специфику диалектического метода Маркса, не они характерны для Маркса как диалектика. Спецификой исследовательского метода Маркса является применение им, наряду с диалектическим анализом и синтезом, диалектической индукции и дедукции.

3. Единство, совпадение индукции и дедукции

Подобно рассмотренным выше аналитическому и синтетическому методам исследования индукция и дедукция имеют в повседневном и научном мышлении огромное значение. Без них не обходится ни одно исследование, никакое мышление. В математике и биологии, физике и истории — во всех науках пользуются этими методами. Приведем простейший пример из области математики. «Если три стороны одного треугольника соответственно равны трем сторонам другого треугольника, то треугольники равны. В треугольниках ABC и $A_1B_1C_1$ имеем $AB = A_1B_1$; $BC = B_1C_1$; $AC = A\,C_1$. Следовательно, треугольник ABC равен треугольнику $A_1B_1C_1$». Это рассуждение представляет собой не что иное, как дедукцию, в которой роль большей посылки выполняет первое предложение, меньшей—второе, а роль заключения—третье предложение. Движение мысли направляется от общего к частному. Широкое распространение получила в математике так называемая математическая индукция, тесно смыкающаяся с дедукцией.

[1] Как раз этот взгляд критиковал К. Маркс. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 456.

Интересно применение индукции и дедукции в биологии, в частности, в дарвинизме. Здесь характерна тенденция применить диалектическую индукцию и дедукцию, подобно тому как это в сознательной форме сделал К. Маркс в «Капитале». Возьмем «Происхождение видов» Ч. Дарвина. В этом произведении, построенном в основном дедуктивно, находит применение и индукция (подбор эмпирического материала, ссылка на конкретные факты, вообще выведение общих положений из единичных, частных данных). Если предшественники Ч. Дарвина—Линней, Кювье и др. занимались в основном собиранием материала и выведением из него общих законов, классификаций, то Ч. Дарвин, хотя он также занимался обобщением фактов, видел главную цель своего основного произведения в том, чтобы применить открытые на фактах искусственного отбора общие законы к фактам естественного отбора. Ч. Дарвин пользуется дедукцией, причем диалектической. Это видно из следующих его слов. «Все предыдущие правила и затруднения при классификации... можно объяснить, признав, что естественная система вытекает из фактов общего происхождения, сопровождаемого изменением, что признаки, которые считаются натуралистами за указание на истинное соотношение двух или более видов, суть особенности, унаследованные ими от общего прародителя, и что всякая истинная классификация есть генеологическая, что та скрытая связь, которую бессознательно ищут натуралисты, заключается именно в общности происхождения, а не в каком-то неведомом плане творения или в способе выражения общих положений и приема простого сближения и разделения более или менее сходных предметов»[1]. Устанавливая общность происхождения видов, дедуцируя их друг из друга, Ч. Дарвин стихийно применяет диалектическую дедукцию, в основе которой лежит, как мы об этом уже говорили, принцип развития.

Индукция и дедукция, как и лежащие в их основе единичное и общее, находятся в единстве, диалектически проникают друг в друга. Индукция, начиная с единичного и приходя к общему, подготовляет почву для дедукции, исходящей из общего и двигающейся к единичному. Со своей стороны и дедукция обусловливает индукцию, она приводит к такому единичному, с которого начинается новое индуктивное обобщение. Нельзя абсолютизировать ни один из этих логических процессов в ущерб другому. Цельный акт познания включает в себя одновременно и индукцию и дедукцию. Далеко отходят от истины как те философы и логики, которые абсолютизируют индукцию, считая ее единственным средством получения новых знаний (так называемые всеиндуктивисты), так и те, которые превозносят до небес дедукцию, принижая индукцию как метод научного исследования (так называемые вседедуктивисты). В действительном про-

[1] Ч. Дарвин. Происхождение видов. 1937, стр. 504—505.

цессе познания нельзя обойтись ни без индукции, ни без дедукции.

Критикуя тех, кто метафизически отрывает индукцию от дедукции и дедукцию от индукции, Ф. Энгельс справедливо писал: «Вместо того чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собою, их взаимное дополнение друг друга»[1].

Идея соединить в процессе исследования индукцию и дедукцию уходит в глубокую древность. Эту идею высказывали еще Платон и Аристотель. Платон учил, что философский метод имеет двоякую задачу: 1) абстрагировать общее от частного, подниматься к все более высшим понятиям, началам (αρχαι) и 2) нисходить от высших понятий к низшим, разделять понятия по родам, рассматривать следствия, вытекающие из принятых оснований. Подобно Платону Аристотель также видит двойную задачу философии в том, чтобы сначала восходить от единичного и особенного (которые, как лежащие ближе к чувствам, являются для нас первым и наиболее доступным) ко всеобщему, которое само по себе есть первое и наиболее познаваемое; затем из общего, служащего основанием, познавать единичное и частное как его необходимые следствия.

Однако только материалистическая диалектика позволила научно поставить и решить вопрос о внутреннем единстве индукции и дедукции. Индукция и дедукция не только связаны между собой и не существуют друг без друга, они при диалектическом их применении совпадают, как совпадают анализ и синтез, историческое и логическое. Совпадение индукции и дедукции очень хорошо видно на примере «Капитала» Маркса. Как мы уже говорили, движение мысли от товара к деньгам и от денег к капиталу есть дедукция, ибо товар — более общая категория, чем деньги и капитал. Но если мы возьмем категорию денег в связи с другими категориями, то она одновременно и единичное (в отношении товара) и общее (в отношении капитала). Поэтому движение к деньгам и от денег есть в одно и то же время и индукция и дедукция. В исследовании этой категории, в которой единичное и общее совпадают, происходит совмещение индукции и дедукции.

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1955, стр. 181.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно из изложенного, материалистическая диалектика, будучи наукой о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, выступает в марксистской философии и в качестве диалектической логики. Она учит не только о том, по каким законам развивается объективный мир, но также и о законах развития самого познающего мышления.

Материалистическая диалектика как теория развития, примененная к процессу познания истины, к истолкованию законов и форм мышления, дает диалектическую логику.

Диалектическая логика, рассматривая мышление как сознательный субъективный процесс, вскрывает роль и значение законов и категорий диалектики в самом этом процессе. В диалектической логике показывается, каким условиям должно удовлетворять мышление и какими приемами и способами оно должно пользоваться, чтобы быть диалектическим. Изучая эти условия, приемы и способы исследования, диалектическая логика раскрывает не что иное, как самый диалектический метод.

Главная задача диалектической логики состоит в исследовании и обобщении диалектических способов воспроизведения в мышлении движения и развития вещей, их противоречий, отрицания отрицания, отношения сущности и явления и т. д. Диалектическая логика должна ответить на вопрос, какими должны быть содержательные понятия, суждения, умозаключения, чтобы выразить в диалектике познающего мышления диалектику объективно существующих предметов. Диалектическая логика формулирует развернутую систему правил и требований диалектического метода. Она поэтому неотделима от диалектического метода, выступая его научной теорией.

Основное требование диалектического метода есть требование конкретности понятий, мышления вообще. Требование это заключается в следующем. Поскольку все предметы и явления действительности конкретны и определенны, постольку и наши

мысли, понятия о них должны быть конкретными и определенными. Понятия о вещах действительности должны быть связаны с определенными предметами и отношениями, с определенными классами предметов, свойств и отношений. Только в этом случае они будут адекватно отражать действительность.

В конкретных понятиях фиксируется не только определенность предметов, но место и время, качество и особенности обстановки, в которой они даны. Неслучайно конкретные понятия заключают в себе, наряду с общими признаками, также признаки особенные и единичные, с которыми эти общие признаки необходимо связаны. В конкретных понятиях раскрывается объективная диалектика вещей, в них одна противоположность всегда существует вместе и во взаимообусловленности с другой (сущность с явлением, форма с содержанием, свобода с необходимостью, положительное с отрицательным и т. п.).

Среди многих изучаемых диалектической логикой законов и способов воспроизведения в мышлении диалектики объективно существующих вещей на первое место выступает способ восхождения от абстрактного к конкретному. Согласно этому способу диалектическое отражение в мышлении объективного предмета начинается с исследования его ячейки, «клеточки», представляющей собой самое простое, всеобщее и абстрактное отношение развитого целого. В данной «клеточке», поскольку она есть отношение, сразу же вскрываются противоположные стороны, которые одновременно предполагают и исключают одна другую. Каждая из противоположных сторон исследуется сначала отдельно, затем во взаимодействии с другой стороной. При этом обнаруживается противоречие, которое прослеживается с точки зрения того, как оно проявляется на поверхности явлений и как выступает в своей сущности. Дальнейший анализ вскрывает реальные способы разрешения данного противоречия и превращения его в другое. Это другое противоречие, по своей силе более интенсивное, нежели первое, анализируется точно таким же путем вплоть до его перехода в высшее противоречие и т. д. Все восхождение предстает как логический процесс движения от раскрытия одного, менее интенсивного противоречия к раскрытию другого, более интенсивного. При этом показывается, что каждое новое противоречие отрицает предшествующее ему старое противоречие, из которого оно вырастает как из своей основы, и само, в свою очередь, отрицается иным, высшим. Таким образом, ход мыслей, развитие категорий науки протекает в ее собственной, необходимо присущей ей форме.

В процессе изучения предмета способом восхождения исследователь раскрывает многообразные его категории, пользуясь для этого законами диалектики: единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания, перехода количества в качество и обратно, сущности и явления, формы и содержания, случайности и необходимости и т. д. Все положения науки диа-

лектики становятся здесь орудием, инструментом познания. При этом категории предмета раскрываются в строго определенной последовательности, правилом которого является движение от простого к сложному. Более простая категория рассматривается раньше, чем более сложная.

Очень важным средством воспроизведения в мышлении диалектики предмета являются различные способы логического и исторического исследования, обусловленные наличием в предмете двух его сторон: конкретной истории и существенной логики.

Исторический способ исследования связан с воспроизведением конкретной истории предмета, с прослеживанием его индивидуальных особенностей развития, с выявлением хронологической последовательности этапов, которые он проходит. При этом способе исследователь шаг за шагом идет за эмпирической историей предмета, фиксируя различные ее зигзаги и повороты, попятные движения и отступления и т. д. Данный способ более доступен и прост для понимания, но он не может раскрыть существенные закономерности предмета в их чистом виде. Логический способ отличается противоположными признаками. В этом способе исследуемый предмет берется в чистом виде, свободном от случайностей; закономерности рассматриваются здесь в отвлечении от конкретных форм их проявления. Но, в сущности, логический способ — это тот же исторический способ, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих закономерность случайностей. Логический способ начинает с того же, с чего начинает исторический способ, и устанавливаемые им этапы развития в общем и целом совпадают с этапами, фиксируемыми историческим способом.

Кроме того, история и логика характеризуют не только предмет исследования, но и самый процесс исследования, изучающую его науку. Возникает, таким образом, новый аспект логического и исторического: отношение последовательности категорий в современной науке к той последовательности их, которую они имеют в истории науки. В связи с тем, что в истории познания, равно как и в его логике, развитие идет от простого к сложному, первая последовательность в принципе оказывается соответствующей второй. Отсюда вывод: анализ последовательности категорий в истории науки помогает установить последовательность их в самой науке и, наоборот, последовательность в первой облегчает установление их последовательности во второй. Тут, действительно, логическое совпадает с историческим, или, как говорит В. И. Ленин: «В логике история мысли должна, в общем и целом, совпадать с законами мышления» [1].

Значение принципа логического и исторического состоит в том, что, опираясь на него, можно находить общие связи даже там, где для этого нет непосредственных эмпирических данных.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 314.

В восхождении от абстрактного к конкретному, в процессе осуществления единства логического и исторического важную роль играют такие логические методы исследования, как индукция (движение от единичного к общему) и дедукция (движение от общего к частному), анализ (расчленение целого на элементы) и синтез (соединение отдельных элементов в целое) и многие другие. Эти методы находятся между собой во внутренней диалектической связи и взаимозависимости и всегда применяются вместе, хотя в каждом отдельном случае на первый план может выступить то один из них, то другой. В связи с относительностью противоположностей единичного и общего, конкретного и абстрактного индукция совпадает с дедукцией, а анализ с синтезом. Один и тот же процесс диалектического исследования, если взять его в общей связи с другими процессами, является в одно и то же время и индуктивным и дедуктивным, и аналитическим и синтетическим.

* * *

Возникновение диалектической логики в прошлом столетии и развитие ее в настоящее время свидетельствует о том, что в мышлении, как сознательной субъективной деятельности, появились новые закономерности, связанные с воспроизведением в познании диалектики объективно существующих вещей. Это возникновение символизирует собой качественно новый этап в развитии науки о мышлении, логики. Как справедливо отмечает Ф. Энгельс, «Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит и нашей эпохи, это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления»[1].

С возникновением диалектической логики формальная логика не утрачивает своего значения и не прекращает развития. Она лишь уточняет область своего действия, превращаясь из единственной науки о мышлении, какой ее считали раньше, в одну из наук о мышлении. Формальную логику нельзя отождествлять с метафизикой. Известным подтверждением способности формальной логики к развитию может служить математическая логика, появление которой связано с применением методов математики к исследованию логических отношений. Следовательно, задача состоит не в том, чтобы подменить формальную логику логикой диалектической (каждая из них имеет право на существование), а в том, чтобы покончить с абсолютизацией формальной логики, с превращением ее из частной науки о мышлении, каковой она на самом деле является, во всеобщую и единственную науку о логических закономерностях мышления, за которую ее ошибочно выдают некоторые философы и логики.

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1955, стр. 22.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. **Предмет диалектической логики** Стр

1. Различные понимания диалектической логики 4
2. Единство диалектики, теории познания и логики как основа решения вопроса о предмете диалектической логики 10
3. Диалектические закономерности мышления как предмет диалектической логики 14
4. Диалектика мышления и диалектическое мышление 18
5. Диалектика, диалектический метод и диалектическая логика . . 25

Глава II. **Конкретность понятий в диалектическом мышлении**

1. Абстрактные и конкретные понятия 38
2. Конкретное понятие как понятие диалектическое 35
3. Развитие конкретных понятий и их значение в процессе познания . . 43

Глава III. **Восхождение от абстрактного к конкретному**

1. Исходный пункт восхождения от абстрактного к конкретному и его признаки 51
2. Этапы и общий результат процесса восхождения 63
3. Логические приемы, применяемые в процессе восхождения 77
4. Значение способа восхождения и возможность применения его в различных науках 96

Глава IV. **Историческое и логическое**

1. Понятие исторического и логического 109
2. Исторический и логический способы исследования 113
3. Исторические (временные) и структурные связи предметов 117

Глава V. **Диалектика анализа и синтеза**

1. Общее понятие об анализе и синтезе 122
2. Основные черты диалектического анализа и синтеза 125
3. Единство анализа и синтеза 131

Глава VI. **Взаимосвязь индукции и дедукции**

1. Объективная основа индукции и дедукции 135
2. Индукция и дедукция в диалектическом мышлении 139
3. Единство, совпадение индукции и дедукции 143

Заключение 146

Митрофан Николаевич Алексеев

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

(краткий очерк)

Редактор *В. И. Кириллов*
Редактор изд. *А. А. Чикнаверова*
Технический редактор *Л. Л. Титова*

Сдано в набор 26/X-1959 г. Подписано к печати 29/II-1960 г.

Бумага 60×92¹/₁₆=9,5 печ. л. 9,89 уч.-изд. л.

Тираж 20.000 Т-01038. Издательство «Высшая школа»

Заказ 341 Цена 2 руб. 30 коп.

Тип. изд-ва «Высшая школа», Неглинная, 29/14. Зак. 1292
Отпечатано с готового набора в
1 типографии изд-ва МГУ. Москва, Моховая, 9